

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ»

На правах рукописи

Халиуллина Айгуль Фаатовна

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ
ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация
на соискание ученой степени доктора юридических наук

Научный консультант
доктор юридических наук, профессор
Макаренко Илона Анатольевна

Уфа – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
 ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ УЧЕНИЯ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	25
1.1. Понятие, сущность и пределы использования специальных знаний в российском уголовном процессе.....	25
1.2. Формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве.....	41
1.3. Предпосылки формирования криминалистического учения об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних	53
1.4. Понятие и структура криминалистического учения об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних	71
1.5. Место учения об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних в системе общей теории криминалистики.....	81
 ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИОННО – ТАКТИЧЕСКИЕ ОСБЕННОСТИ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА И ЭКСПЕРТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	91
2.1. Специалист и эксперт как сведущие лица.....	91
2.2. Требования, предъявляемые к сведущим лицам, привлекаемым к расследованию преступлений с участием несовершеннолетних.....	105
2.3. Криминалистическая оценка заключения специалиста и эксперта при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних	135
 ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	165
3.1. Основания и формы привлечения специалистов в производство расследования преступлений с участием несовершеннолетних.....	165

3.2. Криминалистические проблемы привлечения сведущих лиц к производству проверочных действий на стадии возбуждения уголовного дела при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних.....	182
3.3. Криминалистические проблемы разрешения следственных ситуаций, возникающих на предварительном следствии в связи с использованием специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних.....	202
ГЛАВА 4. ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	219
4.1. Значение и возможности судебной экспертизы по установлению элементов криминалистической характеристики преступления с участием несовершеннолетних.....	219
4.2. Проблемы экспертного исследования личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства.....	239
4.3. Проблемы производства судебных экспертиз при расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных систем	269
4.4. Возможности использования судебных экспертиз для профилактики преступлений с участием несовершеннолетних.....	282
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	297
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	309
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	336

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена, во-первых, тем, что количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними и против них, остается значительным. Кроме того, подростки все чаще становятся свидетелями криминальных событий, привлекаются к рассмотрению уголовных дел, увеличивая тем самым число несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства.

Во-вторых, ограниченность знаний и недостаточность накопленного опыта, формирующихся в отдельных профессиях, в реальных условиях деятельности правоприменителя зачастую оказываются причиной того, что решение многих практических задач конкретным субъектом познания становится невозможным без обращения за помощью к лицам, обладающим нужными сведениями.

Потребность в привлечении сведущих лиц, способных помочь следствию и суду в решении вопросов, выходящих за рамки их собственной профессиональной подготовки, стала осознаваться в российском судопроизводстве, по сути дела, одновременно с началом формирования в стране уголовной юстиции, когда об уголовном преследовании несовершеннолетних или особенностях их привлечения в уголовное судопроизводство в качестве потерпевших или свидетелей вопрос еще не стоял. И сегодня, когда институт сведущих лиц, привлекаемых для оказания органам правосудия содействия в расследовании преступлений, участниками которых были дети и подростки, насчитывает уже не одно столетие, стремление ученых к теоретическим обобщениям накопленных знаний и опыта в этой сфере становится особенно востребованным, приобретая характер тенденции в развитии современной науки о раскрытии и расследовании преступлений.

Исследование обстоятельств преступлений, совершенных с участием несовершеннолетних, тем более требует особого подхода, так как собственных

знаний следователя и суда оказывается явно недостаточно в общении с несовершеннолетними, привлекаемыми в уголовное судопроизводство. Здесь, помимо помощи традиционных специалистов в области науки, техники, искусства или ремесла, необходимы знания и навыки специалистов в области детской и подростковой психологии и педагогики. Поскольку несовершеннолетние часто испытывают стресс, страх, недоверие к правоохранительным органам, независимо от того, в каком процессуальном качестве они привлекаются в уголовное судопроизводство, без обращения к помощи специалистов расследование может зайти в тупик, а попытка разрешения возникающих проблем следователями или судом самостоятельно – привести к ошибкам и неверному толкованию установленных обстоятельств уголовного дела, а порой и к утрате источников достоверной информации.

Становится очевидным, что современные проблемы практики раскрытия и расследования преступлений с участием несовершеннолетних не могут быть решены без научной теории, являющейся эффективным инструментом познания действительности. Соответственно, создание частных криминалистических теорий и приведение их в систему в рамках общей теории криминалистики становится не только объективной потребностью криминалистического познания, но и свидетельством зрелости самой науки. Поэтому без теоретического осмысления проблем использования специальных знаний в процессе раскрытия и расследования преступлений, к которым привлекаются несовершеннолетние, невозможно решать и новые практические задачи.

В процессах, сопровождающих формирование соответствующего учения, находит отражение общая закономерность развития криминалистического научного знания, поскольку «в каждой научной дисциплине, достигшей определенной зрелости, развиваются обобщающие теории»¹. При общей тенденции развития науки, проявившейся в интеграции

---

¹ Герц Г. Марксистская философия и естествознание. М., 1982. С. 360.

научного знания, создание учения об использовании специальных знаний в расследовании преступлений, к которым привлекаются несовершеннолетние, помогло бы аккумулировать и творчески развить комплекс важных для практики положений, разработанных уже сформировавшимися в криминалистике научными теориями. Это, в частности, теория использования специальных знаний в уголовном процессе, учение о личности несовершеннолетнего преступника, учение о личности несовершеннолетнего свидетеля, потерпевшего и некоторые другие. Положения этих теоретических учений, интерпретированные для новых потребностей практики расследования преступлений с участием несовершеннолетних, основанные на анализе комплекса ее концептуальных проблем, призваны стать базой для формирования нового криминалистического учения как частной теории, развивающейся благодаря «внутренней» интеграции криминалистических знаний. А само учение об использовании специальных знаний в расследовании преступлений с участием несовершеннолетних, раскрывая закономерности привлечения сведущих лиц к участию в работе следствия и суда по таким делам, может стать теоретической основой для разработки новых методов и средств, рекомендуемых наукой для практического их применения органами правосудия.

Находясь в статусе развивающегося теоретического знания, предлагаемое нами для разработки учение об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних, обладая всеми необходимыми для этого структурными элементами (компонентами), может со временем приобрести все признаки зрелой научной теории. Выделению этих элементов (компонентов), их научному описанию и обоснованию, позволяющим со временем трансформировать такое учение в полноценную научную теорию, посвящена настоящая диссертация.

Отличаясь междисциплинарным характером, криминалистическое учение об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних, на наш взгляд, вполне может

занять достойное место в системе общей теории криминалистики. Мы полагаем, что именно перспективами дальнейшего прогрессивного развития теории криминалистики как основы для разработки ее практических рекомендаций определяется актуальность проведенного нами исследования.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблемы использования специальных знаний в процессе расследования уголовных дел обсуждаются учеными и практиками с момента возникновения данного института. Одними из первых, кто придал таким обсуждениям научно обоснованный характер, раскрыв суть используемых сведущими лицами, привлекаемыми к расследованию, научных методов, были Г. Гросс и Ю. Торвальд.

Значительный вклад в разработку общетеоретических проблем института сведущих лиц внесли: Т.В. Аверьянова, Ф.Г. Аминев, Л.Е. Ароцкер, Р.С. Белкин, А.И. Винберг, Л.Е. Владимиров, Т.С. Волчецкая, А.Е. Галинская, А.В. Гусева, А.Э. Денисов, О.Г. Дьяконова, Е.А. Зайцева, В.В. Захарова, А.М. Зинин, Е.И. Зуева, Е.В. Иванова, О.А. Исаева, Е.П. Ищенко, Я.В. Комиссарова, Ю.Г. Корухов, И.Ф. Крылов, А.В. Кудрявцева, Л.В. Лазарева, В.С. Латыпов, Н.П. Майлис, Т.Ф. Моисеева, В.Н. Махов, А.А. Новиков, Е.Р. Россинская, И.Н. Сорокотягин, А.А. Тарасов, Т.Д. Телегина, И.И. Трапезникова, А.И. Усов, Л.Г. Шапиро, А.А. Эйсман, А.А. Эксархопуло, Н.П. Яблоков и др.

Между тем неисследованными остаются вопросы применения специальных знаний на предварительном следствии и в суде, которое отличалось бы своими криминалистическими признаками, в частности признаками, характеризующими участников расследования. Поэтому вполне закономерно, что по мере формирования института специальных знаний ученые стали активно разрабатывать и учение о личности участника уголовного судопроизводства как источника криминалистически значимой информации. Решению этой задачи посвятили свои труды А.Г. Бедризов, Ф.В. Глазырин, В.А. Жбанков, Р.И. Зайнуллин, Л.Л. Каневский, М.А. Лушечкина,

И.А. Макаренко, Н.И. Малыгина, О.А. Славгородская, П.П. Цветков, Н.П. Яблоков и др.

Однако не только авторам соответствующих научных исследований ясно, что знание особенностей личности участника уголовного процесса может оказать существенное влияние на эффективность работы следствия и суда, но и практическим работникам. Впрочем, как и то, что изучение личности и использование полученных о ней знаний в ходе расследования преступлений испытывает серьезные трудности, обусловленные отсутствием надлежащей подготовки у субъектов процессуального познания, что без обращения к специалистам соответствующего профиля обойтись нельзя.

До недавнего времени эта проблема если и привлекала внимание ученых, то исключительно в качестве сопутствующей решению проблем производства отдельных следственных действий с участием несовершеннолетних либо разработки методик расследования преступлений, совершаемых подростками. Только в рамках таких исследований анализировались особенности привлечения сведущих лиц к решению вопросов, непосредственно связанных с отдельными участниками уголовного судопроизводства, в том числе с несовершеннолетними. Научных исследований на монографическом уровне, которые отличались бы самостоятельным предметом, отражающим специфику использования специальных знаний на предварительном следствии, к которому привлекаются несовершеннолетние, тем более на уровне частной криминалистической теории, не проводилось.

Комплексное исследование теоретических проблем использования специальных знаний в отношении несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, на наш взгляд, надлежит начинать с описания предпосылок формирования частной теории, интегрирующей в себе учение о применении специальных знаний и учение о личности несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. Однако этот вопрос в литературе вообще не обсуждался. Как не обсуждался и даже не ставился вопрос о

структурных компонентах такого учения. Разработка криминалистического учения о специальных знаниях, используемых в делах с участием несовершеннолетних, имеет не только теоретическое, но и сугубо прикладное значение, о чем свидетельствует и анализ практики.

Объектом диссертационного исследования является деятельность по использованию специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних, обладающих специфическими чертами, требующими анализа и оценки, криминалистическое познание которых невозможно без обращения к сведущим в разных областях науки и техники лицам. А также деятельность органов дознания, следствия, прокуратуры и суда по привлечению таких лиц в уголовный процесс для решения возникающих специальных вопросов, ответы на которые позволяют выяснять важные обстоятельства указанных видов преступлений.

Предметом исследования выступают закономерности привлечения в уголовное судопроизводство сведущих лиц для оказания содействия органам правосудия в установлении отдельных обстоятельств преступлений, совершаемых с участием несовершеннолетних, в отношении несовершеннолетних или расследуемых с привлечением несовершеннолетних в качестве свидетелей; основанные на познании этих закономерностей средства, приемы и методы практической деятельности органов расследования и суда, направленные на выявление криминалистически значимой информации о несовершеннолетнем участнике уголовного судопроизводства.

Цель диссертационного исследования состоит в разработке учения об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних, определении его места в системе общей теории криминалистики, выработке научных рекомендаций, основанных на анализе проблем участия специалиста в разбирательствах по уголовным делам с участием несовершеннолетних, изучении путей их решения и разработке предложений, способствующих дальнейшему развитию теории и практики

использования знаний и навыков сведущих лиц в ходе расследования преступлений с участием несовершеннолетних.

Для достижения указанной цели поставлены и решены следующие **задачи:**

- сформулировать понятие, определить сущность, формы и пределы использования специальных знаний в российском уголовном процессе с учетом как исторических этапов развития этого института, так и современного периода;
- проанализировать предпосылки формирования криминалистического учения об использовании специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, в отношении несовершеннолетних или расследуемых с участием несовершеннолетних свидетелей;
- предложить авторское понятие и структуру криминалистического учения об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних;
- определить место криминалистического учения об использовании специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений с участием несовершеннолетних в системе общей теории криминалистики;
- предложить определения специалиста и эксперта как сведущих лиц, выработать требования, предъявляемые к ним;
- выявить проблемы оценки результатов использования специальных знаний по делам о преступлениях, совершаемых с участием несовершеннолетних, предложить пути их решения на основе исторического опыта, эмпирических обобщений и теоретических исследований;
- определить и научно обосновать критерии криминалистической оценки заключения специалиста и эксперта при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних;
- проанализировать основания и формы привлечения специалистов при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних;

- рассмотреть криминалистические проблемы привлечения специалистов к производству проверочных действий на стадии возбуждения уголовного дела при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних;
- рассмотреть криминалистические проблемы разрешения следственных ситуаций, возникающих на предварительном следствии в связи с использованием специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних;
- определить значение и возможности судебной экспертизы по установлению элементов криминалистической характеристики преступлений несовершеннолетних;
- проанализировать проблемы экспертного исследования личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства и определить пути их решения;
- рассмотреть некоторые проблемы производства судебных экспертиз при расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных систем при участии несовершеннолетних, и предложить пути их решения;
- рассмотреть возможности использования судебных экспертиз в профилактике преступлений несовершеннолетних.

Методология и методика исследования. Основополагающим методом исследования послужил диалектический подход к рассмотрению поставленных в исследовании задач, позволивший проследить закономерности использования специальных знаний в историческом аспекте и на современном этапе развития этого института и их применение по отношению к несовершеннолетним, представляющим собой особую процессуальную фигуру в уголовном судопроизводстве. В процессе исследования применялись общенаучные методы познания: анализа и синтеза, наблюдения, описания, сравнения, в том числе сравнительно-правовой и сравнительно-исторический, и др. Также использовался комплекс

частнонаучных методов, среди которых исторический – для изучения становления института использования специальных знаний и зарождения учения об участнике уголовного судопроизводства как источнике криминалистически значимой информации; формально-логический, который был применен при выработке базовых понятий учения об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних; статистический – для обобщения материалов следственной, экспертной и судебной практики; социологический – для проведения опроса практических работников и др.

Нормативную основу исследования составили: Краткое изображение процессов и судебных тяжб (1715), Свод законов Российской империи (1832), Устав уголовного судопроизводства (1864), Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1922, 1923 и 1960 гг., Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ, постановления Пленума Верховного Суда РСФСР и Верховного Суда РФ.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составили материалы 520 уголовных дел, находящихся в архивах районных судов г. Уфы, результаты опроса 110 судей Верховного Суда Республики Башкортостан и районных судов г. Уфы, 120 следователей следственных комитетов Республики Башкортостан и Республики Татарстан, результаты эмпирического анализа, полученные другими исследователями по аналогичной или смежной проблематике.

Теоретическая основа исследования представлена работами Т.С. Аверьяновой, Ф.Г. Аминова, Л.Е. Ароцкера, А.И. Винберга, Р.С. Белкина, Л.Е. Владимирова, Т.С. Волчецкой, Ф.В. Глазырина, О.Г. Дьяконовой, Е.А. Зайцевой, Р.И. Зайнуллиной, В.В. Захаровой, А.М. Зинина, Е.В. Ивановой, О.А. Исаевой, Л.Л. Каневского, И.Ф. Крылова, А.В. Кудрявцевой, Л.В. Лазаревой, М.А. Лушечкиной, Н.П. Майлис, И.А. Макаренко, Н.И. Малыхиной, В.Н. Махова, Т.Ф. Моисеевой, Е.Р. Россинской, И.Н. Сорокотягина, Т.Д.

Телегиной, И.И. Трапезниковой, Л.Г. Шапиро, П.П. Цветкова, А.А. Эйсмана, А.А. Эксархопуло, Н.П. Яблокова и других ученых.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем проведен комплексный анализ проблем привлечения специальных знаний для раскрытия и расследования преступлений, выделенных не по уголовно-правовым признакам, что было характерно для разработки частных методик расследования, а по иным критериям, характеризующим преступную деятельность. Разработаны теоретические положения и концептуальные тактико-криминалистические рекомендации по видам и способам использования специальных знаний, научно-технических средств и методов при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних.

Проблема в том, что большинство ранее проведенных исследований, посвященных применению специальных знаний, находило их особенности, требующие научного анализа, прежде всего, в уголовно-правовой квалификации совершаемых противоправных деяний. Соответственно основное внимание ученые уделяли исследованию проблем применения специальных знаний при расследовании убийств, дорожно-транспортных происшествий, мошенничеств в экономической сфере и т. д. То есть акцент в исследовании проблем использования специальных знаний делался на особенностях преступлений, отличающихся своей уголовно-правовой квалификацией. При этом существенно меньше уделялось внимания проблемам, связанным с применением специальных знаний при расследовании преступлений, совершаемых характерными способами или в специфической материальной обстановке и т.д. Практически неисследованными оставались проблемы использования специальных знаний при расследовании преступлений, специфика которых была обусловлена особенностями личности преступников или их жертв, в частности, совершаемых несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних, или при их участии в качестве свидетелей. Очевидно, что познание обстоятельств таких криминальных событий, независимо от вида

преступления согласно УК РФ, требует не столько знания их уголовно-правовой характеристики, сколько осведомленности в криминалистически значимых признаках, в том числе характеризующих личность несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства. Как показывает практика, на эффективность установления отдельных обстоятельств преступлений, совершаемых с участием несовершеннолетних, существенное влияние оказывает специфика личности, обусловленная их возрастом, психологией, уровнем образования и некоторыми другими качествами детей и подростков, требующих для их установления обращения к специалистам разного профиля. То есть к специальным знаниям, которыми субъекты процессуального доказывания сами не обладают, но которые допускаются в разных их формах, регламентированных уголовно-процессуальным законом или выработанных практикой.

Эта проблема до недавнего времени, если и привлекала внимание ученых, то исключительно в аспекте необходимости решения проблем тактики производства отдельных следственных действий с участием несовершеннолетних, либо создания новых методик расследования преступлений, совершаемых подростками, и т.д. Научных исследований на монографическом уровне, которые отличались бы самостоятельным предметом, отражающим специфику использования специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних, тем более на уровне частной криминалистической теории, не проводилось. И уже только по этой причине следует говорить об использовании специальных знаний и навыков в делах несовершеннолетних, как о проблеме, отличающейся новизной, концептуальностью предлагаемых решений и заслуживающей повышенного внимания.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Определение криминалистического учения об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних, отображающее закономерности применения сведущими

лицами системы знаний и навыков в определенной области науки, техники, искусства, ремесла, необходимые для обнаружения, исследования и использования криминалистически значимой информации о личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства при расследовании преступлений.

2. Предпосылки формирования, компонентный состав, функции и место учения об использовании специальных знаний в расследовании преступлений с участием несовершеннолетних в системе общей теории криминалистики.

3. Определены разновидности основных направлений исследования о специальных знаниях и их сущности: 1) законодательная разработка перечня источников специальных знаний, привлекаемых в уголовное судопроизводство; 2) закрепление в законе списка обладателей специальных знаний, по которому можно было бы судить о сущности тех из них, которые могли быть использованы в уголовном судопроизводстве; 3) определен круг потребителей специальных знаний, имеющих право обращаться за содействием к сведущим лицам; 4) поиск объективных критериев разграничения специальных и неспециальных знаний и навыков.

4. Необходимость регламентации статуса единой фигуры участника уголовного судопроизводства, известного как сведущее лицо, определение на законодательном уровне его правового положения, которое будет объединять всех обладателей специальных знаний, навыков, умений и опыта, привлекаемых в уголовное судопроизводство. Предлагается внести изменения и дополнения в УПК – дополнить сведущим лицом используемые в Кодексе термины (ст. 6) и перечень иных участников уголовного судопроизводства, определив их правовой статус в отдельной статье (например, дополнив гл. 8 статьей 57.1): «Сведущее лицо – это участник уголовного судопроизводства, обладающий специальными знаниями, навыками или опытом в той или иной области профессиональной деятельности, привлекаемый сторонами для обнаружения, закрепления, изъятия, исследования и оценки доказательств, а

также для решения иных специальных задач на условиях и в порядке, предусмотренных настоящим Кодексом. Сведущее лицо привлекается для оказания содействия в доказывании по уголовному делу в качестве специалиста или эксперта либо в качестве иного сведущего лица, выполняющего вспомогательные функции (переводчик, педагог, лицо, сведущее в цифровых технологиях, и др.).

В процессе осуществления органами дознания, следствия, прокуратуры или суда возложенных на него законом функций по собиранию, исследованию или оценке доказательств сведущее лицо может быть привлечено в качестве судебного эксперта, а остальными участниками уголовного судопроизводства, представляющими стороны, – в качестве специалиста для решения задач правосудия или иных способствующих их решению задач».

5. Необходимость проверять компетентность сведущего лица не только по документам об образовании или профессиональной подготовке, но и по способности на высоком профессиональном уровне решать вопросы об обстоятельствах познаваемого события. Для установления такой способности сведущее лицо должно быть знакомо с научными работами, опубликованными в сборниках научных статей и журналов, издаваемых экспертными учреждениями и сообществами судебных экспертов, в которых отражены передовой опыт проведения судебно-экспертных исследований по разным направлениям, новейшие разработки методов и методик судебных экспертиз, практика наиболее опытных отечественных и зарубежных специалистов и экспертов.

6. Предложение о предъявлении к сведущим лицам, приглашенным для участия в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних, не только требований общего характера (компетентность, независимость и личная незаинтересованность), но и дополнительных узкопрофессиональных требований (например, не только быть компетентным в области психологии, но и обладать знаниями детской психологии, педагогики и т. д.).

7. Предложение о создании реестра наиболее компетентных сведущих лиц, который будет способствовать организации профессионального взаимодействия представителей экспертного сообщества с процессуально ответственными лицами. Включения сведущего лица в такой реестр можно будет рассматривать в качестве подтверждения профессиональной репутации специалиста или эксперта как добросовестного и компетентного исполнителя заданий сторон уголовного судопроизводства, к которому следует относиться с полным доверием. Специалистов, указанных в реестре, предлагается группировать по имеющимся у них знаниям и навыкам в определенной области науки, техники, искусства или ремесла, отмечая наличие опыта работы с несовершеннолетними участниками в процессе расследования уголовных дел.

8. Система правовых видов использования специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних может быть представлена следующим образом:

1) по процессуальному статусу участников расследования и рассмотрения уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних, наделенных правом обращаться к сведущим лицам за разрешением вопросов, требующих специальных знаний и навыков, все правовые виды можно разделить на: а) привлечение специальных знаний субъектами процессуального доказывания (дознавателем, следователем, прокурором, судом) путем обращения к сведущим лицам любых специальностей, кроме тех, которыми они в силу возложенных на них функций обязаны владеть сами; б) привлечение специальных знаний несовершеннолетними участниками или их представителями, нуждающимися в разъяснении вопросов специального характера. Состав таких специальных знаний не ограничен и может быть любым;

2) по процессуальному статусу сведущих лиц, привлекаемых к производству по делам несовершеннолетних, правовые виды использования их специальных знаний могут быть представлены следующими разновидностями:

- использование специальных знаний сведущими лицами, выступающими в статусе специалистов (привлечение специалистов к производству процессуальных действий с участием несовершеннолетних, организуемых сторонами или судом; постановка вопросов, ответы на которые требуют специальных знаний или навыков, и дача по ним заключения);

- использование специальных знаний экспертами, решающими вопросы, относящиеся к предмету доказывания по делам о преступлениях, совершаемых или расследуемых с участием несовершеннолетних, в частности: 1) о личности несовершеннолетнего – его возрасте, психологическом состоянии, издержках воспитания и др., об уровне его психического или физического развития, о способности адекватно воспринимать события и оценивать их и др.; 2) о способах совершения преступлений, в том числе под влиянием взрослых и т. д.;

- использование специальных знаний иными сведущими лицами, правовой статус которых отличен от статуса специалиста и эксперта, в частности переводчиками, врачами, проводящими медицинское освидетельствование несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) в порядке ч. 4 ст. 421 УПК РФ или освидетельствование несовершеннолетнего лица другого пола на основании ч. 5 ст. 181 УПК РФ, педагогами и психологами, участвующими в допросе несовершеннолетнего, и другими обладателями специальных знаний или навыков;

3) *по процессуальным функциям сведущих лиц*, привлекаемых к проведению следственных действий с участием несовершеннолетних:

- оказание следователю (суду) содействия в обнаружении, закреплении, изъятии источников доказательственной информации и их сохранении;

- проведение сведущим лицом по заданию следователя (суда) исследований следов, предметов, документов, материалов уголовных дел и т. д.;

- исполнение судебных решений, требующих применения специальных педагогических (а возможно, и психологических знаний);

4) *по доказательственному значению результатов* все правовые виды использования специальных знаний по делам о преступлениях, расследуемых с участием несовершеннолетних, могут быть представлены следующими видами:

- правовые виды использования специальных знаний, результаты которого являются самостоятельными источниками доказательств: заключения специалиста и эксперта, протоколы допроса специалиста и эксперта;

- правовые виды использования специальных знаний, результаты которого приобретают доказательственное значение, только будучи закрепленными в протоколе следственного действия, проведенного с участием сведущего лица;

- правовые виды использования специальных знаний, результаты которого имеют ориентирующее значение;

5) *по способу реализации правовых видов* использования специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных с участием несовершеннолетних: обязательное привлечение сведущих лиц для решения поставленных вопросов; факультативное привлечение сведущих лиц, осуществляемое по усмотрению следователя, суда, сторон в процессе.

Разнообразие таких правовых видов должно быть дополнено видами, которые различаются в предлагаемой системе по *криминалистическим критериям*. В частности: а) по видам преступлений, совершаемых несовершеннолетними, познание которых требует использования специальных знаний и навыков; б) по специфике отраслей знания, используемых в уголовных делах о преступлениях несовершеннолетних в качестве специальных знаний; в) по этапам расследования дел о преступлениях, совершаемых с участием несовершеннолетних, выделяемых в структуре частной криминалистической методики (в рамках доследственной проверки, на первоначальном, последующем и завершающем этапах) и некоторым другим.

9. Система общих вопросов, к решению которых должны привлекаться педагоги и психологи, состоящая из трех групп:

1) вопросы, решаемые в порядке оказания помощи следователю (суду) при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних (консультирование, оказание помощи в налаживании коммуникации с несовершеннолетним при подготовке и проведении следственного действия с их участием, преодоление негативного восприятия деятельности следователя и суда, пресечение попыток противодействовать расследованию со стороны несовершеннолетних и других участников процесса);

2) вопросы, решаемые педагогом и психологом в порядке оказания помощи несовершеннолетним (принятие мер педагогического или психологического характера, ограждающих несовершеннолетних от негативного воздействия со стороны следователя; оказание помощи в получении от несовершеннолетних правдивых показаний);

3) вопросы, решаемые педагогом и психологом в рамках выполнения задания следователя (суда), но самостоятельно (дача заключений по поставленным перед ними вопросам специального характера на основании самостоятельно проведенной аналитической работы. Имеется в виду, как производство судебной экспертизы, требующей от эксперта педагогической или психологической подготовки, так и деятельность специалиста – педагога или психолога, – осуществляемая в порядке выполнения функций, предусмотренных ч. 1 ст. 58 УПК РФ, и так же как и экспертиза, завершающаяся дачей заключения (ч. 4 ст. 80 УПК РФ)).

10. Необходимость проведения проверки поданного несовершеннолетним заявления о якобы совершенном против него или иного лица преступлении с привлечением специалиста в области криминалистического исследования документов в целях распознавания заведомо ложных доносов, которые дети часто заявляют, попав под влияние взрослых. На недостоверность содержащихся в таком заявлении сведений могут указывать: внутренние противоречия; несоответствие заявленной

информации установленным проверочными действиями фактам; наличие в заявлении признаков материального либо интеллектуального подлога; выполнение текста заявления выработанным почерком; наличие признаков письма под диктовку; употребление слов и выражений, свойственных взрослым авторам текста, и т. д.

11. Рекомендация об обязательном назначении и проведении судебных экспертиз – психологических, психиатрических, судебно-медицинских, криминалистических – на этапе возбуждения уголовного дела для выяснения важнейших обстоятельств (возраста несовершеннолетнего, психологического состояния, уровня его развития и др.). В этой связи предлагается дополнить ст. 144 УПК РФ правилом о допустимости приостановки сроков принятия решения по результатам проверки заявлений и сообщений о преступлении на время, необходимое для завершения запланированных проверочных мероприятий, которые проводятся с помощью сведущих лиц или непосредственно ими.

12. Алгоритм действий следователя в различных проблемных ситуациях, складывающихся на предварительном следствии при использовании специальных знаний, классифицированных: 1) на проблемные ситуации, характеризующиеся ошибочной осведомленностью следователя о характере имевшего место события, которая формируется либо на основе недостоверных сведений, полученных от сведущих лиц, либо в связи с неопределенностью происхождения источников информации о преступлении, подвергшихся исследованию с использованием специальных знаний; 2) на проблемные ситуации, характеризующиеся ограниченной осведомленностью следователя о сущности проверяемого события, обусловленной его отказом от использования специальных знаний для сбора информации, позволяющей принять правильное решение; 3) на проблемные ситуации, характеризующиеся вероятностным знанием следователя о преступлении, основанным либо на фактических данных, полученных с использованием специальных средств и методов, научная обоснованность которых не

подтверждена, либо на результатах проведенных сведущими лицами исследований информации, не отличающейся достоверностью.

13. Необходимость установления с помощью судебных экспертиз элементов криминалистической характеристики преступлений, совершенных с участием несовершеннолетних. Показаны возможности судебных экспертиз для установления корреляции между следами преступлений, следственными ситуациями и элементами криминалистической характеристики преступлений, извлечения и исследования информации, содержащейся в объектах, и в последующем для установления элементов криминалистической характеристики рассматриваемых видов преступлений.

Проведение экспертных исследований, раскрывающих причинно-следственные связи лица, совершившего преступление, способа совершения, обстановки, позволяет с большей эффективностью использовать весь комплекс знаний по криминалистическому моделированию для установления всей системы элементов криминалистической характеристики преступлений с участием несовершеннолетнего.

14. Представлен перечень судебных экспертиз, необходимых при расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных систем с участием несовершеннолетних.

15. Необходимость осуществления судебно-экспертной деятельности для своевременного установления причастности несовершеннолетних к совершению преступлений, пресечения их преступной деятельности и своевременного выявления причин и условий совершения преступлений несовершеннолетними, их устранения правоохранительными органами.

Теоретическая значимость исследования. Исследование развивает важные направления в криминалистике: с одной стороны, использование специальных знаний при расследовании преступлений, с другой – особенности личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства, знание и эффективное использование которых в процессе

расследования невозможно без привлечения сведущих лиц. Сформулированные в работе выводы, рекомендации и суждения могут успешно применяться для подготовки диссертационных, монографических работ, научных статей по исследуемой теме.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности применения содержащихся в ней теоретических положений и практических рекомендаций для совершенствования уголовно-процессуального законодательства, оптимизации и повышения эффективности деятельности следователей, специалистов и других сведущих лиц, в том числе судебно-экспертной деятельности, при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних, а также в учебном процессе юридических вузов, для повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в трех монографиях, двух учебных пособиях, сорока пяти научных статьях, двадцать из которых опубликованы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Значительная часть сформулированных в диссертационном исследовании положений прошла апробацию на различных конференциях, круглых столах международного и всероссийского уровней: «Южноуральские криминалистические чтения» (Уфа, 2018), «Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном процессе по делам об административных правонарушениях» (Уфа, 2018), «Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи» (Уфа, 2019), «Вопросы развития науки и техники» (Саратов, 2023), «Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации» (Новосибирск, 2023), «Казанские уголовно-процессуальные криминалистические чтения» (Казань,

2024), «Трасология и трасологические экспертизы: история становления и перспективы развития» (Москва, 2025).

Положения диссертации обсуждались на научно-методических семинарах кафедры криминалистики ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий».

Материалы диссертационного исследования внедрены в учебный процесс ряда образовательных учреждений и в деятельность правоприменительных органов Республики Башкортостан.

Структура диссертационного исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, включающих пятнадцать параграфов, заключения, списка литературы, приложений.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ УЧЕНИЯ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

1.1. Понятие, сущность и пределы использования специальных знаний в российском уголовном процессе

При расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел нередко возникают вопросы, ответить на которые профессиональный юрист, в силу ограниченности своих знаний, не может. Какова причина смерти человека, чей труп с признаками насилия был обнаружен, какова действительная стоимость похищенного имущества, представляет ли объект преступного посягательства историческую либо художественную ценность – эти и другие вопросы могут поставить следователя или суд в трудное положение. Подобные ситуации возникают не только в юридической практике, но и в процессе осуществления любой деятельности, особенно интеллектуальной. Если в своем стремлении достичь поставленных целей человек будет рассчитывать исключительно на собственные силы, знания и опыт, то вполне вероятно, что его усилия окажутся малопродуктивными. Причиной тому – ограниченность наших знаний и накопленного опыта, формирующихся в отдельных профессиях. «Человеческое знание, – подчеркивал выдающийся мыслитель XIX в. А. Шопенгауэр, – неизмеримо во все стороны, и из того, что достойно знания, никто в одиночку не может знать даже тысячной доли»².

Сказанное в полной мере относится к деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, которая немыслима сегодня без обращения к сведущим лицам, помогающим решать вопросы, выходящие за рамки юридической специальности. В своей правоохранительной практике

---

² Шопенгауэр А. Афоризмы и истины. М. : Эксмо-Пресс, 1999. С. 711.

следственным и судебным органам приходится обращаться к специалистам разных профессий, представляющим разные отрасли науки, техники, иных сфер деятельности, имеющим в своем арсенале знания, навыки, умения и опыт, которыми не обладают субъекты процессуального доказывания.

Основоположник криминалистики Г. Гросс так писал о роли специальных знаний в расследовании преступлений: «Без сомнения, важнейшим вспомогательным средством, имеющимся в распоряжении судебного следователя, являются лица сведущие, заключения которых часто оказывают решающее влияние на дело»³.

Важность обращения к сведущим лицам за разъяснением специальных вопросов, возникающих в процессе работы по уголовному делу, отечественный законодатель понял давно. Так, отдельные вопросы привлечения судебных медиков для установления причины смерти человека, предположительно, ставшего жертвой преступления, были регламентированы еще в начале XVIII в. первым уголовно-процессуальным законом России – «Кратким изображением процессов и судебных тяжб» (1716)⁴. Обобщающее же название носителей специальных знаний, привлекаемых в уголовное судопроизводство, впервые появилось в Своде законов Российской империи (далее – Свод), согласно ст. 943 которого «если точное узнавание встречающихся в деле обстоятельств предполагает особые сведения или опытность в какой-либо науке, искусстве или ремесле, то надлежит требовать о том показание и мнение сведущих людей...»⁵. Эта формулировка Свода стала первой попыткой раскрыть на законодательном уровне сущность специальных знаний, о которой предлагалось судить по перечню их

---

³ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. 4-е изд. СПб., 1908. С. 188.

⁴ Карнович Г.Б. Возникновение и развитие института вещественных доказательств в дореволюционной России // Советская криминалистика на службе следствия. Вып. 6. М., 1955.

⁵ Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений : монография. М. : Юрлитинформ, 2011. С. 7.

источников: «особые сведения или опытность в науке, искусстве или ремесле».

Список источников специальных знаний, предложенный в Своде, уже в 1864 г. пришлось дополнить. В ст. 112, 325 Устава уголовного судопроизводства (далее – Устав, УУС), в частности, говорится: «В тех случаях, когда для точного уразумения встречающихся в деле обстоятельств необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии, приглашаются сведущие люди»⁶. Дополнение известного перечня какими-либо занятиями стало принципиально важным, поскольку давало основания для его расширительного толкования.

С целью уяснения сущности понятия «специальные сведения и опытность» Устав ввел еще одно дополнение, дававшее основания судить о носителях специальных знаний. В тексте документа приводится список лиц, которые олицетворяли собой такие знания и по своему статусу должны ими обладать. В этот список авторы Устава включили достаточно большую группу представителей разных профессий – врачей, фармацевтов, учителей, техников, художников, ремесленников, казначеев и лиц «продолжительными занятиями по какой-либо службе или части приобретших особенную опытность» (ст. 326). Однако и этот перечень вскоре был расширен – появилось принципиально важное дополнение, позволявшее лучше понять, какие из знаний следует считать специальными для уголовного судопроизводства, а какие – доступными для использования любыми субъектами процессуальной деятельности. В этом дополнении Устав четко определил круг участников уголовного судопроизводства, наделенных правом напрямую обращаться к сведущим людям за содействием в решении специальных вопросов: мировые судьи (ст. 112), судебные следователи (ст. 325) и окружной суд (ст. 692). Стало понятно, что только эти участники уголовного судопроизводства наделялись

---

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс России. Ч. 1. Официальные тексты / отв. ред. В.А. Панюшкин. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1998.

законным правом восполнять недостаток своих знаний путем обращения к сведущим лицам. Соответственно, ограничивался и спектр самих специальных знаний – теми, которыми упомянутые в Уставе их «потребители» сами профессионально не владели.

Между тем многие ученые дореволюционной России уже тогда понимали недостаточность предложенных Уставом перечней источников, носителей и «потребителей» специальных знаний для «точного уразумения» их сути. Так, Л.Е. Владимиров, оценивая расширенную редакцию норм Устава, регламентирующих правила привлечения сведущих лиц, назвал их «общим постановлением», обратив при этом внимание на то, что предлагаемые в Уставе перечни не могут быть исчерпывающими: «В каких поименно случаях должны быть судом вызываемы сведущие лица, закон определить не может: исчерпывающего вычисления таких случаев достичь едва ли можно *a priori*»⁷.

Тем не менее именно УУС, принятый в период проведения судебных реформ, всеми своими дополнениями продемонстрировал важность правовой регламентации правил использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, положив начало формированию института специальных знаний как процессуального учения. Однако этот прогрессивный для своего времени законодательный акт так и не установил четкой границы между знаниями специальными и всеми остальными. О сущности специальных знаний можно было судить лишь по косвенным признакам. В частности, по перечню источников специальных сведений и опытности, по списку их носителей и по кругу участников уголовного судопроизводства, которым закон предоставлял право обращаться за содействием к сведущим лицам. Именно эта неоднозначность толкования специальных знаний на многие годы определила интерес ученых и практиков к данной проблеме, а ее решение

---

⁷ Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула : Автограф, 2000. С. 239.

признавалось важным как с точки зрения необходимости соблюдения законности при обращении за содействием к сведущим людям, так и с позиций определения пределов привлечения сведущих лиц к отправлению правосудия. При этом многие и ученые, и практики, занимавшиеся проблемой специальных знаний в уголовном судопроизводстве, в поисках ответа на вопросы о правомерности их использования предпочитали ограничиваться исключительно научным толкованием самого термина, причем далеко не всегда обоснованным.

Обобщая высказанные учеными в разное время суждения о специальных знаниях и их сущности, можно выделить четыре основных направления решения обозначенных вопросов.

1. Законодательная разработка перечня источников специальных знаний, привлекаемых в уголовное судопроизводство. Такие попытки стали предпринимать начиная с 1832 г., то есть с издания Свода. Они продолжались на законодательном уровне вплоть до принятия в 2001 г. Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». В перечень, который был подтвержден и в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», вошли наука, техника, искусство и ремесло (ст. 2).

Между тем ни ограничение круга источников конкретными областями знаний, ни введение в закон положений, предполагающих возможность расширительного их толкования, не давали ответа на вопрос о правомерности использования отдельных знаний для решения возникающих проблем. Так, например, под большинство признаков специальных знаний, содержащихся в нормативных перечнях их источников, вполне подходили юридические знания, если, конечно, не делать особых оговорок. Поэтому приходилось и понятие, и сущность специальных знаний всякий раз комментировать, в том числе на уровне постановлений высшей судебной инстанции страны, например, в постановлении «О судебной экспертизе» (1971). Не найдя

приемлемого законодательного решения вопроса о сущности специальных знаний в уголовном процессе, разработчики УПК РФ просто отказались устанавливать в нем перечень их источников. Возможно, это самое разумное решение.

2. Закрепление в законе списка носителей специальных знаний, по которому можно было бы судить о сущности тех из них, которые могут привлекаться для участия в уголовном судопроизводстве. Первая и последняя попытка перечислить такие категории сведущих лиц была предпринята разработчиками УУС, предложившими перечень представителей разных профессий (ст. 326).

В наше время усилия ученых в этом направлении сводятся в основном к тому, чтобы сформулировать общие условия (критерии) признания определенных групп лиц носителями специальных знаний. Наибольшее распространение среди них получили следующие признаки (критерии) обладания специальными знаниями:

а) получение их за рамками общеобразовательной подготовки или житейского опыта⁸;

б) обладание такими знаниями ограниченным кругом лиц, «имеющих профессиональную подготовку и навыки, кроме правовых и криминалистических знаний, применяемых при производстве следственных действий»⁹;

в) получение специальных знаний в результате обучения¹⁰ и т. д.

Нетрудно заметить, что ни обладатели специальных навыков и умений, ни «сведущие люди», приобретшие «особенную опытность», под данную

---

⁸ Кудрявцева А.В. Понятие «специальные знания» // Экспертно-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : учебное пособие / под ред. Ф.Г. Аминова. Уфа : УЮИ МВД РФ, 2010. С. 7.

⁹ Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам) : учебное пособие. М. : Юрист, 1995. С. 8.

¹⁰ Арсеньев В.Д., Заблоцкий В.А. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1986. С. 4.

категорию не подходят. Видимо, именно эта недоработка позволила П.П. Ищенко высказать свое категорическое суждение, что «...в определении специальных знаний и навыков, используемых в уголовном судопроизводстве, не должно быть требований, связанных с образованием...»¹¹.

3. Ограничение круга «потребителей» специальных знаний, имеющих право обращаться за содействием к сведущим лицам. Первым законодательным актом, назвавшим поименно субъектов «потребления» специальных знаний и навыков, был УУС: мировые судьи (ст. 112), судебные следователи (ст. 325) и члены окружного суда (ст. 692).

В своих исследованиях профессор А.А. Тарасов отмечает: «многолетние дискуссии в науке с советских времен по сей день, которые так или иначе влияли на развитие практики, но не были предметом официального рассмотрения в документах Верховного Суда России: о ничем не оправданном ограничении прав потерпевшего при назначении и производстве экспертиз, о праве участников процесса присутствовать при производстве экспертиз и т. д.»¹².

4. Поиск объективных критериев разграничения специальных и неспециальных знаний и навыков, то есть установления круга тех их видов, обращение к которым для решения возникающих специальных вопросов уголовно-процессуальный закон признает правомерным. Таких критериев было выработано немало. Одним из первых различать специальные и иные знания предложил А.А. Эйсман; в качестве критерия разграничения он предложил признак их известности и доступности. Соответственно, автор считал специальными только знания «не общеизвестные и не общедоступные, которыми располагает ограниченный круг специалистов»¹³. Идею известного

---

¹¹ Ищенко П.П. Специалист в следственных действиях. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты. М. : Юридическая литература, 1990. С. 6.

¹² Тарасов А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России : монография. М. : Проспект, 2017. С. 7.

¹³ Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научные обоснования. М., 1967. С. 91.

ученого поддержали многие криминалисты, используя близкие по смыслу формулировки. Например, Е.Р. Россинская в 1999 г. писала: «Специальными именуют знания, не общераспространенные, не общеизвестные, которыми обладают лишь специалисты-профессионалы в той или иной области человеческих знаний»¹⁴.

Стоит заметить, что одни авторы разделяют позицию А.А. Эйсмана, но при этом сужают основные критерии, оставляя специальным знаниям только признак «не общеизвестности», дополняя их характеристику источниками получения таких знаний. В частности, О.Д. Ким дополнил «не общеизвестность» специальных знаний результатами «научной и практической деятельности в определенной отрасли человеческого знания и зафиксированные в накопленном ею опыте»¹⁵.

Другие авторы, предлагая те же, что и А.А. Эйсман, критерии разграничения специальных и не специальных знаний обосновывали их правомерность ссылками на авторитет законодателя, который, впрочем, подобных идей никогда не высказывал. Так, комментируя введение в УПК РФ понятия «специальные знания», В.Н. Хрусталева и Р.Ю. Трубицын заявили, что предложенные ими критерии определения знаний как специальных якобы исходят от самого законодателя. «Законодатель предусмотрел возможность получения следователем эффективной помощи со стороны сведущих лиц, обладающих необходимыми для решения возникающей следственной задачи знаниями, умениями и навыками... Исходя из назначения введенного правового понятия, можно предположить, что законодатель имел в виду особый характер и уровень специальных знаний: *это не юридические, не*

---

¹⁴ Россинская Е.Р. Профессия – эксперт. (Введение в юридическую специальность). – М. : Юристъ, 1999. С. 7.

¹⁵ Ким О.Д. Проблемы и пути совершенствования расследования дорожно-транспортных происшествий на основе научных знаний : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 1998. С. 18.

общеизвестные, не общедоступные знания, которыми располагает ограниченный круг людей»¹⁶.

Предлагались и другие, на наш взгляд, менее значимые критерии разграничения специальных и не специальных знаний. Анализируя в целом эти предложения, позволяющие отличать специальные знания от всех остальных, включая умения и профессиональный опыт, мы приходим к выводу, что ни одно из них не позволяет сформировать целостное представление о сущности тех знаний, которые в уголовном судопроизводстве принято называть специальными. Невозможно привести и исчерпывающий перечень носителей таких знаний, ибо их окажется не только не меньше, а скорее всего, существенно больше количества существующих в мире отраслей знания, профессий, профессиональных занятий, особых навыков, умений и т. д. Здесь не помогут ни критерии, ни уровень образования, не позволяющий отразить все разнообразие приобретаемых специальных знаний, профессиональных навыков и умений, ни степень доступности тех или иных знаний, которые, чтобы стать для их «потребителя» специальными, надлежит осваивать каждым сведущим лицом индивидуально. И то не факт, что они окажутся недоступными для освоения или «потребления» массами населения. Не прибавит ясности в решении рассматриваемого вопроса и оценка уровня известности тех или иных специальных сведений из науки, техники и т. д. как невозможная ни по каким объективным критериям, ни какие-либо иные признаки, претендующие на статус определяющих сущность специальных знаний. На это еще в 1968 г. обратил внимание З.М. Соколовский, назвав неудачной попытку противопоставить специальные знания общежитским и общеизвестным, ибо в зависимости от обстоятельств дела и иных условий

---

¹⁶ Хрусталева В.Н., Трубицын Р.Ю. Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях. СПб. : Питер, 2003. С. 8.

одни и те же знания могут быть отнесены в одном случае к специальным, в другом – к общеизвестным¹⁷.

Примерно к такому же выводу пришли в итоге многие ученые, в том числе те, кто в свое время выдвигал и поддерживал предложения о разграничении специальных и обыденных знаний по признаку их «не общеизвестности», «не общедоступности» или «не общераспространенности». Так, Е.Р. Россинская уже в 2000 г. обоснованно заметила: «Соотношение специальных и общеизвестных знаний по своей природе изменчиво, зависит от уровня развития социума и интегрированности научных знаний в повседневную жизнь человека. Расширение и углубление знаний о каком-то явлении, процессе, предмете приводит к тому, что знания становятся более дифференцированными, системными, доступными все более широкому кругу лиц...». По мнению автора, дефиниция «общеизвестные знания» «носит... субъективный, оценочный характер, так же как и термин "общеобразовательная подготовка"»¹⁸. Эту уточненную позицию известного ученого поддержали и другие авторы¹⁹.

Еще более категорично высказалась Т.В. Аверьянова: «...полагаем, что термин "необщеизвестные" не вполне корректен и данный критерий как признак специальных знаний действительно не имеет права на существование»²⁰.

Видимо, критериев для объективного разграничения специального и неспециального не существует и существовать не может. А значит, не существует и возможности исчерпывающе очертить круг специальных

¹⁷ Соколовский З.М. Проблема использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний для установления причинной связи явлений : дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1968. С. 117.

¹⁸ Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2008. С. 11.

¹⁹ Кудрявцева А.В. Понятие «специальные знания». С. 7 ; Зинин А.М. Участие специалиста-криминалиста в процессуальных действиях : учебник. М. : Проспект, 2011. С. 5 и др.

²⁰ Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М. : Норма, 2006. С. 181.

знаний, перечислив их в каком бы то ни было обособленном списке. Следовательно, придется искать иные подходы к решению проблемы уяснения сущности специальных знаний, привлечение которых для собирания, исследования, оценки и использования доказательств по уголовным делам допускает закон. С прежними подходами данная проблема, по нашему мнению, нерешаема в принципе.

На наш взгляд, только субъективный критерий, по которому специальными должны признаваться лишь те знания, которыми конкретный участник уголовного процесса, наделенный правом обращаться к сведущим лицам, сам не обладает или обладает в ограниченном объеме, позволит дать ответ на вопрос о разграничении специального и неспециального. Причем именно в сфере уголовного судопроизводства. И поэтому нельзя не согласиться с Я.В. Комиссаровой в том, что специальными знаниями «следует признать любые знания, находящиеся за пределами тех, которыми обязаны обладать субъекты правоприменения, исходя из целей и задач уголовного судопроизводства»²¹.

Схожая мысль была высказана и А.А. Эксархопуло: «...для следователя или судьи, специализирующегося на рассмотрении уголовных дел, вопросы, например, банковского, финансового или коммерческого права являются не менее специальными, чем вопросы из области криминалистической техники или судебной медицины. Видимо, для оценки тех или иных знаний как знаний специальных следует исходить не из фиксированного их перечня, а из субъективного отношения следователя, суда к определенным отраслям знаний как к таковым. Для любого человека, таким образом, специальными будут только те знания, которыми он профессионально не владеет»²².

---

²¹ Комиссарова Я.В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 245.

²² Эксархопуло А.А. Специальные знания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2005. С. 70.

Пределы использования специальных знаний в российском уголовном процессе. Для решения вопросов, ответы на которые не могут дать сами субъекты процессуального доказывания, законом предусмотрено право следователя, прокурора, суда обращаться к лицам, обладающим специальными знаниями. Для этого назначаются судебные экспертизы (ст. 57, 195–207 и др. УПК РФ) или приглашаются специалисты (ст. 58, 168, 270 УПК РФ). Между тем однозначного ответа на вопрос, какие знания допустимо привлекать в уголовное судопроизводство в качестве специальных, а какие нет, законодатель так и не дал, вынуждая искать аргументы в пользу того или иного толкования понятия специальных знаний. Естественно, что этот вопрос отечественные ученые решали по-разному. Одни считали признаком специальных знаний наличие профессионального образования или практического опыта у их обладателей, другие связывали решение данного вопроса с распространенностью или известностью тех или иных знаний и навыков среди граждан, третьи полагали, что специальными могут быть названы любые профессиональные знания и опыт узкого круга лиц, за исключением юридических знаний.

При всем разнообразии мнений о сущности специальных знаний авторы их, так или иначе, опирались на один общий признак, а именно на непосредственную связь специальных знаний с их носителями – сведущими лицами. Соответственно, круг специальных знаний определялся ничем иным, как профессиональной подготовкой и опытом специалистов и экспертов в той или иной области науки, техники, искусства или ремесла. На эту особенность в определении сути специальных знаний обращали внимание все исследователи данной проблемы, отмечая, что специальные знания – это «научно обоснованные знания, умения и навыки... приобретенные

специалистом и экспертом в результате профессионального обучения либо работы по определенной специальности...»²³.

Раскрывая сущность специальных знаний через особенности профессиональной подготовки их носителей, мало кто из ученых задумывался, что своим разнообразием эти знания обязаны не только их обладателям, но и «потребителям», которых закон наделил правом обращаться к сведущим лицам за разрешением возникающих вопросов. Считалось достаточным их простого упоминания в качестве инициаторов назначения экспертизы или приглашения специалиста для участия в процессуальных действиях. И поэтому скорее интуитивно, нежели осознанно практически во всех определениях, наряду с перечнями специальных знаний, фигурируют также субъекты процессуального доказывания. При этом никакого серьезного анализа их функций и процессуального статуса, реально влияющих на состав привлекаемых ими знаний и навыков, не предпринималось.

Между тем профессиональная подготовка следователей, сотрудников органов дознания, суда, прокуратуры, без обладания которой они не могут выполнять свои процессуальные функции, определяет сущность специальных знаний в уголовном судопроизводстве ничуть не меньше, чем профессиональная подготовка сведущих лиц. И прежде всего потому, что те знания, которыми обладает участник уголовного процесса, наделенный правом обращаться за содействием к сведущим лицам, специальными для их обладателя быть не могут.

Соответственно, специальными знаниями, обращение к которым в уголовном судопроизводстве признавалось правоммерным, могли быть только знания, умения, навыки и опыт, которыми участники уголовного процесса, наделенные правом обращаться к сведущим лицам, профессионально не владеют либо владеют недостаточно. Осознание недостаточности

---

²³ Зотов Д.В. Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве: от легализации к процессуальной регламентации. Воронеж : Изд. дом ВГУ, 2015. С. 20.

собственных знаний для решения возникающих в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел вопросов именно этими лицами должно было рассматриваться как основание для обращения к специальным знаниям. Как сказано было еще в начале XX в., человек, «нуждающийся в чуждых его специальности (научной или практической) сведениях, должен обратиться к специалисту»²⁴. Так, для инженера специальными не являются знания в той отрасли науки и техники, в которой он сам специализируется, для бухгалтера не может быть специальной финансовая сфера, для юриста – правовые знания и т. д.

Из этого правила исходило большинство комментаторов уголовно-процессуальных норм, регламентирующих привлечение сведущих лиц к расследованию и судебному разбирательству уголовных дел начиная с УУС и заканчивая УПК РФ. А поскольку «потребителями» специальных знаний закон признавал исключительно субъектов процессуального доказывания, постольку и сущность таких знаний определялась любыми профессиональными знаниями и навыками, за исключением тех, которыми должны обладать следователь, дознаватель, прокурор, суд.

Ограничение круга «потребителей» специальных знаний, привлекаемых в уголовном судопроизводстве, исключительно профессиональными юристами было воспринято большинством ученых и практиков как законодательное условие, ограничивающее круг и самих таких знаний. Неудивительно, что отечественные ученые продолжали придерживаться взглядов на сущность специальных знаний, высказанных их предшественниками, как любых, кроме юридических. «Юридические вопросы – материальные и процессуальные, уголовные и гражданские, – писал М.А. Чельцов-Бебутов, – должны решать только следователь и судьи»²⁵. Это

---

²⁴ Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула : Автограф, 2000. С. 308.

²⁵ Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс. 2-е изд., перераб. М. : Юридическая литература, 1951. С. 260.

следовало понимать как то, что ни эксперты, ни специалисты такие вопросы в уголовном судопроизводстве не вправе решать. На неправомерность решения юридических вопросов экспертами указывали в дальнейшем и другие ученые²⁶.

Так сформировалось мнение, что дознаватель, следователь, судья или прокурор, будучи юристами по образованию, все правовые вопросы, возникающие при расследовании и рассмотрении уголовных дел, обязаны решать, не обращаясь ни к экспертам, ни к специалистам в области права. Оставаясь преобладающим в юридической науке и практике, это мнение нашло отражение в двух постановлениях Пленумов Верховного Суда СССР (1971) и Верховного Суда РФ (2010), посвященных судебной экспертизе²⁷.

Традиционный подход к пониманию сущности специальных знаний как любых, кроме юридических, и именно потому, что ими обязаны владеть участники уголовного процесса, наделенные правом обращаться за содействием к сведущим лицам, долгое время признавался единственно верным. Многие отечественные ученые придерживаются его и сегодня. О невозможности признания юридических знаний специальными говорили и процессуалисты, и криминалисты, приводя, по сути дела, одни и те же аргументы.

Специальные знания, писал, в частности, В.Н. Махов, противопоставляя их юридическим, – это «знания, присущие различным видам

---

²⁶ См., например: Шляхов А.Р. Судебная экспертиза. Организация и проведение. М. : Юридическая литература, 1979. С. 4 ; Эйсман А.А. Заключение эксперта. М., 1967. С. 89–91 ; Шиканов В.И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск, 1978. С. 23 ; Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 1997. С. 269 ; Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам) : учебное пособие. М. : Юрист, 1995. С. 6–7 ; Степанов В.В., Шапиро Л.Г. Понятие специальных знаний в свете ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» // Криминалистические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения профессора Б.И. Шевченко. М., 2004. С. 208 и др.

²⁷ О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.03.1971 № 1 ; О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28, ст. 4.

профессиональной деятельности, за исключением знаний, являющихся профессиональными для следователя и судьи, используемые при расследовании и рассмотрении уголовных дел в суде в целях содействия...»²⁸.

По тому же основанию исключила юридические знания из числа специальных и Т.С. Волчецкая: «В судопроизводстве юридические правовые знания также не могут быть специальными, поскольку ими должны обладать лица, назначившие судебную экспертизу, прерогатива которых – юридический анализ и толкование обстоятельств дела, квалификация совершенного деяния»²⁹.

Однако в своих исследованиях Л.А. Лазарева не исключает возможность использования правовых знаний в качестве специальных как на научном, так и на законодательном уровнях. Ею предложено разработать практически значимые вопросы о формах и границах их использования, а также подготовить соответствующие законодательные предложения и методические рекомендации³⁰.

Однако более традиционным остается подход, согласно которому юридические знания недопустимо использовать в уголовном судопроизводстве в качестве специальных. Информация о требуемой профессиональной подготовке «потребителей» специальных знаний не дает полного представления о круге допустимых для использования в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел знаний и навыков специального характера. Тем не менее такой осведомленности оказалось вполне достаточно, чтобы исключить из перечня специальных знаний те, которые таковыми быть не могут, а значит, не могут использоваться для

---

²⁸ Махов В.Н. Использование специальных познаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000. С. 46.

²⁹ Волчецкая Т.С. Судебная экспертиза как форма использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Использование специальных знаний в судопроизводстве : сборник научных трудов / под ред Т.С. Волчецкой. Калининград : Изд-во КГУ, 2005. С. 13.

³⁰ Лазарева Л.А. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2011. С. 107.

решения возникающих специальных вопросов ни в форме экспертизы, ни в форме участия специалистов в процессуальных действиях, организуемых следователем (судом).

Таким образом, под специальными знаниями, по нашему мнению, следует понимать систему знаний и навыков в определенной области науки, техники, искусства, ремесла, полученных в результате соответствующего специального образования и профессионального опыта работы, необходимых для решения специфических вопросов, возникающих в ходе уголовного, гражданского, арбитражного, административного судопроизводства.

1.2. Формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве

Из всех значений слова «форма», а их около десятка, для сферы уголовного судопроизводства и криминалистики более всего подходит определение формы как способа существования содержания, неотделимого от него и служащего его выражением, или формы как типа, способа организации чего-либо³¹.

В науке уголовно-процессуального права различают формы самого судопроизводства, под которыми понимается его структура (в целом или по стадиям), организация, определяемые источниками движения, развития процесса, положением его участников и т. д.³² В истории формы судопроизводства менялись по мере развития уголовного процесса, начиная с обвинительного, розыскного, затем смешанного и, наконец, состязательного.

---

³¹ Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014. С. 370.

³² Полянский Н.Н. Основные формы построения уголовного процесса // Ученые записки Московского университета. Труды юридического факультета. Вып. 145, кн. 4. М., 1949. С. 51.

Как верно заметил Ю.В. Мещеряков, «категория формы процесса, будучи конкретизирована в ее качественной понятийной определенности ("розыск", "суд" и проч.) на конкретный исторический момент, выступает инструментом развертывания типологической сущности процесса»³³.

Разнообразие форм характерно и для деятельности следователя, дознавателя, суда, основанной на применении криминалистических и иных научных средств и методов познания неизвестного события. На этом направлении деятельности различают формы применения криминалистической техники или научно-технических средств, формы использования специальных знаний и др. Все они выполняют свои познавательные функции. Одни регламентированы уголовно-процессуальным законом, их называют процессуально-правовыми формами, другие предусмотрены ведомственными нормативными актами или выработаны практикой. Различаются эти две разновидности форм доказательственным значением получаемых при их использовании результатов. Например, результаты проведения так называемых предварительных исследований собранных материалов имеют ориентирующее значение и используются для построения версий, планирования расследования, принятия решений о назначении судебных экспертиз либо в иных целях. Заключение же, полученные по результатам экспертных исследований, признаются источниками доказательств.

Будучи одной из разновидностей процессуальных форм доказывания, представляющих собой систему «установленных правил, в соответствии с которыми осуществляется доказывание на всех стадиях уголовного процесса»³⁴, правовые формы использования специальных знаний устанавливались и регулировались уголовно-процессуальным законом. Их

---

³³ Мещеряков Ю.В. Формы уголовного судопроизводства : учебное пособие. Л., 1990. С. 8.

³⁴ Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юридическая литература, 1973. С. 324.

состав мог меняться и дополняться только по воле законодателя. Одни формы по мере развития института использования специальных знаний исключались из числа регулируемых уголовно-процессуальным законом, другие вводились в их состав. Так, к примеру, произошло с ревизией и документальными проверками, которые с принятием в 2001 г. УПК РФ лишились своего процессуального статуса, но через два года были возвращены в УПК РФ, правда, не как следственные, а как проверочные действия, проводимые на стадии возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

Законодательная практика знает также примеры придания процессуально-правового значения некоторым из форм использования специальных знаний, которые ранее этот статус не имели. Так произошло, к примеру, с консультациями, которые в 2001 г. стали самостоятельной правовой формой использования специальных знаний, состоящей в разъяснении сторонам и суду вопросов, входящих в профессиональную компетенцию специалистов (ч. 1 ст. 58 УПК РФ).

Сегодня можно говорить о комплексе сформировавшихся самостоятельных правовых форм использования специальных знаний, различаемых по нескольким основаниям (критериям). Некоторые были хорошо известны и ранее, другие появились в связи с новшествами уголовно-процессуального закона, введенными за последние два десятилетия.

Из установленных еще УПК РСФСР правовых форм использования специальных знаний, сохранившихся и сегодня, выделяют две базовые. В основе их разграничения лежит процессуальное положение носителей специальных знаний. Соответственно, первой формой является использование специальных знаний специалистами, второй – экспертами³⁵.

---

³⁵ Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М. : БЕК, 1997. С. 217 ; Зинин А.М. Криминалист в следственных действиях : учебно-практическое пособие. М. : Экзамен, Право и закон, 2004. С. 12 ; Хрусталева В.Н., Трубицын Р.Ю. Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях. СПб. : Питер, 2003. С. 9 ; Полещук О.В., Саксин С.В., Яровенко В.А. Теория и практика применения специальных знаний в современном уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2007. С. 6–7 и др.

Эти формы, сохраняясь в качестве базовых, тем не менее заметно меняли свое внутреннее содержание. В результате возникали относительно самостоятельные их подвиды, каждый из которых характеризуется комплексом отличительных признаков, обусловленных разнообразием оснований внутривидовой систематизации правовых форм использования специальных знаний.

С принятием УПК РФ интерес к исследованию правовых форм использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве проявился в стремлении ученых к теоретическим обобщениям, чему в немалой степени способствовало не только расширение таковых форм в законе, но и их систематизация по новым основаниям (критериям).

Так, по субъектному признаку расширился круг правовых форм использования специальных знаний за счет введения в уголовный процесс новых сведущих лиц, получивших право самостоятельно проводить отдельные следственные действия, – сотрудников органа, «которому поручается техническое осуществление контроля и записи переговоров» (ст. 186 УПК РФ). Расширились и полномочия эксперта – правом самостоятельно проводить процессуальное действие «получение образцов для сравнительного исследования» (ч. 4, ст. 202 УПК РФ). Таким образом, законодательная практика признала возможным производство некоторых следственных действий не только субъектами процессуального доказывания, но и другими участниками уголовного процесса, среди которых носители специальных знаний.

Более разнообразными стали и формы участия специалиста в расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел. Помимо содействия в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств стало возможным привлекать сведущих лиц для выполнения нового комплекса действий – применения технических средств в исследовании материалов уголовного дела, постановки вопросов эксперту в связи с планируемой экспертизой, разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его

компетенцию (ч. 1 ст. 58 УПК РФ). Таким образом, долго обсуждавшаяся учеными проблема получения консультаций и справок от сведущих лиц с принятием УПК РФ была решена на уровне ее правовой легализации.

Однако самым заметным новшеством, пополнившим состав правовых форм использования специальных знаний, стало расширение круга источников доказательств, создаваемых сведущими лицами. Появились два новых их вида: заключение и показания специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Это нововведение вызвало оживленную дискуссию среди ученых, в ходе которой были высказаны диаметрально противоположные мнения: от признания своевременности и актуальности данного дополнения уголовно-процессуального закона³⁶ до категорического отрицания целесообразности введения новых источников³⁷. Не обошел своим вниманием проблему заключений специалистов и Верховный Суд РФ, посвятив этому вопросу несколько статей своего постановления, касающегося судебной экспертизы³⁸.

Не останавливаясь подробно на дискуссии о соотношении заключений специалиста и эксперта, поскольку данной теме посвящены многочисленные научные исследования³⁹, ограничимся лишь проблемами, связанными с

³⁶ См., например: Эксархопуло А.А. Материалы уголовного дела как объект применения специальных знаний // Вестник криминалистики. Вып. 4 (12). 2004. С. 21–22 ; Тарасов А.А. Новое в правовых формах использования специальных знаний в доказывании по уголовным делам // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 4 (17). С. 83–88 и др.

³⁷ Шейфер С.А. Обновление правовой регламентации доказывания по УПК: шаг вперед? // Государство и право. 2004. № 12. С. 35–36 ; Гребеньков А.Б. Процессуальное различие заключения эксперта и заключения специалиста // Актуальные вопросы судебной медицины и экспертной практики. Вып. 9. Новосибирск, 2004. С. 30 и др.

³⁸ См.: ст. 6, 19–22 ППВС РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» №28 от 21.12.2010 г.

³⁹ Тарасов А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. С. 6–8 ; Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений. М. : Юрлитинформ, 2011. С. 95–102 ; Эксархопуло А.А. Криминалистика: теоретические проблемы и практические решения. Уфа : БашГУ, 2018. С. 180–184 ; Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М. : Норма, 2008. С. 14–16 ; Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 219–240 ; Лазарева Л. В. Некоторые вопросы заключения и показаний специалиста // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 1. С. 242 ; Когосов А.П. Получение заключений и показаний

разнообразием подходов к систематизации правовых форм использования специальных знаний в уголовном процессе. При их многообразии и неоднозначности обращает на себя внимание одна общая черта предложений, касающихся как критериев разграничения, так и самих форм использования специальных знаний, – все они, так или иначе, строятся на базовом делении правовых форм по специфике процессуального статуса сведущих лиц, привлекаемых к делу. Соответственно, выделяются две базовые формы: а) использование знаний специалистов и б) экспертов. В некоторых исследованиях даже утверждается, будто бы согласно УПК только эти участники уголовного процесса являются носителями специальных знаний, поэтому «возможны только две формы применения специальных знаний – экспертиза и участие специалиста в процессуальных действиях»⁴⁰.

На самом же деле закон не ограничился лишь этими двумя формами обращения к сведущим лицам, назвав помимо них и других носителей специальных знаний, привлекаемых к расследованию и рассмотрению уголовных дел, – переводчиков (ст. 59 УПК РФ), сотрудников учреждений, осуществляющих по поручению следователя контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ), ревизоров (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), работников, исполняющих решения суда о применении к лицам, совершившим уголовно наказуемые деяния, принудительных мер медицинского характера (гл. 51 УПК РФ).

Нельзя не обратить внимание и на то, что в предлагаемые перечни форм использования специальных знаний отдельными авторами включались не только прямо предусмотренные уголовно-процессуальным законом или законом о судебно-экспертной деятельности, но и те, которые таковыми не

специалиста как одна из форм использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 6. С. 47 и др.

⁴⁰ Зотов Д.В. Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве: от легализации к процессуальной регламентации. Воронеж : Изд. дом ВГУ, 2015. С. 10.

являются⁴¹. Например, проведение предварительных исследований, оказание консультационных услуг, подготовка материалов для проведения следственных действий (например, реконструкция места предстоящего проведения следственного эксперимента) и др.

При этом выбранные некоторыми авторами критерии разграничения форм использования специальных знания позволяют составлять бесконечные их перечни. Так, Т.Д. Телегина предложила список, включающий семнадцать таких по сути своей форм, а по терминологии автора «случаев» участия сведущих лиц в расследовании уголовных дел. В результате в одном ряду оказались и участие специалиста в следственных действиях, и участие врача в осмотре трупа и освидетельствовании, и участие специалиста в получении сравнительных образцов, и обязательное назначение судебной экспертизы и др.⁴² Впрочем, за пределами предложенного перечня все равно осталось, например, получение сравнительных образцов экспертом. Интересно отметить, что автор не ограничилась единственным критерием, по которому ею были выделены указанные правовые формы, а именно разнообразием случаев участия сведущих лиц в расследовании уголовных дел. Следующим критерием Т.Д. Телегина назвала зависимость форм применения специальных знаний от процессуальной стадии. Соответственно, ею был сформирован ряд из трех таких форм: 1) применение специальных знаний при проверке сообщения о преступлении, 2) при производстве расследования по уголовным делам и 3) в ходе судебного рассмотрения дела.

---

⁴¹ Зуев Е.И. О понятии специальных познаний в уголовном процессе // Вопросы теории криминалистики и судебной экспертизы : материалы научной конференции. Декабрь 1969 г. Вып. 1. М., 1969. С. 74–76 ; Эксархопуло А.А. Криминалистическая экспертиза материалов уголовных дел. М. : Юрайт, 2021. С. 45–46 ; Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. М. : Юристъ, 1997. С. 283–284 ; Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. М. : Юристъ, 1995. С. 16–26 и др.

⁴² Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений. М. : Юрлитинформ, 2011. С. 84–85.

В зависимости от вида процессуальных действий, в рамках которых «сведущее лицо может стать источником доказательственной информации»⁴³, автор выделила следующие правовые формы использования специальных знаний: следственные и иные процессуальные действия с участием специалиста, производство экспертизы. Предложенные Т.Д. Телегиной правовые формы использования специальных знаний, по сути дела, дублируют давно и хорошо известное их разграничение по процессуальному положению сведущих лиц: специалист – эксперт.

Несмотря на некоторые недостатки предложенных классификаций правовых форм использования в уголовном процессе специальных знаний, сами по себе усилия автора, направленные на поиск оптимальных оснований такого их разграничения, следует признать перспективными для продолжения исследований в этом направлении, их нельзя не приветствовать. Однако предложенные критерии (основания) не исчерпывают всех возможностей систематизации правовых форм использования специальных знаний в уголовном процессе. Нам представляется, что такие критерии следует искать, учитывая не только практическую целесообразность систематизации по ним правовых форм использования специальных знаний, но и разнообразие их познавательных возможностей. Поэтому мы считаем необходимым формирование некоего комплекса критериев, по которым целесообразно систематизировать правовые формы использования специальных знаний, каждая из которых отличается от остальных познавательной и прикладной сущностью.

Такую систему правовых форм использования специальных знаний, включая уже сформировавшиеся, можно представить в виде упорядоченных по предлагаемым нами критериям их комплексов:

1) по процессуальному статусу участников уголовного процесса, наделенных правом обращаться к сведущим лицам за разрешением вопросов,

---

⁴³ Там же. С. 85–86.

требующих специальных знаний и навыков (заказчиков привлечения специальных знаний):

- привлечение специальных знаний субъектами процессуального доказывания (дознавателем, следователем, прокурором, судом). Право указанных субъектов предполагает возможность обращения к сведущим лицам любых специальностей, кроме юридических, которыми они, в силу возложенных на них функций, обязаны владеть;

- привлечение специальных знаний сторонами уголовного процесса, нуждающимися в разъяснении им вопросов специального характера, которыми они не владеют. Состав таких специальных знаний может быть любым;

2) по процессуальному статусу сведущих лиц, привлекаемых в уголовное судопроизводство для решения возникающих специальных вопросов (обладателей специальными знаниями):

- использование специальных знаний специалистами;
- использование специальных знаний экспертами;
- использование специальных знаний иными сведущими лицами, правовой статус которых отличен от статуса специалиста и эксперта. Это переводчики, лица, проводящие ревизии и документальные проверки, сведущие в технике звукозаписи лица, осуществляющие контроль и запись телефонных переговоров, технические помощники, организующие и проводящие видео-конференц-связь и др.;

3) по процессуальным функциям сведущих лиц:

- оказание следователю (суду) содействия в обнаружении, закреплении, изъятии источников доказательственной информации (специалист, участвующий в проведении следственных действий, судебно-медицинский эксперт, привлеченный к осмотру трупа, врач, проводящий освидетельствование живых лиц, эксперт, отбирающий сравнительные образцы для предстоящей экспертизы, и др.);

- проведение по заданию следователя (суда) исследований следов, предметов, документов, материалов уголовных дел и т. д. (специалист, применяющий технические средства при исследовании материалов уголовных дел, эксперт, проводящий судебные экспертизы, сведущие лица, привлеченные к проверке сообщений о преступлении путем исследования предметов, документов, трупов и др.);

- оказание помощи в получении от свидетелей, потерпевших, обвиняемых, подсудимых адекватной информации в доступной для восприятия форме: переводчики, в том числе обладающие навыками сурдоперевода, педагоги, обеспечивающие взаимопонимание в ходе общения следователя с несовершеннолетними при их допросе;

- разъяснение сторонам и суду специальных вопросов, входящих в профессиональную компетенцию специалиста (оказание консультационных услуг), осуществляемое в устной форме путем допроса специалиста либо в письменном виде путем дачи заключений;

- исполнение судебных решений, требующих применения специальных знаний (например, применение принудительных мер медицинского характера);

4) по отраслям знания, востребованным в качестве специальных и представляемым в уголовном процессе сведущими лицами:

- привлечение гуманитарных знаний;
- привлечение естественно-научных и технических знаний;
- привлечение юридических знаний;
- привлечение специальных навыков и опытности;

5) по доказательственному значению результатов использования специальных знаний:

- результаты являются самостоятельными источниками доказательств: заключения специалиста и эксперта, протоколы допроса специалиста и эксперта;

- результаты, полученные в ходе следственных действий с участием сведущего лица, приобретающие доказательственное значение будучи закрепленными в соответствующем протоколе. В частности, вещественные доказательства, обнаруженные специалистом с использованием поисковой техники, документы с признаками подделки, выявленными специалистом, зафиксированные специалистом, изъятые с применением специальных приемов и средств запаховые следы и т. д.;

- результаты использования специальных знаний, имеющие ориентирующее значение: вероятностные заключения специалистов и экспертов, консультационные заключения специалистов, оценочные суждения специалистов о достоверности выводов экспертиз и др.;

б) по уровню самостоятельности сведущих лиц, привлекаемых для решения специальных вопросов, возникающих в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел:

- привлечение сведущих лиц для самостоятельного проведения действий, позволяющих решить поставленный вопрос: а) дача заключений специалистом и экспертом; б) проведение сведущим лицом следственных действий (освидетельствование лиц противоположного пола врачом, контроль и запись переговоров, получение сравнительных образцов);

- привлечение сведущих лиц для оказания содействия (условно – «технической помощи») следователю (суду) в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств при производстве процессуальных действий;

7) по способу реализации правовых форм использования специальных знаний:

- обязательное привлечение сведущих лиц для решения поставленных вопросов (обязательное назначение экспертизы, участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего, обязательное участие судебного медика или иного врача в осмотре трупа и др.; перечень таких случаев исчерпывающе представлен в УПК РФ);

– факультативное привлечение сведущих лиц, осуществляемое по усмотрению следователя, суда, сторон. Эта форма использования специальных знаний может быть ограничена только спектром возложенных на соответствующего участника судопроизводства процессуальных функций. Например, следователь ограничен в использовании специальных юридических знаний теми, которыми он должен обладать сам;

8) в зависимости от возможности замены одного сведущего лица другим той же квалификации:

– использование специальных знаний в форме, допускающей замену одного сведущего лица другим (все случаи привлечения специалиста, кроме ситуаций, когда замена нецелесообразна по криминалистическим критериям, например, специалист, участвовавший в обнаружении и закреплении запаховых следов, не допускается к проведению одорологической экспертизы);

– использование специальных знаний в форме, не допускающей замену одного сведущего лица другим (в частности, не может проводить повторную экспертизу тот же эксперт, который давал первое заключение).

Перечисленными выше критериями разграничения и самими формами использования специальных знаний, разумеется, не исчерпываются возможности их дальнейшей систематизации. Например, их можно разграничивать по особенностям внутренней структуры источника специальных знаний, обусловленной его природой и раскрывающей естественно-технический аспект проблемы, связанной с необходимостью упорядочения форм использования специальных знаний в уголовном процессе.

Систематизировать правовые формы использования специальных знаний целесообразно и по криминалистическим критериям, например, по особенностям их практического использования при проверке сообщений о преступлении, в расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел. Среди таких критериев полезными для систематизации могут быть

тактические особенности обращения к специальным знаниям. В частности, поиск критериев выбора оптимальных решений о применении тех или иных специальных знаний при наличии альтернативных подходов, о тактике взаимодействия со сведущими лицами при реализации принятых оптимальных решений, о способах проверки и оценки достоверности результатов использования специальных знаний и т. д.

Не меньшее значение могут иметь и критерии систематизации правовых форм использования специальных знаний, отличающихся своим разнообразием благодаря специфике расследования отдельных видов преступлений, в том числе классифицируемых по криминалистическим основаниям. В этом случае можно говорить о правовых формах использования специальных знаний при расследовании убийств, хищений, экономических преступлений и др.

Большим разнообразием отличаются и формы использования специальных знаний при расследовании преступлений, совершаемых несовершеннолетними или с их участием. Многие из таких форм уникальны и заметно обособлены. В частности, привлечение специальных знаний для обеспечения эффективного общения с детьми, вовлеченными в орбиту уголовного судопроизводства, обращение к экспертам для определения возраста подростков и уровня их психологического развития, привлечение детских психологов и педагогов для налаживания психологического контакта с детьми, без чего невозможно добиться положительных результатов при их допросе, и т. д. Многообразие таких форм использования специальных знаний по делам с участием несовершеннолетних и их очевидная востребованность практикой дает основания говорить о необходимости теоретического анализа данной проблемы в рамках самостоятельного учения или частной теории.

1.3. Предпосылки формирования криминалистического учения об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних

Формирование любой науки происходит посредством сбора, анализа и обобщения теоретического и эмпирического материала. Развитие криминалистической науки не исключение. Уже к середине XX в. создание криминалистической теории становится, по выражению А.А. Пионтковского, «важнейшей задачей советской криминалистики»⁴⁴.

Сегодня криминалистика представлена вполне сформировавшимися теориями и учениями, входящими в состав общей теории криминалистики, продолжающей пополняться новыми, создаваемыми по мере развития самой науки и в соответствии с потребностями практики. Так, теоретические положения криминалистической идентификации уже давно и успешно применяются в медицине, например, при исследовании крови для установления ее групповой принадлежности, костных останков человека для отождествления личности, иных человеческих выделений в целях генетической идентификации и т. д. Можно назвать и другие криминалистические теории, и учения, положения которых вполне успешно адаптируются к далеким от криминалистики сферам человеческой деятельности. Взаимопроникновение разных наук для решения своих проблем наполняет новым содержанием новые теории.

Признаки внутренней интеграции можно обнаружить и в развитии самих криминалистических теорий и учений. Одним из примеров, на наш взгляд, может стать учение о специальных знаниях, используемых при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних. Формируясь на основе двух уже достаточно зрелых криминалистических учений – о специальных знаниях в уголовном судопроизводстве и о личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства – это

---

⁴⁴ Пионтковский А.А. К вопросу о теоретических основах советской криминалистики // Советская криминалистика на службе следствия : сборник статей. Вып. 6. М. : Юридическая литература, 1955. С. 4.

развивающееся учение, отличаясь междисциплинарным характером, может занять особое место в системе общей теории криминалистики.

Для начала обратим внимание на историю становления криминалистического учения о личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства. Формирование данного учения шло поступательно, основываясь на положениях теории изучения личности участника уголовного судопроизводства. Значимость изучения личности в ходе расследования преступлений отмечал еще Г. Гросс. Он выделял два основных направления: установления личности по оставленным следам и особенности работы с допрашиваемыми с целью получения правдивых показаний⁴⁵.

В числе первых отечественных криминалистов, уделивших значительное внимание изучению личности, был И.Н. Якимов. Он предложил свою классификацию преступников: «1) профессиональные преступники; 2) случайные; 3) душевнобольные; 4) преступники-дегенераты»⁴⁶.

Интерес к криминалистическому изучению личности обвиняемого проявлял и В.И. Громов. Он утверждал, что для правильной оценки преступного поведения обвиняемого следует пристальное внимание уделять информации о его личной жизни, имущественному и семейному положению, общественной деятельности и т. п.⁴⁷

К середине XX в. в отечественной криминалистике в результате систематизации и интеграции научного знания появляются первые учения о личности участника уголовного судопроизводства. Ф.В. Глазырин свою докторскую диссертацию посвятил криминалистическому изучению личности

---

⁴⁵ См.: Гросс. Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд. перепеч. с изд. 1908 г. М. : ЛексЭст, 2002. С.44.

⁴⁶ См.: Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. М. : ЛексЭст, 2003. С. 229–234.

⁴⁷ Громов В.И. Дознание и предварительное следствие. Методика расследования преступлений. Осмотр места происшествия : сборник научных трудов. М. : ЛексЭст, 2003. С. 130.

обвиняемого⁴⁸. Е.Е. Центров разработал криминалистическое учение о личности потерпевшего⁴⁹.

Большое внимание также уделялось вопросам установления неизвестного преступника. Фундаментальными трудами стали исследования В.Е. Корноухова, В.А. Жбанкова, В.А. Образцова, Т.Ф.Моисеевой, Н.И. Малахиной, О.А. Соколовой и др.

На современном этапе развития актуальными стали криминалистические учения, обусловленные возрастом, полом, процессуальным положением участника уголовного судопроизводства. Наиболее значимыми учениями о личности, стали: диссертационное исследования И.А. Макаренко, которое посвящено криминалистическому изучению личности несовершеннолетнего обвиняемого, Р.И. Зайнуллина, разработавшего учение о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.

Далее обратимся к истории формирования криминалистического учения о специальных знаниях, используемых при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних. Еще основоположник криминалистики Г. Гросс в своем фундаментальном «Руководстве для судебных следователей», изданном в конце XIX в., приводил примеры привлечения для розыска скрывшихся преступников представителей особых каст следопытов, чьей родословной могли бы позавидовать самые родовитые и титулованные европейцы⁵⁰. Такие «специалисты» по распознаванию следов и сведущие лица иных профессий, привлекаемые к раскрытию преступлений, были известны и российской истории⁵¹.

---

⁴⁸ См.: Глазырин Ф.В. Криминалистическое изучение личности обвиняемого : дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1973. С. 33–36.

⁴⁹ Центров Е.Е. Криминалистическое учение о потерпевшем. М., 1988.

⁵⁰ Гросс Г. Указ. соч. С. 623–625.

⁵¹ Эксархопуло А.А. Криминалистика : учебник. СПб. : Лема, 2009. С. 47–50.

Как и сама криминалистика, институт специальных знаний, распространяющийся даже на более широкий по сравнению с ней круг познаваемых явлений, развивался тем не менее по таким же законам. Охватив донаучный или эмпирический этап своего развития и пройдя затем этап теоретического обобщения накопленных данных, этот институт к концу XX в. начинает формироваться уже как самостоятельная, частная научная теория или учение об использовании знаний сведущих лиц в целях раскрытия и расследования преступлений.

Истории развития специальных знаний как уголовно-процессуального института и отраслевым направлениям их использования в практике борьбы с преступностью посвящены исследования многих видных ученых⁵². В их работах с исторических позиций исследовано формирование не только криминалистики и судебной медицины, сыгравших решающую роль в становлении института специальных знаний в уголовном процессе, но и отдельных отраслей такого знания – судебной серологии⁵³, судебной токсикологии⁵⁴, юридической психологии и судебной психиатрии⁵⁵,

---

⁵² Крылов И.Ф. Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в ее историческом развитии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1966 ; Эксархопуло А.А. Специальные знания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2005. С. 9–48 ; Эксархопуло А.А., Макаренко И.А., Зайнуллин Р.И. Криминалистика: история и перспективы развития : монография. М. : Юрайт, 2019. С. 97–102 ; Комиссарова Я.В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2011. С. 54–66 ; Она же. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 90–102 ; Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений : монография. М. : Юрлитинформ, 2011. С. 7–16 и др.

⁵³ Торвальд Ю. Криминалистика сегодня. Развитие судебной серологии. М. : Юридическая литература, 1980.

⁵⁴ Ваганов П.А., Лукницкий В.А. Нейтроны и криминалистика. Л. : ЛГУ, 1981. С. 86–101 ; Торвальд Ю. Век криминалистики. Ростов н/Д : Феникс, 1996. С. 283–436.

⁵⁵ Владимиров Л.Е. Психологическое исследование в уголовном суде. М., 1901 ; Еникеев М.И. Юридическая психология : учебник для вузов. М. : Норма, 2005. С. 7–18 ; Крылов И.Ф. Были и легенды криминалистики. Л. : ЛГУ, 1987. С. 128–140.

полиграфологии⁵⁶ и др., описаны не только этапы становления специальных знаний как процессуального института, но и специфика развития многих форм их применения в уголовном судопроизводстве.

Разнообразие направлений использования знаний сведущих лиц в уголовном процессе послужило поводом к расширению исследований и их правовых форм. Еще в начале 60-х годов прошлого века возник и сегодня сохраняется интерес к правовым формам, дифференцируемым по стадиям уголовного судопроизводства⁵⁷, по процессуальному положению сведущих лиц⁵⁸, по доказательственному значению результатов использования специальных знаний, навыков и технических средств⁵⁹. Тогда же появились и первые, правда, весьма немногочисленные научные работы, посвященные особенностям применения специальных знаний при расследовании отдельных видов преступлений. Обращает, однако, на себя внимание тот факт, что большинство исследователей находили специфику применения специальных знаний прежде всего в уголовно-правовой квалификации совершаемых

⁵⁶ Комиссарова Я.В. Полиграф в России: историко-правовой и криминалистический аспект // Комиссарова Я.В., Мягих Н.И., Пеленицын А.Б. Полиграф в России и США: проблемы применения. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 3–25.

⁵⁷ Винберг А.И. Специалист в процессе предварительного расследования // Социалистическая законность. 1961. № 3 ; Комаринец Б.М. Работа экспертов-криминалистов в качестве специалистов при проведении следственных действий // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы : сборник второй. Душанбе, 1962 ; Махов В. Участие специалиста в расследовании преступлений // Социалистическая законность. 1969. № 5 ; Палиашвили А.Я. Экспертиза в суде по уголовным делам. М., 1973.

⁵⁸ Ароцкер Л.Е. Права, обязанности и роль специалистов при производстве следственных и судебных действий // Вопросы криминалистики. Вып. 6-7. М., 1962 ; Нестер И.С. Использование специальных знаний в стадии возбуждения уголовного дела (по материалам Республики Беларусь) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018 и др.

⁵⁹ Ланцман Р.М. Использование возможностей кибернетики в криминалистической экспертизе и некоторые проблемы уголовно-судебного доказывания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970 ; Любарский М.Г. Об оценке заключения эксперта в судебном разбирательстве // Вопросы судебной экспертизы. Сб. 4-й. 1968 ; Селина Е.В. Доказывание с использованием специальных познаний по уголовным делам / под ред. А.А. Хмырова. М. : Юрлитинформ, 2003 ; Степутенкова В.К. Значение судебной экспертизы для уголовно-правовой оценки исследуемого события // Правовые и методологические проблемы судебной экспертизы : сборник научных трудов. Вып. 10. М., 1974 ; Эксархопуло А.А. О возможности использования знаний специалистов при оценке доказательств по уголовным делам // Теория и практика криминалистического обеспечения предупреждения, раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. СПб., 2000 и др.

противоправных деяний. В частности, в них говорится об особенностях использования специальных знаний при расследовании преступлений против личности, в том числе убийств ⁶⁰, экономических или экологических преступлений ⁶¹, дорожно-транспортных происшествий ⁶² и др. При этом практически неисследованными остались вопросы применения специальных знаний по делам о преступлениях, которые отличаются своими криминалистическими признаками. В частности, явно недостаточно внимания уделяется проблемам, связанным с применением специальных знаний при расследовании преступлений, совершаемых характерными способами или в специфической материальной обстановке, криминальными группами или профессиональными преступниками и др. Среди таких проблем одной из актуальных сегодня является проблема использования специальных знаний при расследовании преступлений, специфика которых обусловлена особенностями личности преступников и их жертв, в частности совершаемых несовершеннолетними. До недавнего времени эта проблема если и привлекала внимание ученых, то исключительно в качестве сопутствующей решению проблем тактики производства отдельных следственных действий с участием несовершеннолетних либо разработки методик расследования преступлений, совершаемых подростками. Научных исследований на монографическом

---

⁶⁰ Комаринец Б.М. Участие экспертов-криминалистов в проведении следственных действий по особо опасным преступлениям против личности // Проблемы судебной экспертизы. Судебные трасологическая и баллистическая экспертизы : сборник № 3. М., 1961 ; Шиканов В.И. Использование специальных познаний при расследовании убийств. Иркутск, 1976 ; Иванова Е.А. Использование специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами: теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

⁶¹ Мамкин А.М. Применение судебно-бухгалтерских знаний в практике выявления экономических преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999 ; Михалева Н.В. Правовые и организационные аспекты использования специальных знаний в целях установления ущерба, причиненного экологическим правонарушением : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

⁶² Яблоков Н.П. Оценка судом и следователями заключений автотехнической экспертизы // Вопросы судебной экспертизы : материалы научной конференции 28 июня – 2 июля 1960 г. ; Ким О.Д. Проблемы и пути совершенствования расследования дорожно-транспортных происшествий на основе научных знаний : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 1998 и др.

уровне, которые отличались бы самостоятельным предметом, отражающим специфику использования специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних, тем более на уровне частной криминалистической теории, не проводилось. И это несмотря на то, что многие вопросы, возникающие по таким делам, невозможно решать без привлечения лиц, сведущих в самых разнообразных отраслях науки и техники. Это вопросы о возрасте, уровне психического и интеллектуального развития детей, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, касающиеся взаимоотношений следователя с подростками, участвующими в проведении следственных действий, оценки показаний несовершеннолетних с точки зрения их достоверности и др. Потребность в их решении вынуждает сегодня говорить об использовании специальных знаний и навыков в таких делах как о проблеме, заслуживающей не меньшего внимания, чем проблема тактико-технического или методического обеспечения борьбы с подростковой преступностью. Научное исследование данной проблемы, отличаясь многоаспектностью, должно базироваться на изучении не только современного состояния мер борьбы с преступностью несовершеннолетних с целью выработки способов противодействия им, но и тенденций развития института специальных знаний, позволяющем определить их место в арсенале правомерных средств достижения указанных целей. В аспекте поставленных в настоящем диссертационном исследовании задач проследить эти тенденции возможно, на наш взгляд, только изучив историю развития самого института специальных знаний, используемых в борьбе с преступлениями, совершаемыми при участии несовершеннолетних, поскольку без знания истории невозможно ни полноценное и всестороннее изучение его современного состояния, ни предвидение развития данного учения в будущем.

Приступая к анализу истории развития института специальных знаний, важно иметь в виду, что «помнить прошедшее и знать историю – не одно и то же. Помнить прошедшее – значит знать, что было, и по бывшему гадать, не

повторится ли впредь нечто подобное. Знать свою историю – значит понимать, почему так было и к чему неизбежно приведет будущее»⁶³.

История развития специальных знаний как уголовно-процессуального института описана современными авторами весьма обстоятельно. Во всяком случае, этих исторических сведений, как мы полагаем, вполне достаточно, чтобы по ним проследить одну весьма интересную закономерность, которая обнаруживается в виде тенденции развития института специальных знаний, зависимых, как выясняется, от динамики преступности в Российской империи.

Известно, например, что самыми распространенными в российской и зарубежной истории, а одновременно наиболее опасными считались преступления, посягающие на жизнь и собственность. Неудивительно, что примерам расследования именно этих видов преступлений, как наиболее показательным для развития донаучной криминалистики, уделяли внимание в своих исследованиях ученые прошлого в первую очередь. Так, Г. Гросс первые три главы раздела «О некоторых преступлениях в особенности» «Руководства для судебных следователей» посвятил исследованию телесных повреждений, в том числе причиненных при убийствах, кражах и мошенничествах⁶⁴.

Исходя из этого, можно предположить, что потребность привлечения в уголовное судопроизводство специальных знаний была вызвана трудностями оценки обстоятельств именно этих видов преступлений. Сомнительная смерть человека, предъявление в суде документов о праве на имущество, имеющих признаки подлога, дача противоречивых показаний, указывающих на лживость, по крайней мере, одной из сторон имущественного спора – все эти случаи требовали от органов правосудия принятия соответствующих мер для их выяснения и разрешения. Поэтому естественно, что первыми в истории специальных знаний начинали развиваться именно те отрасли, которые позволяли ответить на вопросы, во-первых, о том, что стало причиной гибели

---

⁶³ Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. Т. VII. Специальные курсы (продолжение). М., Мысль, 1989. С. 6.

⁶⁴ Гросс Г. Указ. соч. С. 828–1015.

людей, во-вторых, являются ли документы, на которые ссылаются стороны в спорах об имуществе, подлинными. С необходимости их решения, надо полагать, и должно было начаться становление судебной экспертизы как основной формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве.

Как и следовало ожидать, первой по уровню востребованности в России стала медицина, получившая впервые в истории развития института специальных знаний нормативную регламентацию в «Кратком изображении процессов и судебных тяжб»⁶⁵. Повышенный интерес органов правосудия к медицине в тот период истории развития специальных знаний был обусловлен тем, что, по мнению С.А. Громова, «в сомнительных случаях» необходимо «требовать мнения врачей, чтобы соблюсти надлежащее правосудие»⁶⁶.

Неслучайно И.Ф. Крылов, исследуя историю развития криминалистики, пришел к выводу, что «возникновение экспертизы в России, как и в других странах, связывают чаще всего с медициной»⁶⁷. Впрочем, по утверждению того же С.А. Громова, «следы сей науки можем мы найти в самой глубокой еще древности»⁶⁸.

Привлечение медицинских знаний для решения вопросов, возникающих при расследовании преступлений, стало возможным и необходимым не только в связи с распространенностью преступлений против личности, но и с возросшей достоверностью результатов медицинских исследований, проводимых по уголовным делам. Исторические документы свидетельствуют, что к началу XVIII в. развитие судебной медицины уже достигло того уровня,

---

⁶⁵ Карнович Г.Б. Возникновение и развитие института вещественных доказательств в дореволюционной России // Советская криминалистика на службе следствия. Вып. 6. М., 1955. С. 73.

⁶⁶ Громов С.А. Указ. соч. С. 136.

⁶⁷ Крылов И.Ф. Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в ее историческом развитии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1966 ; Крылов И.Ф. Избранные труды по криминалистике. СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2006. С. 21.

⁶⁸ Громов С.А. Краткое изложение судебной медицины для академического и практического употребления (1832 г.) СПб., 1838. С. 136.

который давал законодателю основания регламентировать медицинские исследования трупов с признаками насильственной смерти в качестве обязательных процедур по делам об убийствах⁶⁹.

Таким образом, в российском законодательстве правила использования специальных знаний впервые стали обязательными для исполнения нормативными правилами, обусловленными потребностями практики.

Практическими потребностями, возникавшими в связи с распространением преступлений против собственности, было вызвано и формирование в начале XVI века института экспертизы документов⁷⁰. В конце XVII в., с изданием указа от 9 декабря 1699 г. «О порядке исследования подписей на крепостных актах в случае возникшего о подлинности оных спора или сомнения»⁷¹, была предпринята первая попытка поставить экспертизу документов на нормативную основу.

Таким образом, можно предположить, что первые нормативные правила средневековой России о привлечении сведущих лиц, причем как для исследования причин смерти, так и для распознавания подлогов документов, были связаны со спецификой преступлений, обстоятельства которых невозможно установить без обращения к специальным знаниям. С той же неизбежностью, а значит и закономерно, начала развиваться и такая их правовая форма, как применение специальных знаний по делам о преступлениях с участием несовершеннолетних. Нормативные документы того времени свидетельствуют, что ее формирование в российском уголовном судопроизводстве так же было вызвано исторической необходимостью, обусловленной непосредственной связью института специальных знаний с историей детской и подростковой преступности. Только став уголовно

---

⁶⁹ Соответствующие правила были изложены в Кратком изображении процессов и судебных тяжб, принятом в качестве приложения к Воинским уставам Петра Первого в 1716 г. (см.: Карнович Г.Б. Указ. соч. С. 73).

⁷⁰ Крылов И.Ф. В мире криминалистики. Л. : ЛГУ, 1989. С. 155–156.

⁷¹ Крылов И.Ф. Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в ее историческом развитии. С. 22.

наказуемой, противоправная деятельность детей могла привлечь внимание органов правосудия, перед которыми неизбежно возникли вопросы, ответить на которые без обращения к сведущим лицам было невозможно. Это вопросы о возрасте изобличенных в преступлении детей, об их вменяемости и способности отдавать отчет в своих действиях и др.⁷² Их приходилось решать, потому что законы Российской империи требовали снисхождения к малолетним преступникам, для которых выбор более мягкой меры наказания зависел, прежде всего, от их возраста и уровня развития. Например, дети, совершившие преступление, за которое для взрослых, согласно Своду, была предусмотрена смертная казнь, наказывались «плетьми, отсылались в монастыри под караул и покаяние»⁷³.

Законодательство Российской империи устанавливало специальную подсудность и особый порядок судопроизводства по делам несовершеннолетних, передав рассмотрение таких уголовных дел в ведение так называемых «совестных судов», созданных в 1775 г. по инициативе Екатерины II и рассматривавших уголовные дела малолетних обвиняемых, что требовало достоверного установления возраста подростка для решения вопроса о подсудности.

Констатируя зависимость института специальных знаний, используемых в делах несовершеннолетних, от исторического развития детской и подростковой преступности в стране, а значит и от их признания субъектами преступлений, следует отметить, что первым законодательным актом Российского государства, представившим описание уголовно наказуемых деяний в систематизированном виде, было Уложение 1649 г. И хотя возраст, с которого наступала уголовная ответственность, в нем конкретно не указывался, история уголовного права сохранила примеры

---

⁷² Например, согласно ст. 100 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. дети в возрасте до 7 лет и «не имеющие достаточного понятия о своих деяниях» освобождались от ответственности (см.: Павлов В.Г. Указ. соч. С. 37).

⁷³ Павлов В.Г. Указ. соч. С. 35.

осуждения по этому закону, например, семилетних детей⁷⁴. Первым же нормативным актом, указавшим на конкретный возраст детей, до наступления которого исключалось привлечение их к уголовной ответственности, правда, только за убийство, были Новоуказные статьи Сысного приказа 1666 г. В ст. 79 данного документа, в частности, говорится, что «аще седми лет отрок убьет кого ... не повинен есть смерти»⁷⁵. Это нужно было понимать как то, что по достижении семилетнего возраста ребенок мог стать субъектом преступления и быть осужден за причинение смерти другому лицу. По другим видам преступлений вопрос о возрасте оставался открытым.

Последовавшие за Уложением 1649 г. и указами 1666-го законодательные акты, в том числе принятые во времена царствования Петра I, мало что прояснили в вопросе о возрасте, с которого дети могли быть привлечены к уголовной ответственности. В Воинском уставе 1716 г., например, «младенцы» лишь упоминаются как субъекты хищения, однако их абсолютный возраст не раскрывается, несмотря на законодательное разъяснение о необходимости смягчения им наказания: «наказание воровства обыкновенно умаляется или весьма отставляется, ежели ... вор будет младенец, которых дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих глазами наказаны быть»⁷⁶.

И только в Своде законов Российской империи была установлена нижняя граница возраста, начиная с которого дети признавались субъектами преступлений – 10 лет⁷⁷. Эта возрастная граница была подтверждена и Уложением о наказаниях уголовных и исправительных (1845), в ст. 143 которого говорится, что дети в возрасте от 7 до 10 лет, не подвергающиеся определенному в законе наказанию, отдаются родителям и благонадежным

---

⁷⁴ Там же. С. 87.

⁷⁵ Гуревич С.А. Ответственность юных преступников по русскому законодательству // Дети-преступники : сборник статей / под ред. М.Н. Гернета. М., 1912. С. 8.

⁷⁶ Цит. по: Павлов В.Г. Указ. соч. С. 34.

⁷⁷ Там же. С. 87.

родственникам для строгого за ними присмотра, исправления и перевоспитания»⁷⁸.

В дальнейшем возраст уголовной ответственности неоднократно менялся, оставаясь на протяжении XIX–XXI вв. в нижних своих пределах в диапазоне от 7 до 14 (16) лет. И всегда решение вопроса о возрасте несовершеннолетних преступников воспринималось правоприменителями не только как обязательное для вынесения справедливого наказания условие, но и как условие освобождения их от уголовной ответственности. Нетрудно представить, какую цену пришлось бы заплатить государству за ошибочное определение возраста подсудимых детей, не будь у судебных органов возможности обратиться к сведущим в области судебной медицины лицам за решением этого вопроса.

Первые научные судебно-медицинские описания признаков возраста человека содержатся в работах, изданных в конце XVIII в.⁷⁹ В основном такая потребность возникала по гражданским делам. Что касается уголовного судопроизводства, то согласно «Краткому изложению судебной медицины», подготовленному в 1832 г. профессором С.А. Громовым, возраст судебные медики устанавливали в случаях, когда: 1) обнаруживалось мертвое тело взрослого человека или младенца, возраст и имя которого было не известно; 2) когда отсутствовали ясные, законные доказательства «о рождении человека, между тем, как судье нужно знать оное, дабы, например, определить по летам его положенную степень наказания», а также в некоторых иных случаях⁸⁰.

Одновременно с признанием малолетних правонарушителей субъектами преступлений по достижении ими определенного возраста пришло и осознание невозможности решить этот вопрос без обращения к специальным, прежде всего медицинским, знаниям. Однако и сегодня проблема

---

⁷⁸ Там же. С. 37.

⁷⁹ Пленк И.-Я. Наставление по судебной медицине 1799 г. // Громов С.А. Краткое изложение судебной медицины 1832 г. СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2004. С. 74–75.

⁸⁰ Пленк И.-Я. Указ. соч. С. 202.

установления возраста несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности, остается не просто актуальной, но одновременно и трудно решаемой задачей. Например, даже при современном высоком уровне развития судебно-медицинской науки хронологический возраст подростков устанавливается лишь приблизительно, с точностью от одного до трех лет⁸¹. Для ее решения требуется комплексный подход, поэтому вряд ли мы получим ответ на данный вопрос без его «более полного изучения, исследования и осмысления с позиции не только науки уголовного права, но и тесного взаимодействия с ней медицины, психологии, педагогики и других наук»⁸².

Тем не менее нет оснований считать, что установленная в российском уголовном законодательстве нижняя граница возраста уголовной ответственности, составляющая сегодня 14–16 лет, является окончательной. Ведутся оживленные дискуссии о необходимости его снижения до 12–13 лет. Ожидаемое в перспективе изменение этого параметра, несомненно, потребует и соответствующего реагирования науки на уровне теоретического и прикладного исследования новых проблем, возникающих перед институтом специальных знаний, привлекаемых в уголовное судопроизводство по делам несовершеннолетних.

Между тем не только возраст как предмет исследования вызывает интерес к проблемам формирования института специальных знаний по делам о преступлениях с участием детей и подростков, но и иные их обстоятельства, для установления которых возникает необходимость обращаться к сведущим лицам. В истории уголовного судопроизводства не менее интенсивно развивались и иные направления использования специальных знаний в делах несовершеннолетних, требовавшие научного обоснования. Исторические документы и труды дореволюционных ученых содержат описания случаев применения специальных знаний для определения способности подростков к

---

⁸¹ Макаренко И.А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования. М. : Юрлитинформ, 2006. С. 206.

⁸² Павлов В.Г. Указ. соч. С. 84.

совокуплению, что важно было устанавливать по делам о совершаемых ими изнасилованиях⁸³. Привлечение сведущих людей требовалось и для выяснения того, мог ли подросток осознавать опасность своих действий. Тем более что согласно, например, Уголовному уложению 1903 г. не являлось «субъектом преступления лицо, совершившее преступное деяние, когда оно не сознавало своих действий и не могло руководить ими, т. е. было невменяемо»⁸⁴. Специальные знания требовались и для распознавания притворных заболеваний у молодых людей, совершающих преступления и стремящихся таким образом уйти от ответственности, особенно у желающих избежать военной службы или «осужденных к какому-либо телесному наказанию»⁸⁵.

Интересные научные исследования, основанные на специальных знаниях, результаты которых могли оказаться полезными для сферы борьбы с преступностью несовершеннолетних, проводились также в целях установления зависимости поведения несовершеннолетних преступников, обусловленного наследственностью, от особенностей личности их ближайших родственников. Так, известный дореволюционный ученый Д.А. Дриль писал: «При изучении вопроса о борьбе с преступностью у взрослых, так и несовершеннолетних нарушителей уголовного закона, для нас чрезвычайно важно, по возможности, точно выяснить, насколько и как наследственность определяет будущую личность появившегося на свет человека. Насколько она определяет характер его последующей деятельности, а чрез то и его будущие судьбы, и насколько это, с человеком на свете появляющееся, как бы предопределение, диктуемое властью прошлого, может, и действительно изменяется прижизненными внешними воздействиями, к числу которых,

---

⁸³ Пленк И.-Я. Указ. соч. С. 213–217.

⁸⁴ Павлов В.Г. Указ. соч. С. 39.

⁸⁵ Пленк И.-Я. Указ. соч. С. 243.

конечно, относятся рассчитанные наперед и проводимые в определенной системе воспитательные и исправительно-воспитательные воздействия»⁸⁶.

Тогда же проводились не менее интересные экспериментальные исследования, касающиеся перспектив применения естественно-научных знаний к решению проблем детской преступности. В частности, на экспериментальном уровне учеными выяснялась зависимость антропометрических данных детей от их материального обеспечения. Такой интерес был связан с широкой распространенностью корыстных преступлений среди детей и подростков – выходцев из беднейших слоев населения западных стран и дореволюционной России. Весьма заметными стали экспериментальные исследования известного итальянского криминалиста профессора А. Ничефоро⁸⁷, описанные в его работах «Бедные классы» (1905), «Сила и богатство» (1906), «Опыт по антропологии бедных классов» (1907), проведенные с целью получения статистических данных о влиянии «материальной обеспеченности разных слоев населения нескольких возрастных групп»⁸⁸, в том числе детей обоего пола в возрасте от 7 и до 15 лет, на изменение антропологических характеристик личности человека. Их результаты, показавшие существенную зависимость физиологического развития детей от их материальной обеспеченности, выборочно привел в своих лекциях по уголовному праву российский профессор Д.А. Дриль⁸⁹.

Поиски сфер приложения специальных знаний для повышения эффективности борьбы с преступностью несовершеннолетних продолжались и позднее. Еще Г. Гросс обратил внимание на психологические особенности детского восприятия действительности, препятствующие получению от детей

---

⁸⁶ Дриль Д.А. Уголовное право. Лекции, читанные в Санкт-Петербургском политехническом институте в 1907/8 учебном году. СПб. : Изд. студенческой кассы взаимопомощи СПб Политехникума, 1908. С. 363.

⁸⁷ Энциклопедия криминалистики в лицах / под ред. проф. В.Ю. Шепитько. Харьков : Апостиль, 2015. С. 254–255.

⁸⁸ Дриль Д.А. Указ. соч. С. 320.

⁸⁹ Там же. С. 320–328.

достоверных показаний⁹⁰. Надо полагать, благодаря и этим наблюдениям выдающегося ученого-криминалиста законодатель в итоге пришел к выводу о необходимости признания обязательным участие психологов и педагогов в допросе несовершеннолетних (ч. 1 ст. 191, ч. 3 ст. 425 УПК РФ).

Сегодня продолжают исследования проблем использования специальных знаний, в основном знаний специалистов в области детской психологии и психиатрии, для повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений несовершеннолетних.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что назрела необходимость формирования учения о специальных знаниях, используемых в расследовании преступлений с участием несовершеннолетних. Предпосылками формирования такого учения являются:

- 1) возникающая по мере развития науки потребность в теоретических обобщениях и систематизации накопленных знаний, в том числе в целях совершенствования практики использования специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних;
- 2) использование достижений научно-технического прогресса, требующие интеграции научных знаний в целях повышения эффективности расследования преступлений с участием несовершеннолетних;
- 3) невозможность познания некоторых обстоятельств преступлений с участием несовершеннолетних, без обращения к помощи лиц, сведущих в отдельных отраслях науки, техники, искусства, ремесла;
- 4) отсутствие комплексного подхода к изучению личности несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, требующие разработки соответствующих методов и средств их познания;
- 5) увеличивающееся количество подростков с аномальной личностной незрелостью, требующее особого подхода к ним с привлечением специальных знаний;

---

⁹⁰ Гросс Г. Указ. соч. С. 121–128.

б) необходимость обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства.

Представляется, что для более полного раскрытия анализируемого процесса формирования учения необходимо обратиться к его методологической составляющей, без которой невозможно теоретическое обоснование любого знания.

1.4. Понятие и структура криминалистического учения об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних

Учеными, прежде всего философами, высказывались разные мнения о сущности научной теории. Не менее разнообразны и суждения по вопросу о сущности криминалистической теории как ее разновидности. Это относится и к учению об использовании специальных знаний в расследовании преступлений с участием несовершеннолетних, которое, как и любая формирующаяся частная научная теория, должно обладать той же сущностью, а значит теми же признаками и компонентным составом, которые отличают теорию от совокупности эмпирических знаний. Этот комплекс в виде взаимосвязанных элементов, отображая определенные свойства, отношения и закономерности деятельности участников уголовного судопроизводства, принимающих и реализующих решения о привлечении сведущих лиц к исследованию вопросов специального характера, возникающих по делам данной категории, дает адекватное представление о реальной деятельности рассматриваемого вида. Этой цели и служит систематизированное теоретическое знание, позволяющее сформировать такое представление об отображаемой им деятельности, которое «относится не к отдельным

свойствам и отношениям исследуемых явлений, а к некоторой системе в целом»⁹¹, открывая тем самым возможность позитивного на нее воздействия.

Остановимся на наиболее заметных определениях теоретического знания, раскрывающих сущность теории вообще и криминалистической теории в частности.

О философской сущности научной теории писали многие авторитетные ученые – специалисты в области методологии науки, представляющие как отечественную, так и зарубежную философию. Среди них П.В. Копнин, М.Н. Руткевич, В.А. Лекторский, В.С. Степин, В.Н. Карпович, М.В. Мостепаненко, Г.И. Рузавин, В.С. Швырев, Г. Герц и др. Не ставя своей задачей дать оценку всем идеям, высказанным по вопросу о сущности научной теории, приведем наиболее, на наш взгляд, характерные ее определения.

А.А. Печенкин считает, что «теория представляет собой логически упорядоченную систему знаний. Она включает в свой состав научные законы различных уровней. Наиболее общие положения, составляющие фундамент теоретической системы, носят название принципов или постулатов теории»⁹².

Примерно так же характеризует теорию В.Н. Карпович, указывая не только на ее системность, но и на две важнейшие функции – объяснительную и прогностическую: «Научная теория в конечном счете представляет собой не что иное, как систему законов, с помощью которых мы понимаем и предсказываем происходящее»⁹³. И далее В.Н. Карпович дополняет это определение, обращая внимание на концептуальный характер теоретического знания, в котором моделируются (реконструируются, отображаются) объективные (реально существующие) закономерности действительности, связанные между собой: «...научная теория представляет собой

---

⁹¹ Рузавин Г.И. Научная теория: логико-методологический анализ. М., 1978. С. 178–179.

⁹² Печенкин А.А. Функции научной теории. Философия. Методология. Наука. М. : Наука, 1972. С. 203.

⁹³ Карпович В.Н. Проблема, гипотеза, закон. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1980. С. 121.

концептуальную реконструкцию некоторого заранее неизвестного множества взаимосвязанных объективных закономерностей»⁹⁴.

На наш взгляд, наиболее полно и точно сущность научной теории удалось раскрыть Г.И. Рузавину в опубликованной им специальной монографии, посвященной общей характеристике, структуре, генезису научной теории⁹⁵. Автор охарактеризовал научную теорию как систему «абстрактных понятий и утверждений», представляющих «собой не непосредственное, а *идеализированное* отображение действительности». В этом идеализированном отображении «понятия и утверждения теории в строгом смысле слова описывают не свойства и отношения реальных явлений и систем, а особенности поведения идеализированной схемы, или концептуальной модели, которая была построена в результате исследования той или иной реальной системы. Иначе говоря, «теория представляет собой концептуальную систему, с помощью которой отображаются определенные закономерности функционирования и развития соответствующих реальных систем»⁹⁶.

Во многом опираясь на определения сущности научной теории, предложенные философами, ученые-юристы воспринимают и криминалистическую теорию. Исследуя феномен частной теории в криминалистике, авторы используют разнообразные характеристики теоретического знания, заимствуя их из философских работ или выделяя наиболее существенные с точки зрения каждого автора его признаки и качества. Отсюда и сходство признаков криминалистической теории, выделенных учеными-криминалистами, с признаками, отмеченными в общенаучных определениях теории.

Одними из первых к анализу сущности криминалистической теории обратились Р.С. Белкин и А.И. Винберг. Они определили общую теорию

---

⁹⁴ Там же. С. 143.

⁹⁵ Рузавин Г.И. Научная теория: логико-методологический анализ. М., 1978.

⁹⁶ Там же. С. 15.

криминалистики как «систему ее основных принципов и положений, определяющих содержание и структуру, перспективы развития и практическую значимость криминалистики, ее роль и место в такой специфической области человеческой деятельности, как борьба с преступностью»⁹⁷.

Как о системе «понятий, принципов, концепций, знаний о закономерных связях» говорил о криминалистической теории и Н.А. Селиванов⁹⁸. Аналогично, а именно как систему знаний о закономерностях изучаемых криминалистикой явлений и процессов представлял себе криминалистическую теорию А.В. Дулов⁹⁹. А Н.П. Яблоков и В.Я. Колдин в определении сущности криминалистической теории ограничились ее представлением только в виде системы «теоретических концепций, методологических принципов и понятий»¹⁰⁰.

Более перспективным для уяснения сущности криминалистической теории, на наш взгляд, было бы понимание ее как концептуальной, идеализированной модели познаваемой ею реальности. То есть мы предлагаем придерживаться структуры, предложенной Г.И. Рузавиным для определения любой научной теории. По этому пути пошли отдельные ученые-криминалисты, отразив в своих определениях теории этот ее существенный компонент.

Например, именно как «идеальную модель объектно-предметной области данной науки» определяет криминалистическую теорию В.А. Образцов¹⁰¹. При этом частными криминалистическими теориями автор

---

⁹⁷ Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. М., 1969. С. 3.

⁹⁸ Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М. : Юридическая литература, 1982. С. 12.

⁹⁹ Дулов А.В. Задачи, функции и предмет криминалистики // Криминалистика / под ред. А.В. Дулова. Минск, 1996. С. 17.

¹⁰⁰ Криминалистика / под ред. Н.П. Яблокова. М., 1995. С. 12.

¹⁰¹ Образцов В.А. Основы криминалистики. М., 1996. С. 11.

называет «знания об отдельных элементах, звеньях, аспектах поисково-познавательной деятельности в уголовном процессе»¹⁰².

Как о модели исследуемого криминалистикой объекта, замещающей этот объект в теоретическом знании, пишет о криминалистической теории и М.К. Каминский, особо подчеркивая, что изучение такой модели криминалистикой «позволяет познать объект более глубоко, проникнуть в его сущность...»¹⁰³.

Весьма обстоятельно и аргументированно раскрывают в своих докторских диссертациях сущность криминалистической теории как идеализированной модели действительности А.А. Эксархопуло – в контексте общетеоретического исследования¹⁰⁴, Р.И. Зайнуллин – применительно к учению о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей¹⁰⁵. «Частная криминалистическая теория, – пишет, Р.И. Зайнуллин, – ...представляет собой идеализированное отображение, некую концептуальную модель исследуемой наукой криминалистикой действительности. При этом предмет любой частной криминалистической теории включает в себя лишь отдельные аспекты, стороны, свойства, закономерные связи отражаемого теорией фрагмента познаваемой действительности. Ими, этими свойствами и связями, и обусловлена специфика каждой частной криминалистической научной теории или криминалистического учения»¹⁰⁶. Нам такой подход к уяснению сущности криминалистической теории как частный случай и к учению об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних представляется оптимальным.

---

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Каминский М.К. Введение в криминалистику и криминалистическое образование. М. ; Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2015. С. 25.

¹⁰⁴ Эксархопуло А.А. Криминалистическая теория: формирование и перспективы развития в условиях НТР : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1993. С. 67–83.

¹⁰⁵ Зайнуллин Р.И. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей : дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2022. С. 33–60.

¹⁰⁶ Там же. С. 42.

Представление о сущности криминалистической теории не может быть полным без уяснения основных элементов системы любой теории в качестве формирующих ее структуру компонентов. Для определения компонентного состава криминалистической теории (учения) целесообразно обратиться к философской трактовке понятия и содержания структуры научной теории.

Первый элемент криминалистической теории – абстрактные объекты. Теория, в отличие от эмпирического знания, отображает действительность не непосредственно, а опосредованно, исследуя реальные явления и процессы по их идеализированным, то есть очищенным от всего лишнего и несущественного моделям. Такие идеализированные модели, лежащие в основании научной теории, строятся путем абстрагирования и мысленного моделирования реальных объектов, познаваемых теорией, и составляющих ее предмет. Поэтому, строго говоря, теория имеет дело не с самими явлениями, а с их образами, не со свойствами изучаемых объектов и процессов, а с отображающими их признаками, не с закономерностями действительности, а с их описанием, то есть с законами.

Второй компонент научной теории – понятия, принципы и законы. Научная теория в познании сущности явлений не может обойтись без собственного, специфического для конкретной теории понятийного аппарата и научных категорий. С помощью понятий, категорий и терминов научной теории осуществляется систематизированное описание и самой идеализированной модели познаваемой теорией действительности, и сети ее абстрактных объектов, и их взаимодействий. Все они должны включаться в структуру научной теории в качестве ее компонентов.

Основным компонентом разрабатываемого нами учения, как и любого другого, является его предмет. *Предметом* учения об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних являются закономерности применения системы знаний и навыков в определенной области науки, техники, искусства, ремесла, необходимые для обнаружения, исследования и использования

криминалистически значимой информации о личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства в расследовании преступлений. *Объектом* рассматриваемого учения является деятельность по использованию специальных знаний сведущими лицами в целях обнаружения, изъятия и исследования криминалистически значимой информации о личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства для применения полученных данных в расследовании.

Таким образом, можно говорить, что философское представление о центральных компонентах структуры любой научной теории на сегодняшний день вполне сформировалось. Это идеализированная модель действительности, представленная комплексом взаимосвязанных абстрактных объектов и их взаимодействий, описываемых с использованием специальной терминологии.

Третий структурный элемент научной теории – логические следствия и выводы, которые вытекают из законов и принципов теории. Это следует понимать как то, что в логических следствиях, выводимых из научной теории, раскрываются основные формы применения теоретического знания, его функции и значение для практики, которой проверяется истинность теории.

Описание всех трех перечисленных компонентов можно обнаружить в любой криминалистической теории или развитии учения, в том числе в учении о специальных знаниях, применяемых в расследовании преступлений с участием несовершеннолетних. Будучи обособлено в системе частных криминалистических учений по признаку специфики идеализированной модели действительности, лежащей в основании рассматриваемого нами учения, оно должно быть представлено в виде описания тех абстрактных объектов и закономерностей их взаимодействия, которые способны отобразить концептуально значимые особенности использования специальных знаний в расследовании преступлений с участием несовершеннолетних. Поэтому данное учение будет уместно именно в той группе системы теоретического знания криминалистики, которая с разных

позиций и сторон описывает идеализированную модель познавательной деятельности следователя, направленной на выяснение обстоятельств рассматриваемых преступлений. Но не в полном объеме решаемых следователем задач по расследованию таких преступлений, а лишь в том аспекте, благодаря которому идеализированная модель, лежащая в основе учения об использовании специальных знаний в делах о преступлениях с участием несовершеннолетних, индивидуализирует само учение и его предмет. Соответственно, познаваемую данным учением модель реального расследования надлежит ограничить лишь комплексом тех следственных ситуаций, которые вынуждают участников уголовного судопроизводства обращаться к специальным знаниям. Эти ограничения позволяют утверждать, что разрабатываемое нами учение может быть представлено в системе криминалистического знания только в качестве одной из подтеорий, отображающих, с одной стороны, процесс привлечения специальных знаний для раскрытия и расследования преступлений с участием несовершеннолетних, с другой – особенности реализации полученных данных в доказывании неизвестных обстоятельств уголовных дел.

С идеализации этих двух составляющих процесса расследования преступлений несовершеннолетних и начинается формирование учения, призванного отобразить наиболее существенные, наиболее значимые стороны познаваемой им реальности. Для этого создается модель в виде взаимодействующих между собой таких абстрактных объектов, как следователь, несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый), потерпевший, свидетель, сведущие лица, неблагоприятная следственная ситуация, разрешение которой вызывает существенные затруднения, и др.

«Предварительным условием построения теории, – писал Г.И. Рузавин, – является схематизация, или идеализация, изучаемой области явлений»¹⁰⁷, где идеализация модели – это ее очищение от лишнего, а абстрагирование

---

¹⁰⁷ Рузавин Г.И. Указ. соч. С. 151.

необходимо для замены абстрактными объектами, с помощью которых эта модель описывается в научной теории, реальных объектов, закономерности взаимодействия которых познаются теорией.

Такая идеализированная модель может быть представлена описаниями самых важных аспектов данной проблемы, нуждающихся в научном исследовании и обосновании. В первую очередь это принципы или постулаты учения об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних. Например:

1) ориентация использования специальных знаний не только и не столько на получение от несовершеннолетних достоверных сведений о совершенном преступлении, сколько на то, чтобы пробудить в подростке стремление к нормальной, законопослушной жизни;

2) приоритет соблюдения прав несовершеннолетних перед правами иных участников расследования в случае обращения к специальным знаниям при решении возникающих вопросов;

3) недопустимость любых ограничений прав подростков при принятии решений об использовании специальных знаний в их отношении без согласования или уведомления об этом законных представителей несовершеннолетних;

4) использование специальных знаний для получения информации об обстоятельствах совершенного преступления допустимо только при условии, если такое их использование не создает опасности для жизни и здоровья (в том числе психического) подростка;

5) информация, полученная от несовершеннолетнего с применением специальных знаний, не может иметь доказательственного значения, если подросток (или его законный представитель) не были заранее уведомлены о намерении следователя ее получить именно таким способом и именно с этой целью;

6) использование специальных знаний в отношении несовершеннолетнего, привлеченного к участию в следственном действии,

допускается, если невозможно достичь тех же целей с использованием иных средств и методов, исключающих непосредственное воздействие на подростка.

Затем надлежит обратить внимание и описать те аспекты идеализированной модели, которые касаются непосредственно самого института специальных знаний. Среди них можно выделить понятие таких знаний, их историческое развитие, систематизацию источников специальных знаний и навыков, характеристику правовых форм их применения в уголовном судопроизводстве по делам несовершеннолетних и др. Они составят как бы теоретическую основу учения, положениями которой, однако, не исчерпывается описание идеализированной модели.

Познаваемая модель учения должна быть дополнена описанием функций участников уголовного процесса, в котором следует выделить несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых), потерпевших, свидетелей, наделенных правом обращаться за разрешением специальных вопросов к сведущим лицам. Не менее значимым компонентом является и характеристика носителей специальных знаний – специалистов, экспертов и других их обладателей, участвующих в расследовании, их функций, пределов полномочий в решении возникающих вопросов и т.д.

Наконец, концептуальность, то есть особенная важность, принципиальность, оригинальность построения идеализированной модели действительности, познаваемой разрабатываемым нами учением, выражается в описании наиболее актуальных проблем применения специальных знаний при производстве отдельных следственных действий с участием несовершеннолетних и при расследовании дел о совершенных ими преступлениях в целом. При этом следователь, сведущие лица и иные участники судопроизводства по делам несовершеннолетних должны руководствоваться правилами и принципами, в основе которых лежат их права и обязанности, предусмотренные законом, среди которых особое значение придается правам подростков, привлекаемых к уголовной ответственности. На

наш взгляд, нуждаются в решении на теоретическом уровне прежде всего те проблемы, которые возникают в связи с изменением следственных ситуаций в неблагоприятную сторону и требуют разрешения посредством обращения к специальным знаниям.

Логические следствия, выводимые из учения (теории), его принципов и законов, являясь компонентом любого из них, имеют особое значение в прикладных науках, таких как криминалистика. Как указал А.А. Эксархопуло, «это вся та совокупность логических следствий, выводов, доказательств, вытекающих из основных криминалистических законов и принципов, которая служит критерием проверяемости теории практикой»¹⁰⁸. И далее автор отметил методологическое и прикладное значение этого третьего компонента криминалистической теории, выделенного в ее структуре: «Если из законов и принципов криминалистической теории не делается логически обоснованных выводов, находящихся подтверждение в практике, то создание такой теории превращается в бесполезное теоретизирование, не находящее практического выхода»¹⁰⁹. Сказанное непосредственно относится и к учению об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних.

1.5. Место учения об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних в системе общей теории криминалистики

Определение места учения о специальных знаниях, используемых при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних, неразрывно связано с вопросами систематизации криминалистических теорий и учений,

---

¹⁰⁸ Эксархопуло А.А. Основы криминалистической теории. СПб. : СПбГУ, 1992. С. 41.

¹⁰⁹ Там же. С. 41–42.

определением их места в системе криминалистики. Поэтому целесообразно рассмотреть разные точки зрения ученых-криминалистов по указанной проблематике.

Развитие отечественной криминалистики и формирование ее теоретических основ, началом чему послужили разработки теории криминалистической идентификации С.М. Потаповым¹¹⁰, учения о предмете криминалистики Б.М. Шавером¹¹¹, других частных криминалистических учений и теорий¹¹², уже к середине XX в. поставило вопрос о необходимости систематизации накопленного теоретического знания. С этого времени криминалистическая наука начинает оперировать системой теоретических понятий, принципов, идей, стремясь применять их на практике. В итоге эти теоретические категории и положения приобрели вид сформировавшихся наиболее значимых для науки и практики частных криминалистических теорий и учений. Среди них самостоятельное теоретическое значение получили учение о природе, предмете и системе криминалистики, теория криминалистической идентификации, учение о следственной версии и некоторые другие. Начав формирование теоретических основ криминалистики с частных теоретических схем, ученые к концу 1960-х годов поняли необходимость решения и общетеоретических вопросов криминалистической науки. Этот процесс стал отражением общей закономерности развития научного знания: «...в каждой научной дисциплине, достигшей определенной зрелости, развиваются обобщающие теории»¹¹³.

Таким образом, интерес к теоретическим исследованиям проблем систематизации криминалистических знаний приобрел со временем характер

---

¹¹⁰ Потапов С.М. Принципы криминалистической идентификации // Советское государство и право. 1940. № 1 ; Он же. Введение в криминалистику. М., 1946 и др.

¹¹¹ Шавер Б.М. Предмет и метод советской криминалистики // Социалистическая законность. 1938. № 6.

¹¹² См., например: Шевченко Б.И. Научные основы современной трасеологии. М., 1947 ; Винберг А.И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М., 1949.

¹¹³ Герц Г. Марксистская философия и естествознание. М., 1982. С. 360.

тенденции, обусловленной закономерностями, свойственными развитию любого научного знания. И сегодня мы можем говорить о начале формирования в науке целостной системы криминалистических теорий и учений, олицетворяющей ее прогрессивное развитие.

Идея систематизации теоретического знания возникла не спонтанно, а как закономерный итог развития науки, достигшей к середине XX в. достаточного для теоретических обобщений уровня зрелости, поскольку «всякая развитая научная дисциплина, по сути дела, представляет собой некоторую систему теорий, находящихся в различных отношениях друг к другу»¹¹⁴. И поэтому именно в силу закономерностей знания криминалистикой своего предмета и тенденций ее развития перед учеными встал вопрос о создании общетеоретических основ данной науки.

По свидетельству Р.С. Белкина, вопрос о создании общей теории криминалистики в отечественной науке первым поставил А.И. Винберг. Он писал: «Криминалистика, накопив, несомненно, ценный опыт и значительный материал по частным вопросам научной техники и методики расследования, в то же время еще не создала *общей теории криминалистики*. В том числе такого важнейшего раздела, как методология криминалистической экспертизы. Таким образом, накопленные за прошедшие годы опыт и достижения криминалистов по частным проблемам не поднялись еще до такого теоретического обобщения, которое должно вывести криминалистику из ее нынешнего эмпирического состояния»¹¹⁵.

Прошло более 20 лет, прежде чем А.И. Винберг совместно с Р.С. Белкиным сформулировали определение общей теории криминалистики, раскрыв ее сущность как системы «основных принципов и положений, определяющих содержание и структуру, перспективы развития и

---

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Цит. по: Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. М. : Юристъ, 1997. С. 40.

практическую значимость... роль и место в такой специфической области человеческой деятельности, как борьба с преступностью»¹¹⁶.

Структуру общей теории криминалистики первым предложил Р.С. Белкин, включив в нее три основных элемента:

- 1) введение в общую теорию криминалистики, состоящее из положений, дающих представление о предмете криминалистики, ее системе, задачах и т. д., раскрывающих тем самым сущность и содержание общей теории;
- 2) положения, описывающие закономерности преступления как объекта криминалистического познания;
- 3) положения, отражающие объективные закономерности возникновения информации о преступлении и преступнике, обстоятельствах его совершения, о закономерностях собирания, исследования, оценки и использования этой информации¹¹⁷.

Далее представляется необходимым рассмотреть вопрос о месте криминалистических теорий и учений в общей теории криминалистики, без решения которого невозможно определить место разрабатываемого нами учения в системе криминалистики.

В настоящее время, по мнению Н.И. Валькирии, доминируют две основные точки зрения на построение системы криминалистических теорий, учений и определение их места в системе криминалистики: 1) рассмотрение частных криминалистических теорий, учений в рамках общей теории криминалистики; 2) выделение общих и частных криминалистических теорий, учений; общие теории предлагается рассматривать в общетеоретических положениях науки, частные – в иных разделах¹¹⁸.

Рассмотрим подробнее эти точки зрения. Так, Р.С. Белкин определил место частной криминалистической теории как элемент общей теории

---

¹¹⁶ Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. М., 1969. С. 34.

¹¹⁷ Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 1. С. 56.

¹¹⁸ Валькирия Н.И. Концептуальные основы криминалистического изучения неизвестного преступника. М. : Проспект, 2025. С. 28.

криминалистики¹¹⁹. Частные криминалистические теории, будучи подчиненными по отношению к общей теории криминалистики, в свою очередь, могут различаться по степени общности своего предмета, отражать большую или меньшую предметную область, более или менее значительную группу явлений и процессов¹²⁰. Данную позицию Р.С. Белкина разделяют многие ученые-криминалисты: Н.П. Яблоков, А.Ю. Головин¹²¹, Е.Р. Россинская¹²², В.П. Лавров¹²³ и др.

Система криминалистических теорий, предложенная Н.А. Селивановым, выглядит немного иначе. По его мнению, «криминалистическая теория – это система понятий, принципов, знаний о закономерных связях, касающихся как общих для всей науки криминалистики проблем, так и относящихся к ее отдельным частям. Первые представляют собой общие криминалистические теории, а вторые – частные»¹²⁴.

Т.С. Волчеца считает, что «зрелая теория должна являться не только суммой взаимосвязанных между собой учений, но и содержать в себе определенный механизм построения знания, воплощать в себе некоторые программы исследования»¹²⁵.

Весьма интересна позиция А.А. Эксархопуло. По его мнению, все криминалистические теории (учения) каждого из разделов, включая введение в общую теорию, различаются в зависимости от особенностей лежащей в их основе идеализированной модели действительности, которые формируют

---

¹¹⁹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М.: Юридическая литература, 1987. С. 9.

¹²⁰ Там же. С. 136.

¹²¹ Головин А.Ю. Криминалистическая систематика / под общ. ред. Н.П. Яблокова. М., 2002. С. 77–79.

¹²² Россинская Е.Р. Ревизия определения предмета криминалистики: за и против // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С. 334.

¹²³ Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. 2-е изд. М., 2012. С. 11.

¹²⁴ Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М., 1982. С. 12.

¹²⁵ Волчецкая Т.С. Указ. соч.

свою систему горизонтально и вертикально связанных теорий»¹²⁶. Возможности систематизации теорий и учений криминалистики по указанному критерию можно проиллюстрировать на примере некоторых общекриминалистических и частнокриминалистических учений и теорий.

Так, по отношению к общекриминалистическому учению о личности преступника учение о личности несовершеннолетнего правонарушителя будет отличаться меньшей степенью общности и потому располагаться в системе на более низком уровне, так же как учения о способах совершения убийств, хищений, иных видов преступлений окажутся представленными в системе общей теории криминалистики в виде подтеорий, то есть уровнем ниже, нежели учение о способах совершения преступлений вообще. И если второе должно быть представлено в общетеоретической части криминалистики, то остальные должны найти свое место в разделе теоретических основ криминалистической методики. Аналогично благодаря вертикальным связям формируются и теории познания события преступления.

То же можно сказать и о разрабатываемом нами учении о специальных знаниях, используемых в раскрытии и расследовании преступлений с участием несовершеннолетних, имеющем связи с другими теориями и учениями на всех их уровнях. И это важно, поскольку, не определив место данного учения в системе общей теории криминалистики, мы неизбежно столкнемся с трудностями, которые привели сегодня к формированию множества разрозненных, фрагментарных теоретических концепций, разрабатываемых по усмотрению их инициаторов. То есть без учета общих и особенных закономерностей развития научного знания, основу которого составляет его интеграция, преобладающая как тенденция в развитии науки вообще.

---

¹²⁶ Эксархопуло А.А. Криминалистика: теоретические проблемы и практические решения. С. 59.

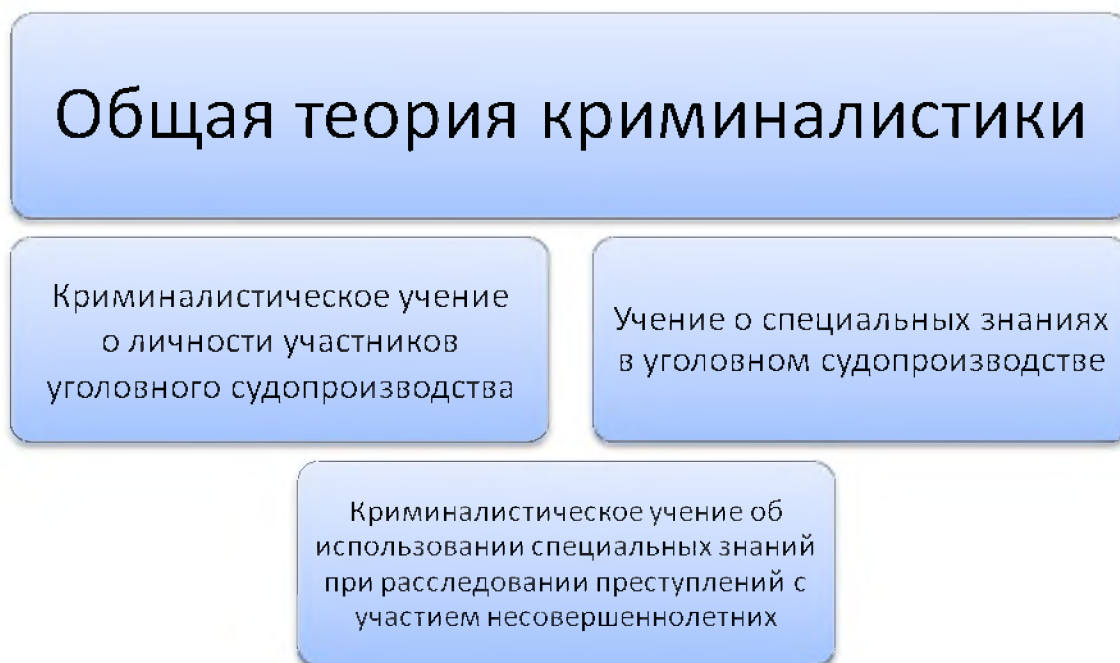
Так, многочисленные учения, касающиеся расследования преступлений несовершеннолетних, имеющие между собой объективные, но нереализованные связи, по-прежнему остаются разрозненными структурными элементами, расположенными в разных разделах системы криминалистической науки. Одни сформированы в общетеоретической части, другие – в криминалистической тактике, третьи – в частной методике расследования. Отсутствие интеграции таких учений и теорий, эффективность которой во многом определяет их систематизация в рамках общей теории криминалистики, тормозит дальнейшее развитие таких теорий. Так, относительно обособленно развиваются криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства¹²⁷ и учение о специальных знаниях в уголовном судопроизводстве¹²⁸, имеющие непосредственную связь с разрабатываемым нами учением. Это означает, что во взаимоотношениях с учением о специальных знаниях, используемых при раскрытии и расследовании преступлений с участием несовершеннолетних оба эти учения окажутся связанными вертикально, став для него общими, в то время как наше учение в системе теоретического знания займет свое место как их подсистема.

Наличие и разнообразие связей таких учений (теорий), в равной мере имеющих отношение и к специальным знаниям, и к расследованию преступлений с участием несовершеннолетних, позволяет построить развернутую систему теоретического знания, включаемого в структуру общей теории криминалистики. Соответственно, в нее войдут теории и учения, имеющие в своей основе не только специфику познаваемого объекта (лежащего в основе горизонтальных связей теорий), но и уровень их обобщения, связывающий теории по вертикали.

---

¹²⁷ См., например: Макаренко И.А. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов 2007 ;

¹²⁸ Эксархопуло А.А. Учение о специальных познаниях, используемых в уголовном судопроизводстве // Криминалистика. Теоретический курс. С. 190–235.

При таком построении учение об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних окажется связанным по горизонтали с несколькими учениями (теориями), каждое из которых будет иметь в качестве познаваемого объекта фрагмент расследования, отличающийся признаками, определяющими потребность в привлечении сведущих лиц для решения возникающих у участников судопроизводства специальных вопросов.

Самый верхний, общекриминалистический, уровень в системе таких теорий займут учения, объединенные потребностью в использовании специальных знаний по делам о преступлениях, выделяемых по признаку особенностей субъекта преступления, среди которых найдет свое место и разрабатываемое нами учение. Система таких горизонтально связанных теорий будет представлена, в частности: 1) учением о применении специальных знаний в расследовании преступлений, совершаемых взрослыми (например, должностными лицами); 2) учением о применении специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних, в том числе совершаемых в группе; 3) учением о применении специальных

знаний при расследовании преступлений, совершаемых лицами с психическими отклонениями, и др.

На более низком уровне можно так же горизонтально связать наше учение с иными учениями об использовании специальных знаний, выделив их по признаку особенностей расследуемых преступлений. Таковыми могут выступать, например, составы расследуемых преступлений с участием несовершеннолетних или вид следственных действий, проводимых с их участием, в ходе которых возникает потребность в специальных знаниях. Соответственно, в системе таких теорий окажутся: 1) учения о специальных знаниях, используемых при расследовании убийств, преступлений против собственности, общественного порядка и т. д., совершаемых несовершеннолетними; 2) учения о специальных знаниях, привлекаемых для производства осмотра, обыска, следственного эксперимента и других следственных действий с участием несовершеннолетних. В каждой из этих двух групп все теории и учения окажутся связанными между собой по горизонтали.

Можно сформировать и систему учений об использовании специальных знаний по делам о преступлениях, совершаемых с участием несовершеннолетних, связанных по вертикали. Например, если данное учение представить как общекриминалистическое, то частными по отношению к нему, то есть учениями меньшей степени общности, в такой системе окажутся учение об использовании по делам несовершеннолетних специальных медицинских знаний, учение об использовании криминалистических, судебно-психологических и т. д. знаний по делам несовершеннолетних.

Система учений об использовании специальных знаний по делам несовершеннолетних, построенная на основе описанных горизонтальных и вертикальных связей, будет, на наш взгляд, с максимальной полнотой отражать специфику познаваемого ими объекта (идеализированной модели действительности). В качестве такого объекта выступают отдельные аспекты следственной работы, обусловленные используемыми в этих целях

специальными познавательными средствами, такими как знания и навыки сведущих лиц, привлекаемых в интересах следствия к делам, при расследовании которых, одним из участников уголовного судопроизводства является несовершеннолетний.

ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИОННО – ТАКИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА И ЭКСПЕРТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

2.1. Специалист и эксперт как сведущие лица

Институт сведущих лиц, привлекаемых к раскрытию и расследованию преступлений, ведет свою историю с древнейших времен. Однако правовым регулированием данной сферы деятельности государство занялось гораздо позже. Так, первые нормативные акты, посвященные использованию специальных знаний в уголовном судопроизводстве России, появились только в XVII в.¹²⁹ Тем не менее, судя по имеющимся источникам, уже тогда ясно просматривались функции тех сведущих лиц, чьи знания признавались полезными для противодействия преступности. Одни из них оказывали содействие в розыске убийц и грабителей. Такие сведущие лица, известные своим умением распознавать следы, в некоторых странах даже объединялись в особые касты «следопытов»¹³⁰. Другие привлекались для получения информации о криминальном событии, например, для установления причин смерти, распознавания подлогов документов и др., посредством исследования ее потенциальных источников, которое требовало особых знаний, навыков или опытности. Со временем их стали называть экспертами.

Разнообразие выполняемых сведущими лицами функций определило и их правовой статус, впервые получивший закрепление в УУС. Впрочем, Устав не делал терминологических различий между теми, кто оказывал судебному следователю и суду содействие в их работе, и теми, кто самостоятельно, хотя и по заданию судебно-следственных органов, проводил исследования, отвечал

---

¹²⁹ Крылов И.Ф. Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в ее историческом развитии. С. 22.

¹³⁰ Гросс Г. Указ. соч. С. 623–625.

на поставленные вопросы. Все они именовались в Уставе сведущими людьми, выполнявшими тем не менее разные функции, дававшие основания различать и самих сведущих лиц.

В 1960 г., с принятием УПК РСФСР, в ряде его статей наряду с экспертом впервые был назван специалист как носитель специальных знаний. Ни процессуальный статус, ни права и обязанности специалистов УПК 1960 г. не определил. Однако было понятно, что их участие в судопроизводстве ограничивается лишь отдельными следственными действиями – следственным осмотром (ст. 179) и следственным экспериментом (ст. 183). По сути дела, функции специалиста выполнял и судебно-медицинский эксперт, привлекавшийся к осмотру трупа (ч. 1 ст. 180), и врач, участвовавший в освидетельствовании (ч. 5 ст. 181). Закон не называет их специалистами, но дает основания судить о судебно-медицинских экспертах и врачах, участвующих в соответствующих следственных действиях, именно как о сведущих лицах в статусе специалистов.

Через шесть лет, с введением в УПК РСФСР ст. 133 («Участие специалиста») и связанных с ней дополнений и изменений в другие нормы Кодекса, разделение сведущих лиц на специалистов и экспертов, казалось бы, законодательно оформилось. С этого момента функциональные обязанности специалистов стали юридически признанными их отличиями от функций экспертов и позволили разделить сведущих лиц на две группы. Первая объединила в уголовном судопроизводстве специалистов, оказывающих следователю содействие в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств, вторая включила в свой состав экспертов, производящих исследование этих доказательств.

Проблем в разделении двух групп сведущих лиц не возникло и тогда, когда ведомственными нормативными актами на специалиста была возложена обязанность выполнять так называемые предварительные исследования материальных источников информации о преступлении и его обстоятельствах. Большинство ученых понимали, что предварительные исследования,

проводимые специалистами, заметно отличаются от экспертных процессуальным значением получаемых результатов. И если заключение эксперта являлось источником доказательств по закону, то за результатами предварительных исследований можно было признать лишь ориентирующее, оперативное значение¹³¹.

Позднее вопрос о процессуальном значении предварительных исследований специалиста, на основании которых допускалось принятие не только оперативных, но и правовых решений, вновь стал предметом обсуждения. Так, П.Т. Скорченко полагал, что результаты предварительных исследований следователь вправе использовать при принятии некоторых процессуальных решений, в частности при решении вопроса о возбуждении уголовного дела¹³². Эта позиция ученого через несколько десятилетий получила поддержку законодателя. Сегодня возможность процессуального использования результатов исследований материальных объектов, проведенных специалистом до возбуждения уголовного дела, прямо предусмотрена ст. 144 УПК РФ. В ее первой части сказано, что «при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе... требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов...».

Законодательное обособление специалистов, привлекаемых к решению задач правосудия, в самостоятельную группу участников уголовного процесса было с удовлетворением встречено научной общественностью и позитивно оценено как прогрессивное нововведение, способствующее более эффективному познанию криминальных событий на основе использования

---

¹³¹ Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. проф. Т.А. Аверьяновой и Е.Р. Россинской. М., 1999. С. 334 ; Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М., 2000. С. 169.

¹³² Скорченко П.Т. Криминалистика. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений. М., 1999. С. 125.

специальных знаний¹³³. Тем не менее дискуссии о сущности специальных знаний, функциях и пределах компетенции экспертов и специалистов, а также по другим вопросам использования знаний сведущих лиц в уголовном процессе продолжались с большей или меньшей интенсивностью. Они не утихают и сегодня, возвращая ученых к давно, казалось бы, решенным проблемам. Такой интерес понятен, поскольку субъектам процессуального познания всегда важно знать, в чем состоит суть специальных знаний, востребуемых в уголовном процессе, какие из них вправе использовать специалист, а какие – эксперт, каковы пределы полномочий того и другого. Отвечать на эти вопросы приходится всякий раз, когда возникают сомнения в правомерности обращения к сведущим лицам за разъяснениями по поводу устанавливаемых обстоятельств уголовного дела, требующих специальных знаний или навыков.

Наиболее заметным и неоднозначно решаемым в плане правового статуса является вопрос о педагогах, привлекавшихся к допросу несовершеннолетних. Одни авторы считают, что педагог ближе всего к специалистам¹³⁴, другие отстаивают его процессуально самостоятельный статус¹³⁵. Позднее к вопросам о правовом статусе лиц, участвующих в допросе несовершеннолетних, добавились те же вопросы, но уже касающиеся психологов (ч. 1 ст. 191 УПК РФ)¹³⁶. Учитывая, что обе эти категории сведущих лиц введены в уголовно-процессуальное законодательство в связи со спецификой расследования преступлений несовершеннолетних, мы

---

¹³³ Крылов И.Ф. Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в ее историческом развитии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1966. С. 26–27.

¹³⁴ Иванов Л.Н. Современные проблемы исследования личности и уголовно-процессуальное регулирование участия специалиста в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2007. № 5. С. 37.

¹³⁵ Бычков А.Н. Участие педагога в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. С. 67 ; Кокурин И.П. Актуальные проблемы расследования дел о преступлениях несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 106 и др.

¹³⁶ Шувалова М.А. Участие педагога и психолога в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2019. С. 34–38.

полагаем важным рассмотреть проблему статуса педагогов и психологов в отдельном параграфе.

По мере расширения круга сведущих лиц, привлекаемых в уголовный процесс, возникали и новые вопросы, прежде всего, из-за неопределенности правового статуса этих лиц. В частности, вопрос о процессуальном статусе сотрудников учреждений, которым поручается прослушивание телефонных и иных переговоров, или врачей, выполняющих поручение следователя о проведении освидетельствования лица другого, нежели следователь, пола, а также ревизоров и аудиторов, правовое положение которых отличается и от эксперта, и от специалиста. Отдельно можно поставить и вопрос о статусе врачей, исполняющих судебные решения о применении к лицам, совершившим преступление, принудительных мер медицинского характера (гл. 51 УПК РФ). То, что ими могут быть только сведущие в медицине лица, сомнений не вызывает, но и не дает ответа на вопрос о процессуальном статусе.

За годы после включения специалиста в число участников уголовного судопроизводства и даже с принятием УПК РФ в законодательстве и на практике к ним добавились новые субъекты специальных знаний, привлекаемые к расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел, но тоже не подпадающие под признаки специалиста и эксперта. В основном это лица, сведущие в новых технологиях, в использовании интернет-ресурсов и т. д. И если к осмотру и изъятию электронных носителей информации, согласно ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ, могут привлекаться специалисты, то статус лиц, сведущих в вопросах контроля и записи телефонных и иных переговоров (ст. 186 УПК РФ) или в получении информации о соединениях между абонентами (ст. 186.1 УПК РФ), так и не определен на законодательном уровне.

Таким образом, оснований вернуться к дискуссии о разграничении статуса специалистов и экспертов в уголовном процессе, даже после вступления в силу УПК РФ, более чем достаточно. Эти дискуссии во многом являются следствием значительно увеличившегося разнообразия взглядов

ученых на сущность специальных знаний вообще и на их отличительные особенности у специалистов и экспертов в частности. О некоторых из них нами уже говорилось в предыдущей главе. Поэтому мы не будем повторяться, а ограничимся лишь общим выводом, что ответ на вопрос о сущности специальных знаний, используемых в уголовном процессе, следует искать не в особенностях профессиональной подготовки сведущих лиц, не в специфике сведений и опытности, которыми сведущие лица обладают, а в разнообразии знаний у самих «заказчиков» услуг экспертов и специалистов. То есть у тех, кого закон наделил правом обращаться к сведущим лицам за разрешением возникающих вопросов. Именно профессиональная подготовка следователей, органов дознания, суда, прокуратуры, благодаря которой они выполняют свои процессуальные функции, определяет сущность специальных знаний, привлекаемых ими для решения своих задач. И прежде всего потому, что те знания, носителями которых являются участники уголовного процесса, наделенные правом обращаться за содействием к сведущим лицам, специальными для них быть не могут.

Именно по этой причине специальными знаниями, обращение к которым в уголовном судопроизводстве признается правомерным, могут считаться только те знания, умения, навыки и опыт, которыми участники уголовного процесса, наделенные правом обращаться к сведущим лицам, сами профессионально не владеют либо владеют недостаточно. С принятием УПК РФ, в частности с наделением любой из сторон, а не только следователя и суда, правом обращаться к сведущим лицам (ст. 58 УПК РФ), по-новому встал вопрос о правомерности, провозглашенного ранее запрета. Отказ представителю какой-либо стороны в праве обратиться к специалисту в области юридической науки, по сути, означает нарушение принципа состязательности, провозглашенного ст. 15 УПК РФ. И если специальными знаниями эксперта остались при этом знания, навыки или опыт, которыми инициаторы назначения судебной экспертизы не владеют и не обязаны владеть, а это по действующему законодательству только дознаватели,

следователи и суд, то круг специальных знаний и навыков специалиста существенно расширился, поскольку расширился состав участников уголовного судопроизводства, наделенных правом обращаться к специалистам. Среди них теперь и потерпевшие, и обвиняемые, и гражданские истцы, и ответчики, то есть все те представители сторон, которые не обладают и не обязаны обладать юридическими знаниями. Естественно, что запрет на обращение к лицам, сведущим в области правовой науки, если и мог сохраняться, то только в отношении экспертов, но не специалистов. Осознание любой стороной недостаточности собственных знаний, умений или опыта для решения возникающих в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел вопросов должно поэтому восприниматься как достаточное основание для обращения к сведущим лицам. При этом круг таких специальных знаний ограничить невозможно, если не принимать во внимание профессиональной подготовки представителей сторон, обращающихся к сведущим лицам. Здесь должен действовать принцип, согласно которому специальными знаниями для любого человека являются только те, которыми он сам не владеет.

Между тем наличие определенного круга знаний, навыков или опыта у участников уголовного судопроизводства, наделенных правом обращаться к специалистам и экспертам, важно учитывать не только при решении вопроса о том, к кому из них следует обратиться в данном конкретном случае, но и при решении вопроса о том, стоит ли вообще привлекать сведущее лицо или можно обойтись собственными силами. Отсюда еще один критерий, по которому можно разграничить статус специалиста и эксперта. И состоит он в том, что знания эксперта незаменимы, к ним субъект доказывания – следователь, дознаватель, прокурор и суд – обязан обращаться независимо от того, владеют они сами такими знаниями или нет. Иное дело – специалист, которого те же участники уголовного процесса вполне могут заменить собой, при условии, однако, что они владеют нужными специальными знаниями или навыками. Например, навыками применения технико-криминалистических

средств для обнаружения, фиксации и изъятия доказательств. Ю.К. Орлов отмечает, что специалист «заменяет следователя в силу не процессуальной, а научно-технической некомпетентности последнего. Поэтому там, где следователь сам достаточно компетентен, он может обойтись без специалиста»¹³⁷.

Как уже было сказано, началом функционального разграничения специалиста и эксперта в уголовном процессе следует считать 1966 год. Именно тогда, благодаря дополнениям и изменениям, внесенным в УПК РСФСР, был сформирован полноценный институт специалистов, дополнивших круг привлекаемых в уголовное судопроизводство сведущих лиц, на которые возлагалась обязанность оказывать содействие следствию и суду при производстве отдельных процессуальных действий. Их функции закон четко отграничил от функций эксперта, наделив специалистов правом использовать свои специальные знания и навыки для обнаружения, закрепления и изъятия доказательств. Этим специалист стал отличаться от эксперта, который по назначению следователя (суда) проводил их исследование в целях выявления новых, часто скрытых признаков исследуемых объектов, по которым можно судить об обстоятельствах расследуемого события преступления.

Трудно сказать, что случилось за последующие три десятилетия, но в УПК РФ законодатель вновь вернулся к прежнему наименованию врача, участвующего в осмотре трупа. Согласно ч. 1 ст. 178 «Следователь производит осмотр трупа с участием судебно-медицинского эксперта». Значит ли это, что к участвующему в осмотре трупа врачу должны применяться правила, относящиеся к назначению эксперта, а не специалиста? В частности, необходимо или нет выносить соответствующее постановление, требовать от врача, привлекаемого к осмотру, подписку с предупреждением об

---

¹³⁷ Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. М., 1995. С. 23.

ответственности по ст. 307 УК РФ, подобно той, какую дает любой другой эксперт, предоставлять ему права, предусмотренные ст. 57, а не ст. 58 УПК РФ, и т. д.? Ответа на эти вопросы закон не дает.

Помимо указанных выше критериев разграничения специалиста и эксперта в литературе были отмечены и другие признаки, позволяющие их различать. А.М. Зинин писал: «Заключение специалиста дается без проведения специального исследования объектов и материалов, специалист знакомится с ними и, руководствуясь своими специальными знаниями, формирует суждение по вопросам, поставленным перед ним»¹³⁸.

Эта идея была воспринята Верховным Судом, который в своем постановлении от 21 декабря 2010 г. № 28 указал: «...следует иметь в виду, что специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Поэтому в случае необходимости проведения исследования должна быть произведена судебная экспертиза»¹³⁹.

Позиция Верховного Суда нашла поддержку у ученых, однако прозвучали и возражения по поводу обоснованности выдвинутого критерия разграничения в уголовном судопроизводстве функций специалиста и эксперта.

Нам представляется, что полемика вокруг термина «исследование» применительно к задачам, решаемым специалистом и экспертом, так же бесперспективна, как и обсуждение вопроса о соотношении терминов «знания» и «познания». И прежде всего из-за неопределенности самого термина «исследование», под которым понимается все, что, так или иначе, сопровождает любую познавательную деятельность человека – от простого созерцания познаваемых явлений, до их глубокого научного изучения с применением сложнейших научно-технических средств, методов и методик. В

---

¹³⁸ Зинин А.М. Указ. соч. С. 50.

¹³⁹ О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 // Российская газета. 2010. № 296.

криминалистике, например, широко распространен термин «исследование места происшествия», под которым понимается его осмотр с соблюдением специальных правил, выработанных криминалистической наукой. От этого следственный осмотр не становится объектом судебной экспертизы, а исследование материальной обстановки вряд ли можно назвать исключительной функцией эксперта, отличающей его от специалиста.

Очевидно, что высказать какие бы то ни было суждения по обстоятельствам уголовного дела, требующим специальных знаний, можно только при условии, если обладаешь некоей информацией по существу вопроса, которую неизбежно приходится не просто безучастно воспринимать, но и анализировать, а значит исследовать. На вопрос о том, что, если не «исследование» предоставленной специалисту информации, может стать для него основанием для высказывания своих компетентных суждений, ответа в постановлении Верховного Суда нет. Представляется, что предложенный им критерий разграничения функций специалиста и эксперта только еще больше запутал вопрос.

Еще определеннее законодатель высказался о проводимых специалистом исследованиях, сформулировав в ч. 1 ст. 144 УПК РФ следующее положение: «При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе... назначать судебную экспертизу... производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов... требовать производства... исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов...».

Между тем проблема неудачного выбора критерия разграничения специалиста и эксперта, по которому исследовательской функцией наделяются исключительно сведущие лица, осуществляющие судебно-экспертную деятельность, не исчерпала себя и после внесения дополнений и изменений в уголовно-процессуальный закон. Признание за специалистом права проводить исследования материальных объектов, явлений и т. д.,

означавшее совпадение этой функции у обоих сведущих лиц, скорее стимулирует возвращение к поиску новых критериев, позволяющих понять теперь уже разницу между исследованиями, проводимыми специалистом, и теми, которые проводит эксперт. Попытки разграничить исследования, проводимые специалистом и судебным экспертом, стали предприниматься, по сути дела, сразу после внесения дополнений в ст. 144 УПК РФ, давших следователю юридические основания привлекать специалистов к исследованию в том числе вещественных доказательств, назначать и проводить судебные экспертизы до возбуждения уголовного дела.

Так, Я.В. Комиссарова, отметив, что «различия в деятельности указанных субъектов судопроизводства надо искать в содержании осуществляемых ими процессуальных функций», предложила разграничить экспертов и специалистов по характеру проводимых ими исследований. Согласно авторской идее за специалистом следует сохранить право проводить лишь ограниченный круг исследований: а) при проверке научной обоснованности заключения эксперта; б) в случае необходимости уяснения вопроса из той области науки, техники, искусства или ремесла, по которой реализация программ высшего профессионального образования в России не предусмотрена; в) в ситуации востребованности знаний из сферы, которая ранее производством экспертиз охвачена не была¹⁴⁰. Предложенный Я.В. Комиссаровой подход к разграничению исследовательских функций специалиста и эксперта, несомненно, заслуживает внимания, однако есть в рассуждениях автора и, на наш взгляд, существенные недостатки. Так, заявив о необходимости искать различия специалиста и эксперта в особенностях их исследовательских функций, Я.В. Комиссарова в предложенном ею перечне называет те направления деятельности специалиста, которые исследованиями можно назвать лишь условно.

---

¹⁴⁰ Комиссарова Я.В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. М., С. 310.

И.И. Трапезникова в своем диссертационном исследовании отмечает следующие различия в проводимых исследованиях эксперта и специалиста. Эксперт при производстве судебной экспертизы использует в качестве основы свои отраслевые, а также иные знания, что проявляется в форме: 1) поиска, восприятия, запоминания и переработки информации; 2) анализа полученного знания, обобщения материала, построения выводов; 3) активного целенаправленного воздействия на материальный мир. А специалист в своей деятельности зачастую использует только или познавательные-теоретические, или практические умения¹⁴¹. На наш взгляд, такой подход снижает позицию специалиста в уголовном процессе, поскольку вызывает большие сомнения в эффективности применения таких знаний.

Сказанное выше о проблемах разграничения специалиста и эксперта, в том числе о невозможности отличить их по выполняемым исследовательским функциям, дает больше оснований настаивать на легализации обеих форм использования специальных знаний как правовых форм «состязательной экспертизы» в уголовно-процессуальном законе, о необходимости которой ученые говорили более ста лет назад. И если экспертное заключение есть итог работы судебного эксперта, назначенного органом расследования или судом, то заключение специалиста, будучи приравнено по статусу к заключению эксперта, станет результатом исследований, проведенных альтернативно для решения вопросов, поставленных перед ним любой из сторон уголовного судопроизводства – той, которая испытывает потребность в применении специальных знаний, но сама такими знаниями или навыками не обладает. В том числе для оценки судебной экспертизы, проведенной по назначению следователя (суда), с выводами которой она не согласна.

Такое решение проблемы соотношения статусов специалиста и эксперта, дающих заключения равной юридической силы, позволяет

---

¹⁴¹ Трапезникова И.И. Специальные знания в уголовном процессе России (понятие, признаки, структура) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 13.

сформулировать еще одно, на наш взгляд, вполне обоснованное предложение – о необходимости регламентации статуса единой фигуры участника уголовного судопроизводства, известного в истории как сведущее лицо. Потребуется, разумеется, определить на законодательном уровне его правовое положение, которое будет объединять всех обладателей специальных знаний, навыков, умений и опыта, привлекаемых в уголовном судопроизводстве. В случае реализации этой идеи исчезнет необходимость решать проблемы, связанные с разграничением специалиста, эксперта, переводчика, педагога и т. д. по признакам разнообразия их функций, а тем более по особенностям, характеризующим круг специальных знаний, которыми каждый из них должен обладать. Соответственно, потребуется внести изменения и дополнения в УПК РФ, а именно дополнить «сведущими лицами» используемые в Кодексе термины (ст. 6) и перечень иных участников судопроизводства, определив их правовой статус в отдельной статье (например, дополнив гл. 8 УПК статьей 57.1): «Сведущие лица – это участники уголовного судопроизводства, обладающие специальными знаниями, навыками или опытом в той или иной области профессиональной деятельности, привлекаемые сторонами для обнаружения, закрепления, изъятия, исследования и оценки доказательств, а также для решения иных специальных задач на условиях и в порядке, предусмотренных настоящим Кодексом. Сведущие лица привлекаются для оказания содействия в доказывании по уголовному делу в качестве специалистов или экспертов либо в качестве иных сведущих лиц, выполняющих вспомогательные функции (переводчики, педагоги, лица, сведущие в цифровых технологиях, и др.).

В процессе осуществления органами дознания, следствия, прокуратуры или суда возложенных на них законом функций по собиранию, исследованию или оценке доказательств сведущие лица могут быть привлечены в качестве судебных экспертов, а остальными участниками уголовного судопроизводства, представляющими стороны, – в качестве специалистов для решения задач правосудия или иных способствующих их решению задач».

Соответственно, потребуется внести изменения и дополнения в те статьи УПК РФ, которыми сегодня регламентируется деятельность специалистов и экспертов. В частности, тексты ст. 57 и 58 нужно будет начинать словами: «Эксперт (специалист) – это сведущее лицо, привлеченное для участия в следственных действиях, для производства специальных исследований и дачи заключения...». Обладая одинаковыми функциями, специалисты и эксперты будут различаться только правовым положением участников уголовного судопроизводства, которых закон наделит правом обращаться к сведущим лицам за решением возникающих специальных вопросов. Интересную позицию по этому поводу высказала в своем диссертационном исследовании А.Е. Галинская. Она предложила выработать научные рекомендации для сторон и их представителей по использованию в судопроизводстве специальных знаний, при этом дополнить ст. 86 УПК РФ новым положением, которым защитнику предоставляется право привлекать специалиста для получения разъяснения по вопросам, требующим специальных знаний, в форме заключения специалиста, в обязательном порядке приобщаемого к материалам уголовного дела¹⁴².

Подпадая под общее определение сведущих лиц, сохраняют свой самостоятельный статус и те участники процесса, кто сегодня выполняет вспомогательные функции: переводчики, педагоги, психологи, специалисты по аудиозаписи телефонных и иных переговоров, иные сведущие лица, чья «техническая» (в широком смысле слова) помощь необходима, а иногда и незаменимой при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел. Однако в статьях, регламентирующих деятельность таких «помощников», потребуется особо оговорить их статус, указав на те дополнения или изъятия, которые отличают этих сведущих лиц от специалистов и экспертов, привлекаемых в общем порядке. Например, свободное владение языком для

---

¹⁴² Галинская А.Е. Использование специальных знаний в судопроизводстве сторонами и их представителями : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 85.

переводчика (ч. 1 ст. 59 УПК РФ), знание педагогики или детской психологии для сведущих лиц, привлекаемых к допросу несовершеннолетних (ст. 191 УПК РФ), осведомленность в вопросах технического контроля и записи переговоров (п. 5 ч. 3 ст. 186 УПК РФ) и др.

2.2. Требования, предъявляемые к сведущим лицам, привлекаемым к расследованию преступлений с участием несовершеннолетних

Ответ на вопрос, какими качествами должны обладать сведущие лица, привлекаемые к расследованию преступлений с участием несовершеннолетних, необходимо знать всем, кого закон уполномочивает обращаться к специальным знаниям для решения возникающих в процессе расследования и разрешения уголовного дела проблем. Подтверждение качеств, характеризующих сведущих лиц, дает основание не только решать вопрос о правомерности их привлечения к производству процессуальных и иных действий, но и позволяет рассчитывать на выполнение сведущими лицами своих функций с максимальной эффективностью. И поэтому, прежде чем давать сведущему лицу задание, стороны или суд обязаны проверить, отвечает ли конкретный специалист (в широком смысле слова) определенным требованиям, обладает ли он качествами, необходимыми для выполнения определенной работы или решения вопросов, на которые ему предстоит ответить.

Обладать необходимыми качествами — значит соответствовать требованиям, которые являются обязательной предпосылкой получения от сведущего лица достоверных сведений. В противном случае, доверяя ответственную работу человеку, не способному выполнить возложенные на него обязанности или выполняющему их вопреки ожиданиям, следователь (судья) рискует получить искаженную информацию об обстоятельствах познаваемого события или вовсе утратить собранные доказательства.

Четкое понимание, каким требованиям (качествам) должны отвечать сведущие лица, создает необходимые условия не только для эффективного использования в уголовном процессе специальных знаний, но и для реализации сторонами своего права заявлять отводы тем, кто такими требованиям не соответствует.

Уголовно-процессуальный закон предъявляет три основных требования к сведущим лицам, привлекаемым для выполнения заданий и решения специальных вопросов, возникающих у субъектов процессуального доказывания и сторон. Это компетентность, независимость и личная незаинтересованность в исходе дела.

Требование компетентности закреплено в УПК РФ как обязанность специалиста и эксперта обладать специальными знаниями или навыками (ч. 1 ст. 57 и ст. 58). Это требование для отдельных категорий сведущих лиц закон конкретизирует, руководствуясь спецификой выполняемых ими функций. Например, переводчик считается компетентным, если «владеет языком, знание которого необходимо для перевода» (ч. 1 ст. 59).

Однако ученые придерживаются разных позиций относительно компетентности сведущих лиц. Остановимся на некоторых из них.

Е.Р. Россинская под компетенциями судебных экспертов понимает: «во-первых... круг полномочий, прав и обязанности эксперта, которые определены законодательством. Во-вторых... комплекс знаний в области теории, методики и практики судебной экспертизы определенного рода, вида. Различают объективную компетенцию, т. е. объем знаний, которыми должен владеть эксперт, и субъективную компетенцию (компетентность) – степень, в которой конкретный эксперт владеет этими знаниями»¹⁴³.

По мнению Т.Г. Шапиро, «компетентность эксперта – это наличие у него специальных знаний, полученных в рамках высшего профессионального

---

¹⁴³ Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) / под ред. Е.Р. Россинской, Е.И. Галяшиной. М. : Проспект, 2017. С. 43.

образования, последующей подготовки по конкретным экспертным специальностям, а также реального опыта решения сложных экспертных задач, необходимых для использования в процессе производства соответствующего исследования»¹⁴⁴.

Системно в своем диссертационном исследовании О.Г. Дьяконова представила, что включает в себя компетентность сведущего лица: «1) знания в одной или нескольких областях специальных знаний; 2) знания в области судебной экспертологии, включая концептуальные основы судебной экспертологии, правовое и организационное обеспечение применения и использования специальных знаний в юрисдикционной деятельности, а также судебно-экспертные технологии; 3) знания в области цифровых технологий, в число которых входит не только владение компьютерно-техническими средствами и программным обеспечением, но и прежде всего знания об изменяющейся природе объектов под влиянием цифровизации и о новых методах их исследования»¹⁴⁵.

Е.А. Мацун утверждает, что «уровень компетентности специалиста в уголовно-процессуальном смысле – это наличие специальных познаний (знаний, навыков и умений), приобретенных в ходе целенаправленного освоения теоретических и практических основ любой сферы деятельности, необходимых и достаточных для выполнения отдельных действий при оказании содействия в процессе собирания, изъятия и оценки сведений о фактах»¹⁴⁶.

Мы видим, что ученые по разному подходят к требованиям к компетенции сведущих лиц. При этом разделяются требования к специалисту

---

¹⁴⁴ Шапиро Л.Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2008. С. 246.

¹⁴⁵ Дьяконова О.Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств – членов ЕАЭС: теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 18.

¹⁴⁶ Мацун Е.А. Процессуальное положение специалиста в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 14.

и эксперту. К эксперту в первую очередь предъявляется требование иметь высшее образование в области экспертологии, а специалисту достаточно освоения теоретических основ в той или иной области исследования.

Однако практика показала, что представления документов о полученном образовании и профессиональной подготовке, о занимаемой должности и пр. может оказаться недостаточно для подтверждения компетентности сведущих лиц. Согласно результатам опроса судей 45 % при определении компетенции сведущего лица ориентировались на документ о высшем образовании и профессиональной подготовке. Если ограничиваться лишь документальной проверкой, то негативные последствия принятия решения об участии отдельных сведущих лиц, реально не отличающихся компетентностью, в производстве по уголовному делу могут стать неизбежными.

Рекомендуя проверять компетентность сведущих лиц только по документам об образовании или профессиональной подготовке, и законодатель, и представители науки не принимали во внимание то обстоятельство, что документально можно подтвердить только так называемую «объективную компетенцию» сведущего лица, то есть тот «объем знаний, которыми должен владеть эксперт»¹⁴⁷. Для следователя и суда, принимающих решение о привлечении, например, экспертов к производству по уголовному делу, не менее важна «степень владения конкретным экспертом этими знаниями»¹⁴⁸. Необходимо быть уверенным в способности эксперта на высоком профессиональном уровне решать вопросы об обстоятельствах познаваемого события, возникающие у следователя, дознавателя, суда в рамках производства по конкретному уголовному делу, и предлагать ответы, достоверность которых не вызовет сомнений. Такие качества сведущих лиц не появляются с вручением документов, подтверждающих их квалификацию или уровень теоретической подготовки в образовательном учреждении, а

---

¹⁴⁷ Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М. : БЕК, 1997. С. 264.

¹⁴⁸ Там же.

формируются по мере приобретения практического опыта, прежде всего опыта решения задач, аналогичных тем, которые ему предстоит решать в ходе производства по конкретному уголовному делу.

Чтобы проверить наличие таких знаний и опыта у сведущего лица, привлекаемого к участию в следственном действии или к производству судебной экспертизы, необходимо обратиться к иным источникам информации, к которым, на наш взгляд, уместно отнести издаваемые экспертными учреждениями и сообществами судебных экспертов сборники научных статей и практических материалов, отражающие передовой опыт проведения судебно-экспертных исследований по разным их направлениям, новейшие разработки методов и методик судебных экспертиз, практику наиболее опытных отечественных специалистов и т. д. Издание материалов, предназначенных не только для экспертов разных специальностей, но и для следователей и судей, имеет давнюю традицию и историю¹⁴⁹. Даже простое ознакомление с этими материалами позволит ориентироваться в вопросе о том, какими знаниями должен владеть современный специалист или эксперт, которому предстоит выполнять соответствующее задание следователя или суда. И поэтому только тех, кто знаком с последними исследованиями в области судебной экспертизы, знает о новейших разработках методов и более совершенных судебно-экспертных методиках, не говоря уже о применении таких методов и методик в собственной практике, можно назвать компетентными сведущими лицами. Однако результаты опроса сотрудников органов предварительного следствия и дознания показали, что только 16 % респондентов знакомы последними изданиями и разработками науки судебной экспертологии.

---

¹⁴⁹ См. например Журнал «Теория и практика Судебной Экспертизы»; сборник ежегодной международной конференции «Актуальные проблемы использования специальных знаний в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях».

Мы полагаем, что именно этими соображениями руководствовался Верховный Суд РФ, обязавший судей при решении вопроса о компетентности судебных экспертов запрашивать не только заверенные копии документов, подтверждающих образование, специальность, стаж работы в качестве судебного эксперта, но «и иные данные» (п. 3 ч. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21 декабря 2010 г. № 28). Правда, Пленум не указал, что следует понимать под «иными данными».

При расследовании и рассмотрении некоторых категорий уголовных дел выяснение соответствия сведущих лиц определенным требованиям приобретает важное, а иногда и решающее значение. Среди них своей особой значимостью выделяются дела о преступлениях, совершаемых с участием несовершеннолетних. По таким делам чаще, чем по каким-либо иным, возникают проблемы процессуального и криминалистического характера, обусловленные особенностями личности несовершеннолетнего. Их особая значимость определяется не только спецификой возникающих перед органами дознания, следствия и суда специальных вопросов, касающихся личности несовершеннолетних, но и необходимостью выработки особых требований, предъявляемых к самим сведущим лицам. Поэтому, решая вопрос об их привлечении к расследованию и судебному рассмотрению таких дел, следует убедиться не только в их соответствии известным общим требованиям и качествам, установленным законом, но и в необходимости отвечать ряду специфических, факультативных требований, обусловленных спецификой расследования преступлений с участием несовершеннолетних. Одно из них – узкая специализация психологов, участвующих в допросе несовершеннолетних, то есть знание как минимум основ детской и юношеской психологии, нейропсихологии, что позволит определить когнитивные способности подростка, степень достоверности и полноты показаний.

На вопрос, какими компетенциями должны обладать педагог и психолог, привлекаемые к расследованию преступлений с участием

несовершеннолетних, следователи ответили следующим образом: 1) компетентностью в собственной специальной области знания 98 %; 2) знаниями основ уголовного и уголовно-процессуального права 64 %; 3) знаниями юридической психологии и основами ювенальной юстиции 42 %.

Этим круг дополнительных требований к сведущим лицам, соответствие которым является необходимым условием их привлечения к расследованию и судебному разбирательству дел о преступлениях с участием несовершеннолетних, не ограничивается. Мы считаем, что в дополнение к требованию компетентности в собственной специальной области знания (детская психология, педагогика и т. д.) таким сведущим лицам полезно иметь еще и базовую юридическую подготовку. Юридические знания сведущих лиц, привлекаемых к производству по делам с участием несовершеннолетних, на наш взгляд, должны включать знание: а) основ уголовного материального права, в особенности уголовно-правовых оснований привлечения несовершеннолетних к ответственности; б) основ процессуального права, прежде всего особенностей производства по делам с участием несовершеннолетних; в) основ криминалистики, и прежде всего положений криминалистических учений о личности несовершеннолетнего преступника, свидетеля, потерпевшего, о специальных знаниях, используемых в уголовном процессе, а также базовой методики расследования преступлений с участием несовершеннолетних; г) юридической психологии, основ ювенальной юстиции.

Характер и степень категоричности дополнительных требований к сведущим лицам во многом зависят от того, планируется использование специальных знаний в отношении самих несовершеннолетних либо решение вопросов специального характера экспертом, специалистом или иным сведущим лицом напрямую не связано с личностью несовершеннолетнего, поскольку не предполагает его участие в проводимых сведущими лицами мероприятиях.

Здесь от сведущих лиц могут потребоваться не просто знания, к примеру, криминалистической техники, разрабатывающей средства и методы работы со следами, но и знания закономерностей изменения материальной обстановки места преступления, характерных для действий именно несовершеннолетних. Соответственно, и проверка компетентности таких сведущих лиц должна быть направлена не только на выяснение их осведомленности в вопросах, требующих базовых криминалистических знаний, но и свидетельствующих об уровне их профессиональной подготовки, раскрывающей дополнительную компетенцию, обусловленную личностью несовершеннолетних. Так, специалист в области трасологии, участвующий в осмотре места происшествия, должен знать не только особенности следообразования вообще, но и закономерности возникновения следов, оставляемых несовершеннолетними, современные возможности предварительного исследования обнаруженных на месте следов рук, ног, зубов, позволяющих высказать обоснованные предположения о половой принадлежности или о возрасте оставившего их лица. Специалисту-почерковеду, привлеченному к осмотру обнаруженных при производстве того или иного следственного действия документов, полезно знать признаки подросткового рукописного письма или признаки письменной речи, характерные для несовершеннолетних. Дополнительными знаниями, обусловленными личностью несовершеннолетних, должны обладать и другие сведущие лица, привлекаемые к участию в следственных действиях или к производству судебных экспертиз. Их компетентность также нуждается в проверке. Не в последнюю очередь должны проверяться, и это относится ко всем без исключения сведущим лицам, привлекаемым к производству по делам, в которых принимали участие несовершеннолетние, их правовые знания в области ювенальной юстиции.

Так, не всякому врачу или криминалисту следует доверять получение у несовершеннолетних обвиняемых или подозреваемых сравнительных образцов. Здесь нужны не только профессионализм, особенно когда речь идет

о сборе биологических образцов (крови, спермы и т. п.), но и качества, позволяющие с максимальной осторожностью и деликатностью преодолевать возможное сопротивление подростка, например, выраженное в форме отказа дать соответствующие образцы. Чтобы разрешить эту проблему, необходимо не только выяснить причины такого отказа, которые нередко связаны с влиянием на несовершеннолетнего взрослых, вовлекших его в преступную деятельность, но и изменить негативную установку подростка, что легче сделать человеку, имеющему соответствующую подготовку.

При расследовании преступлений, предусмотренных ст. 242.1 УК РФ («Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическим изображением несовершеннолетних»), у 58 % опрошенных следователей возникали сложности при выборе экспертов необходимых специальностей. Анализ уголовных дел показал, что при установлении порнографического характера материалов с изображением несовершеннолетних назначаются искусствоведческие, культурологические, комплексные компьютерно-психолого-искусствоведческие, сексологические и иные исследования. Причем в случае исследования кино- и видеоматериалов в качестве эксперта-искусствоведа целесообразно привлечение специалиста в области кино- и видеоискусства; при исследовании картин, рисунков и иных графических изображений – специалиста в области живописи и изобразительного искусства. При этом каждый из экспертов призван решать вопросы, соответствующие его компетенции. Проведение подобных исследований нередко поручается специалистам, область профессиональных знаний которых далека от необходимых в данной ситуации, – гинекологам, фотографам, преподавателям, философам и др. На «разрешение экспертов по отдельным видам перечисленных экспертиз нередко ставятся вопросы, выходящие за пределы их профессиональной компетенции и сферы специальных знаний, либо к их проведению привлекаются лица, не

обладающие специальными знаниями в требуемой сфере»¹⁵⁰. В итоге выводы таких экспертов являются не результатом применения ими специальных знаний в пределах необходимой компетенции, как того требует закон, а субъективной оценкой, основанной на личных взглядах, мнениях, уровне культуры¹⁵¹. Так, «экспертом-искусствоведом подлежат решению вопросы о наличии или отсутствии художественной ценности материалов, сюжета, концепции и художественных принципов, а также о наличии или отсутствии основных признаков порнографии»¹⁵². В свою очередь, «экспертом-психологом должны решаться вопросы о характере и степени психологического воздействия на потенциального «потребителя».

Так, к примеру, при расследовании преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ, распространение материалов с порнографическим изображением несовершеннолетних с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей, была назначена и проведена психолого-искусствоведческая экспертиза. Перед экспертами были поставлены следующие вопросы: 1) какого содержания материалы на представленном видеоизображении; 2) являются ли материалы, находящиеся на представленном видеоизображении, продукцией порнографического характера; 3) имеются ли на представленном носителе материалы порнографического характера с участием несовершеннолетних лиц, не достигших 14-летнего возраста, либо лиц, достигших 14-летнего, но не достигших 18-летнего возраста; 4) имеют ли представленные на исследование материалы историческую, художественную или культурную ценность,

---

¹⁵⁰ Бадоян С.М. Методика расследования изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2023. С. 147.

¹⁵¹ Иванова А.А., Холопова Е.Н. Актуальные проблемы назначения и проведения комплексной психолого-искусствоведческой экспертизы порнографической продукции // Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики : материалы 2-й международной научно-практической конференции. М., 2012. С. 153.

¹⁵² Баранова М.В., Колоколов Н.А. Уголовная ответственность за рекламирование порнографических материалов или предметов: состояние, проблемы, эффективность применения // Реклама и право. 2005. № 1. С. 34.

предназначены ли они для использования в научных или медицинских целях либо в образовательной деятельности; 5) являются ли представленные на исследование материалы провоцирующими психическое состояние, вредное для здоровья человека, в том числе несовершеннолетнего. При этом из заключения экспертов следует, что с применением методики антропоскопии был установлен 14-летний возраст подэкспертного, что подтверждается параметрами физического развития лиц женского пола, изображенных в графических файлах. При этом проводилась психолого-искусствоведческая экспертиза¹⁵³.

Таким образом, требования к сведущим лицам, определяющие общую допустимость их участия в расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел о преступлениях с участием несовершеннолетних, и специальные (дополнительные) требования, предъявляемые к отдельным категориям сведущих лиц, должны формулироваться с учетом как минимум трех факторов: специфики расследования данного вида преступлений, особенностей личности несовершеннолетнего, в зависимости от выполняемых сведущими лицами функций и процессуальной сферы применения специальных знаний – в рамках запланированных процессуальных действий, проводимых следователем (судом), или в рамках назначенной судебной экспертизы. Следователю, дознавателю и суду, принимающему решение о привлечении сведущих лиц, необходимо самим быть осведомленными о достижениях судебной экспертизы. Тем более что они лучше любого эксперта знают обстоятельства расследуемого события, которые могут потребовать от конкретного сведущего лица дополнительной компетенции, а значит и обладания дополнительными качествами и знаниями, обусловленными этими обстоятельствами, и, соответственно, повлиять на выбор эксперта с учетом возникающих дополнительных к ним требований.

---

¹⁵³ Уголовное дело № 1 – 102/2021// Архив Кировского районного суда Республики Башкортостан.

Только знакомые с достижениями судебно-экспертной науки и практики следователи и судьи могут проверить и уровень компетентности назначаемого ими специалиста или эксперта, оценить их осведомленность в возможных решениях возникших вопросов, удостовериться во владении ими соответствующими методиками, применение которых позволяет на эти конкретные вопросы ответить.

Трудности в проведении проверки компетентности сведущего лица могут возникнуть не только в связи с необходимостью искать нужную информацию, но и с ее оценкой, по результатам которой устанавливается субъективная его компетенция, достаточная для решения стоящей перед ним задачи. Особенно сложно давать такую оценку сведущим лицам, практикующим использование новых научно-технических методов, методик или технических средств, которые еще не получили широкого распространения в практике.

Между тем оценка компетентности сведущих лиц – как субъективной, так и объективной – может вызвать трудности не только в силу эксклюзивности используемых ими методов и методик, но и, как мы уже говорили, в силу ограниченности знаний самих субъектов обращения к сведущим лицам. Чтобы оценить компетентность того или иного сведущего лица, нужно самому быть осведомленным в специальных вопросах. Поэтому, осуществляя проверку, следователям и судьям чаще приходится полагаться на авторитет тех, кто способен оценить профессиональные качества сведущего лица, прежде всего его коллег по работе. Опрос судей и следователей показал, что компетентность эксперта (специалиста) они оценивали исходя из: 1) наличия диплома – в 78 %; 2) наличия практического опыта – 36 %; 3) полагались на опыт авторитетных коллег, которые ранее обращались к сведущим лицам, – 48 %.

Однако, доверяясь мнению коллег, трудно подобрать критерии, по которым можно было бы оценить объективно компетентность сведущих лиц. Особенно важно иметь это в виду, привлекая их к решению специфических вопросов, возникающих при расследовании преступлений с участием

несовершеннолетних. Любые оценки коллег по профессии здесь окажутся субъективными.

Впрочем, и такой возможностью получить информацию о компетентности сведущих лиц следователи и судьи часто пренебрегают, полагая достаточным ознакомиться с документами, подтверждающими получение сведущим лицом профессионального образования.

Здесь требуется особый подход, поскольку производство по делам о преступлениях с участием несовершеннолетних отличается не только разнообразием специальных знаний, требуемых для установления обстоятельств криминального события, но и уровнем компетентности участников судопроизводства, на которых лежит обязанность расследования и разрешения таких дел. Помимо своей профессиональной юридической компетентности субъекты процессуального познания должны обладать совокупностью знаний, без которых невозможна эффективная работа с подростками, в частности знаниями педагогики и основ детской психологии. Это тот случай, когда состав обладателей таких специальных знаний выходит за рамки процессуальной категории специалистов, привлекаемых к проведению следственных действий с участием несовершеннолетних. Важно, чтобы определенным объемом таких знаний обладали также дознаватели, следователи, прокуроры и судьи. В некоторых странах уже давно создано особое направление, получившее название ювенальной юстиции, разрабатывающей меры борьбы, в том числе профилактики, с преступностью несовершеннолетних, осуществляемой специализированными органами, имеющими соответствующую подготовку и полномочия.

Проблеме специальной подготовки следователей и судей, расследующих и рассматривающих дела о преступлениях с участием несовершеннолетних, много внимания уделяется и в отечественной юридической науке. Один из ведущих специалистов в области расследования таких преступлений, профессор Л.Л. Каневский, указывал, что следователю необходимо иметь базовые знания в области детской психологии и

педагогики. Только обладая такими знаниями, следователь, производящий расследование преступлений с участием несовершеннолетних, может не только проводить диагностику «психического и эмоционального состояния подростка», проникать в его внутренний мир и, соответственно, «лучше познать личность несовершеннолетнего», но и оказывать на него положительное эмоциональное влияние¹⁵⁴.

Между тем уровень подготовки следователей в области подростковой педагогики и психологии оставляет желать лучшего, о чем тоже справедливо говорил Л.Л. Каневский¹⁵⁵ и другие авторы¹⁵⁶.

Оптимальным решением данной проблемы было бы, на наш взгляд, создание специализированных групп следователей, органов дознания, полиции и судей, имеющих соответствующую базовую подготовку. Они могли бы заниматься решением всего комплекса вопросов – от принятия мер по предупреждению детской и подростковой преступности до раскрытия, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о преступлениях с участием несовершеннолетних.

Учеными вносились и вполне обоснованные предложения закрепить специализацию органов дознания, предварительного следствия и судебных органов в законодательстве на общероссийском уровне с «определением мероприятий, связанных с обеспечением правоприменительной деятельности, касающейся применения ювенальных технологий...»¹⁵⁷.

Между тем знания способностей специалиста недостаточно для принятия обоснованного решения о его направлении для участия в

¹⁵⁴ Каневский Л.Л. Психологические основы деятельности следователя по делам несовершеннолетних // Л.Л. Каневский. Избранные труды. Уфа, 2019. С. 90–91.

¹⁵⁵ Каневский Л.Л. Пути совершенствования профессиональной и нравственной подготовки следователей по делам несовершеннолетних // Л.Л. Каневский. Избранные труды. Уфа, 2019. С. 54.

¹⁵⁶ Цветков В.Л. Психология деятельности сотрудников органов внутренних дел по профилактике и преодолению асоциального поведения малолетних : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2005. С. 17–68;

¹⁵⁷ Шувалова М.А. Участие педагога и психолога в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2019. С. 28.

проводимых следователем процессуальных действиях. Чтобы не ошибиться с оценкой компетентности своего сотрудника, руководитель следственно-экспертного учреждения (далее – СЭУ) должен ясно понимать, какие конкретно задачи ему предстоит решать или какую работу придется выполнять по заданию следователя. Все такого рода вопросы целесообразно заранее выяснить у следователя, направившего в адрес СЭУ соответствующий запрос.

Что касается самого следователя, то закон обязывает его не проверять, а лишь удостовериться в компетентности специалиста, независимо от того, направлен он в его распоряжение СЭУ или призывается непосредственно следователем для участия в организуемом им следственном действии. О такой обязанности следователя говорится в ч. 2 ст. 168 УПК РФ: «Перед началом следственного действия, в котором участвует специалист, следователь удостоверяется в его компетентности». Что для этого следователь должен сделать, закон не определяет. Ясно лишь, что возможности следователя весьма ограничены, поскольку удостовериться в компетентности специалиста посредством проведения проверки «перед началом следственного действия» даже времени может оказаться недостаточно. И если в оценке компетентности сотрудника СЭУ следователь может полагаться на авторитет его руководителя, направившего специалиста для участия в следственном действии, то возможностей самому проверить компетентность иных специалистов у следователя уже не остается. Если, конечно, специалист не известен следователю по прежней совместной работе или из других надежных источников. Поэтому приходится ограничиваться проверкой документов, подтверждающих квалификацию сведущего лица, опыт работы по специальности и т. п.

Имея разные возможности для проверки компетентности сведущих лиц, привлекаемых к производству по уголовному делу, и руководители СЭУ, и следователь в равной мере обязаны контролировать качество их работы. Следователь осуществляет такой контроль, являясь по закону (п. 2, 3 ч. 2 ст.

38 УПК РФ) руководителем и главным действующим лицом, осуществляющим предварительное расследование, в том числе проведение следственных действий, организованных им с участием специалиста, в то время как руководитель СЭУ контролирует работу сведущего лица в силу обязанности, прямо возложенной на него п. 59.4 упомянутого выше «Наставления», где сказано, что «руководитель ЭКП обязан... осуществлять контроль за полнотой и качеством оказанного специалистом содействия»¹⁵⁸.

Трудно говорить об эффективности контроля за качеством работы специалиста, поскольку руководитель СЭУ, в отличие от следователя, участия в следственных действиях не принимает. Насколько эффективным может быть контроль за работой специалиста со стороны следователя или руководителя СЭУ, можно судить еще и по тому, что ни закон, ни ведомственные нормативные акты не устанавливают ответственности ни того, ни другого должностного лица за ошибки в выборе специалиста и за негативные последствия выполнения им своих обязанностей. Поэтому утверждения некоторых авторов, что такую «ответственность за компетентность специалиста, выделяемого для участия в следственном действии» все же несут руководители экспертно-криминалистических подразделений, остаются пока голословными.

В отличие от специалиста, хотя компетентность экспертов проверяется теми же должностными лицами, их полномочия по проведению самой проверки зависят не от процессуального статуса эксперта или проверяющего его должностного лица, а от статуса учреждения, в котором планируется производство экспертизы. В государственных СЭУ субъектами, уполномоченными проверить и подтвердить компетентность своего эксперта, являются их руководители. Именно они «...по получении постановления или определения о назначении судебной экспертизы обязаны поручить ее

---

¹⁵⁸ Приказ МВД России от 11.01.2009 № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

производство конкретному эксперту или комиссии экспертов данного учреждения, которые обладают специальными знаниями в объеме, требуемом для ответов на поставленные вопросы» (ст. 14 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» (далее – «О ГСЭД»)).

Если принимается решение о привлечении судебного эксперта из негосударственного СЭУ, компетентность его проверяет тот, кто назначил экспертизу. Разъяснения на этот счет дал Верховный Суд РФ в постановлении от 21 декабря 2010 г. № 28: «При поручении производства экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом, суду следует предварительно запросить сведения, касающиеся возможности производства данной экспертизы, а также сведения об эксперте, в том числе его фамилию, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы в качестве судебного эксперта и иные данные, свидетельствующие о его компетентности и надлежащей квалификации, о чем указать в определении (постановлении) о назначении экспертизы, и при необходимости приобщить к материалам уголовного дела заверенные копии документов, подтверждающих указанные сведения» (п. 3). Эти правила распространяются и на следователя, который, назначая судебную экспертизу вне экспертного учреждения, обязан руководствоваться требованием, сформулированным в ч. 2 ст. 195 УПК РФ: «Судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями», иначе говоря, компетентностью в решении специальных вопросов.

Готовы ли следователи, дознаватели и судьи квалифицированно оценивать компетентность экспертов, назначаемых ими для производства судебной экспертизы, – вопрос, на который нет однозначного ответа. Проверка компетентности и специалистов, и экспертов – на самом деле не такая простая процедура, как может показаться на первый взгляд, особенно если ограничиваться при ее проведении исключительно нормативными правилами или рекомендациями некоторых ученых. Неслучайно, надо

полагать, вопросам компетентности экспертов было уделено так много внимания в проекте федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в РФ» № 306504-6¹⁵⁹. В частности, правилам выдачи сертификата о компетентности эксперта посвящены минимум шесть его норм – п. 8–10 ст. 2, ст. 16–18.

Действующий же закон рекомендует проверять компетентность сведущих лиц исключительно по узкому кругу документов. Так Федеральный закон «О ГСЭД», установив в ст. 13 профессиональные и квалификационные требования к судебному эксперту, посчитал достаточным подтверждать соответствие им, то есть компетентность, документами о высшем профессиональном образовании и последующей подготовке судебного эксперта по конкретной экспертной специальности. В порядке исключения закон допустил наличие у эксперта среднего специального экспертного образования, правда, лишь для экспертов экспертных подразделений федерального органа исполнительной власти в области внутренних дел (ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О ГСЭД»).

Вторым условием правомерности обращения к сведущим лицам закон называет их независимость (п. 2 ч. 2 ст. 70, ч. 2 ст. 71 УПК РФ). Это качество возведено в ранг принципа государственной судебно-экспертной деятельности. В ст. 7 «О ГСЭД» принцип независимости эксперта сформулирован так: «При производстве судебной экспертизы эксперт независим, он не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела».

Требование независимости сведущих лиц непосредственно связано с третьим требованием (условием их участия в расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел) – незаинтересованности сведущего лица в деле

---

¹⁵⁹ Этот Проект закона был принят Государственной Думой в первом чтении еще в ноябре 2013 г., но так и не вступил в силу.

(ч. 2 ст. 61, п. 1 ч. 2 ст. 70 и ч. 2 ст. 71 УПК РФ). Важно подчеркнуть, что, формулируя данное требование к сведущим лицам, и законодатель, и ученые, поддержавшие необходимость его закрепления в законе, имели в виду именно их личную незаинтересованность. Это требование, далеко не всегда адекватно понимаемое не только отдельными учеными, но и законодателем, было весьма неудачно реализовано, в частности УПК РСФСР, запретившим начиная с 1966 г. совмещение в одном лице специалистов и экспертов.

Требования независимости и незаинтересованности сведущих лиц сыграли особую, можно даже сказать историческую, роль в формировании института специальных знаний. Так, именно соображениями неизбежно возникающей зависимости экспертов от правоохранительных органов руководствовался выдающийся русский ученый Е.Ф. Буринский, отказавшись возглавить государственную судебно-фотографическую лабораторию, созданную в 1892 г. по инициативе прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты и отнесенную к ведению прокуроров¹⁶⁰. Дискуссии о потенциальной зависимости экспертов, работающих в ведомственных СЭУ, от руководителей правоохранительных органов продолжаются и сегодня.

Исторически необходимость введения определенных ограничений для допуска сведущих лиц к расследованию преступлений, в котором могли быть реализованы их специальные знания или навыки, осознавалась давно, причем не только учеными, но и законодателем. Суть таких ограничений сводилась к проверке сведущих лиц на соответствие определенным требованиям, среди которых обычно называлась их осведомленность в определенной отрасли знаний и беспристрастность в решении поставленных перед сведущими лицами вопросов. О необходимости соответствовать этим требованиям и ученые, и практики стали говорить, как только практика осознала потребность в привлечении врачей к исследованию трупов, то есть с началом

---

¹⁶⁰ Подробно см.: Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М., 1999. С. 20.

формирования института специальных знаний. Обсуждение вопроса о составе таких требований продолжалось на протяжении всей истории развития специальных знаний, применяемых в судопроизводстве. Одними из первых, кого затронули такие ограничения, стали группы сведущих лиц, которые отличались особенностями объектов исследования и выполняемыми в уголовном судопроизводстве функциями. Так, профессор И.Я. Пленк в своем «Наставлении по судебной медицине» (1799) сформулировал требования к судебным врачам так: «судьи¹⁶¹, исследующие случаи врачебно-судебные, должны быть совершенно знающие во всех частях врачебной и рукодеятельной науки (Medicina – Chirurgia); медицинским факультетом надлежащим образом испытаны; в честности постоянны и к открытию истины под присягой обязаны»¹⁶².

В 1832 г. требования к судебным врачам дополнил судебный медик, доктор медицины Императорской медико-хирургической академии С.А. Громов. «Наставлениях по судебной медицине», он писал: «Если есть возможность, то не должно для исследования назначать того врача, в котором можно предполагать какое-либо пристрастие, который, например, находится в родственной или дружеской связи, либо во вражде со стороной подсудимой или обиженной... и т. п.»¹⁶³.

Все вышеназванные требования, и сформулированные И.Я. Пленком, и предложенные С.А. Громовым, со временем стали распространять не только на судебных медиков, проводивших исследование трупов, но и на других носителей специальных знаний, привлекаемых в уголовное судопроизводство. С некоторыми терминологическими корректировками эти требования приобрели характер общих для всех сведущих лиц. Их правовое закрепление было связано с принятием УУС, отличаясь, однако, тем, что, обнаружив

---

¹⁶¹ Под судьями в данном случае подразумеваются судебные врачи.

¹⁶² Пленк И.Я. Наставление по судебной медицине // Громов С.А. Краткое изложение судебной медицины. СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2004. С. 13.

¹⁶³ Там же. С. 157.

известное сходство сведущих лиц с добросовестными свидетелями, законодатель ограничился выработкой таких требований только для свидетелей, предложив руководствоваться ими и сведущим людям. В результате закон об уголовном судопроизводстве Российской империи в части регулирования института специальных знаний, по сути дела, приравнял сведущих лиц к свидетелям, дающим достоверные показания по обстоятельствам уголовного дела. «Сведущие люди, – говорится в ст. 327 УУС, – приглашаемые к осмотру и освидетельствованию, должны иметь все качества достоверных свидетелей».

Такое сопоставление двух, казалось бы, разных участников уголовного процесса, прежде всего по источникам своей осведомленности, на самом деле не было случайным. В их отождествлении отразилось закономерное стремление науки и законодательной практики развивать институт свидетельских показаний как сведений, адекватно, то есть с максимальной достоверностью, описывающих реальность. То же самое всегда требовалось от участвующих в уголовном судопроизводстве экспертов и специалистов.

Небезынтересно отметить, что в первых УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. правила привлечения сведущих лиц излагались в разделе, посвященном именно допросу, а результаты их работы оформлялись как показания эксперта (гл. XIII, ст. 165–177 УПК РСФСР 1922 г., ст. 162–174 УПК РСФСР 1923 г.).

По поводу сходства сведущих лиц с достоверными свидетелями писал Л.Е. Владимиров: «Эксперты и справочные свидетели должны обладать всеми качествами достоверных свидетелей... Это правило означает, что к этим лицам применяются все постановления об исключении и отводе свидетелей, по тем или другим причинам, указанным в законе»¹⁶⁴.

Перечень причин, которые рассматривались как основания отвода свидетелей, а значит и сведущих лиц, содержал исчерпывающие случаи отказа

---

¹⁶⁴ Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула : Автограф, 2000. С. 240.

свидетелям в праве давать показания из-за возможных подозрений в их недостоверности (ст. 704–710 УУС). Надо сказать, что многие из оснований отвода свидетелей, которые УУС распространил на сведущих лиц, были хорошо известны еще до его принятия, а некоторые даже нашли закрепление в более ранних нормативных актах.

Таким образом, в XVII в. отводу на «законных основаниях» подлежали все свидетели, которые, будучи связаны дружбой или, наоборот, враждой с обвиняемым или иной заинтересованной стороной уголовного судопроизводства, могли оказаться заинтересованными в деле. Наряду с участниками «тяжбы», имевшими такого рода отношения с «ответчиком», другими заинтересованными лицами, а значит лишенными права выступать в качестве свидетелей, признавались также лица, находящиеся с ним «в родстве или ближнем свойстве»¹⁶⁵.

Требование незаинтересованности, предъявлявшееся к свидетелям, пополнилось в начале XVIII в. требованием их независимости. В «Кратком изображении процессов и судебных тяжб» оно сформулировано как недопустимость свидетельства лиц, «прикосновенных к делу». В документе, в частности, говорится: «также в собственном своем деле никто не может свидетельствовать, понеже который сам к делу причастен, оный не может в предубеждение себе противусвидетельствовать»¹⁶⁶. Это требование впоследствии стали распространять и на сведущих людей как на особых свидетелей, названных достоверными.

Соответственно шло формирование и иных общих требований к носителям специальных знаний и навыков, вытекающих из положения ст. 327 УУС, согласно которому сведущие лица допускались к участию в уголовном процессе только при наличии у них качеств достоверных свидетелей. Формулируя это требование, законодатель исходил из условий признания

---

¹⁶⁵ Там же. С. 100.

¹⁶⁶ Там же.

свидетельских показаний достоверными, описанных еще в Своде. В ст. 1084 Свода отмечается, что «всякое лицо... может быть допрошено как свидетель, когда оно имеет здравые физические чувства и рассудок для познания предмета, о котором требуется свидетельство, и когда нет причины предполагать, что показание будет неверно»¹⁶⁷.

Применительно к сведущим лицам, привлекаемым в уголовное судопроизводство, «здравые физические чувства и рассудок для познания предмета», требуемые от достоверных свидетелей, в дальнейшем были вполне обоснованно интерпретированы законодателем как требования обладать необходимыми специальными сведениями или опытностью в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии, иначе говоря, компетентностью (ст. 112, 325 УУС).

Что касается оснований предполагать «неверность свидетельств» сведущих лиц, то о них можно было судить по совокупности ставших хорошо известными к началу XIX в. требований, предъявляемых к свидетелям, соблюдение которых давало основания для их допуска к свидетельствованию, а полученные от них показания оценивать как достоверные.

Ответ на вопрос, кого из свидетелей, а значит и сведущих людей, можно считать достоверными, предлагали и ученые-юристы, в том числе принимавшие участие в разработке судебных Уставов 1864 г. Один из них, профессор В.Д. Спасович, высказался о достоверных свидетелях вполне определенно: «...наука помогла законодателю решить вопрос о том, какие свидетели должны считаться достоверными, устраняя от свидетельствования целые разряды лиц, которые или по своему характеру, или по прикосновенности к делу должны были считаться подозрительными»¹⁶⁸.

---

¹⁶⁷ Цит. по: Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. С. 98.

¹⁶⁸ Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств. В связи с судоустройством и судопроизводством. М. : ЛексЭст, 2001. С. 21.

Круг таких лиц был назван в УУС. Так, например, не могли свидетельствовать, а значит и выступать в качестве сведущих лиц:

- «муж или жена потерпевшего, родственники по прямой линии и родные его братья и сестры» (п. 2 ст. 707);
- «другие по боковым линиям родственники, как потерпевшего лица, так и подсудимого, в третьей и четвертой степенях и свойственники обеих сторон в первых двух степенях» (п. 3 ст. 707);
- «состоящие с участвующими в деле лицами в особенных отношениях или по усыновлению, или по опеке, или по управлению одним из них делами другого, а также имеющие тяжбу с кем-либо из участвующих в деле лиц» (п. 4 ст. 707).

Разумеется, не все перечисленные в ст. 704–710 УУС требования к свидетелям, распространявшиеся и на сведущих лиц, нуждались в проверке, а несоответствие им служило основанием для отказа от услуг последних. Например, вряд ли кому-либо приходило в голову подвергать сомнению психическое здоровье сведущих лиц и распространять на них требование, согласно которому к свидетельству не допускались лица, страдающие психическими расстройствами («безумные и сумасшедшие» – п. 1 ст. 704). Не воспринимались в качестве условий допуска сведущих лиц к участию в расследовании преступлений и такие требования к свидетелям, как достижение 14-летнего возраста (п. 2 ст. 706), или здравость ума (п. 3 ст. 706). Соответствие им сведущих людей считалось, надо полагать, само собой разумеющимся.

Но были среди требований к свидетелям и такие, которые надлежало учитывать в полной мере, принимая решение о привлечении сведущих лиц к расследованию. В частности, не допускались к свидетельствованию те поименованные в ст. 707 УУС свидетели, а значит и сведущие люди, кто имел связи с заинтересованными в деле лицами. Обнаружение таких связей закон признавал одновременно и основаниями для отвода сведущих лиц (ст. 693 и 327 УУС).

В Уставе были сформулированы и другие, в том числе специально для сведущих лиц выработанные требования, соблюдение которых ограждало правосудие от участия в деле тех из них, от кого можно было ожидать представления недостоверных сведений или необоснованных ответов на поставленные вопросы. Так, согласно ст. 693 УУС в качестве сведущих людей не могли быть избраны лица, состоящие по делу свидетелями, судьями или присяжными заседателями.

Все требования, перечисленные в ст. 704–710 УУС, став наряду с компетентностью (ст. 112, 325 УУС) условиями признания за сведущими лицами качеств достоверных свидетелей, и сегодня воспринимаются как базовые. Главными качествами носителей специальных знаний и навыков до сих пор считаются незаинтересованность в деле и независимость. Правда, оценивать эти качества приходилось по-разному. Причины разнообразия подходов к оценке качеств сведущих лиц кроются, на наш взгляд, в различии условий и в особенностях механизма их приобретения.

Но не только качества, которыми должны обладать привлекаемые в уголовное судопроизводство сведущие лица, определяет их разнообразие, а также и разнообразие предъявляемых к сведущим лицам требований. Как показывает опыт, в том числе исторический, при оценке соответствия сведущих лиц определенным требованиям необходимо учитывать также степень их общности. По этому основанию и в законодательстве Российской империи, и на практике, и в современном уголовно-процессуальном праве требования к сведущим лицам принято делить на общие, предъявляемые ко всем носителям специальных знаний, и факультативные (дополнительные), обусловленные спецификой решаемых этими лицами задач.

Характерен в этом отношении пример УУС. Регламентировав общее ко всем сведущим лицам требование обладать необходимыми «для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства» специальными сведениями или опытностью в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии (ст. 325 УУС) и иметь все качества достоверных

свидетелей (ст. 327 УУС), Устав оговорил особые условия участия судебного врача в осмотрах и освидетельствованиях (ст. 336–352 УУС) как частный случай использования специальных медицинских знаний при исследовании «мертвых тел, различного рода повреждений, следов насилия и состояния здоровья потерпевшего от преступления или самого обвиняемого» (ст. 336 УУС). Среди этих условий Уставом предусматривались и специальные факультативные требования к судебным врачам, соответствие которым являлось основанием их допуска к осмотрам и освидетельствованиям. Например, ст. 338 устанавливала, что в «важных случаях судебный следователь может пригласить к освидетельствованию мертвого тела не одного, а нескольких врачей, не исключая и того, который пользовал умершее лицо, если требуется объяснение хода болезни и лечения». Это и были те факультативные требования, соответствие которым давало основания допустить в порядке исключения к осмотру и освидетельствованию трупа врача, принимавшего участие в лечении жертвы при жизни, притом, что общий на то запрет сохранялся. Интересно отметить, что запрет этот действует и сегодня, распространяясь, правда, только на врача, производящего судебную экспертизу: «В производстве судебной экспертизы, – говорится в ст. 18 Федерального закона «О ГСЭД», – в отношении живого лица не может участвовать врач, который до ее назначения оказывал указанному лицу медицинскую помощь. Указанное ограничение действует также при производстве судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы, осуществляемой без непосредственного обследования лица».

Такого рода отступления от общих правил возможны, впрочем, не только на уровне прямых предписаний закона, но и на уровне оправданных целесообразностью научных рекомендаций, предлагаемых учеными для нормативного закрепления. Например, общее правило о допуске к участию в следственных действиях только незаинтересованных в исходе дела специалистов (ч. 2 ст. 71 и ч. 2 ст. 70 УПК РФ) было поставлено под сомнение.

Среди сведущих лиц, чаще других привлекаемых к производству по делам о преступлениях с участием несовершеннолетних, можно назвать две категории, чей личный интерес к судьбе подростков, обвиняемых в совершении уголовно наказуемых деяний, не может и не должен становиться препятствием для использования их специальных знаний при проведении процессуальных действий с участием несовершеннолетних. Это педагоги школ и иных образовательных учреждений, в которых несовершеннолетние учатся или получают определенные навыки, и детские психологи, ранее оказывавшие детям психологическую помощь. Возможная профессиональная связь таких сведущих лиц с несовершеннолетним на первый взгляд, действительно, может породить сомнения в их незаинтересованности в деле или в независимости. Однако вопрос в том, насколько такая связь, разумеется, если она будет установлена в процессе проверки, может препятствовать их участию в деле – это тот вопрос, который в любых иных случаях, кроме участия педагога и детского психолога в делах несовершеннолетних, должен решаться однозначно: любые подозрения в личной заинтересованности либо зависимости сведущего лица от других участников судопроизводства должны вести к отстранению его от выполнения процессуальных функций. При этом вопрос с детскими психологами и педагогами следует решать иначе. В предыдущем параграфе мы уже высказывались за то, чтобы на указанную категорию сведущих лиц распространялось исключение из общего правила об их независимости и незаинтересованности в деле. И педагоги, знающие своего ученика достаточно продолжительное время, и психологи, в течение длительного времени наблюдавшие за психологическим состоянием подростка, безусловно, успешнее справятся со своими функциями. Например, психологу, знакомому с подростком по-прежнему с ним общению, легче диагностировать не только нынешнее психологическое состояние несовершеннолетнего, но и его изменение. Детскому психологу, знающему подозреваемого (обвиняемого), легче наладить доверительные отношения и установить более надежный психологический контакт между ним и

следователем, преодолеть негативную позицию несовершеннолетнего, вовремя предотвратить попытки следователя оказать на несовершеннолетнего недопустимое психологическое воздействие. А в случае возникновения конфликтных ситуаций знакомому педагогу или психологу скорее удастся их преодолеть, своевременно предотвратив возможные отрицательные последствия допущенных следователем ошибок в обращении с несовершеннолетним. Иными словами, от участия таких сведущих лиц в производстве по делам несовершеннолетних практика только выиграет.

Возможно, именно идея допустимости участия потенциально заинтересованных в деле педагогов при проведении допросов несовершеннолетних послужила некоторым ученым основанием для сомнений в их процессуальном статусе как специалистов. Возникла дискуссия, основу которой составили противоречия во взглядах на эту проблему. Одни авторы считают педагога и психолога специалистами, чьи права и обязанности определены в ст. 58 УПК РФ, другие убеждены в том, что оба являются особыми, самостоятельными разновидностями сведущих лиц, чья заинтересованность в деле не только допускается, но и в отдельных случаях оказывается абсолютно оправданной. Это, прежде всего, касается случаев, когда заинтересованный педагог и (или) психолог привлекаются к участию в расследовании и рассмотрении уголовных дел о преступлениях с участием несовершеннолетних.

Не останавливаясь подробно на дискуссии о статусе педагога, считаем более убедительной позицию ученых, настаивающих на его самостоятельности. При этом целесообразно, на наш взгляд, расширить состав сведущих лиц, имеющих статус, отличный от статуса специалиста и эксперта, и именно потому, что на них не должно распространяться требование независимости и незаинтересованности в деле. В составе таких сведущих лиц наряду с педагогом должен быть назван еще и детский психолог. Если придерживаться противоположных взглядов, то допуск к участию в делах несовершеннолетних сведущих лиц, чья независимость или

незаинтересованность будет поставлена под сомнение, окажется невозможным, даже когда их участие может принести очевидную пользу. И тогда следствие и суд вынуждены будут отказаться от приглашения квалифицированных педагогов и детских психологов, имеющих богатый опыт общения с конкретными несовершеннолетними обвиняемыми (подозреваемыми, подсудимыми), чью субъективную компетенцию можно легко проверить. То есть придется признать недопустимым участие в деле тех, кто, как никто другой зная таких подростков, их личные качества, привычки, психологию и т. д., может оказать существенную помощь следствию в решении многих вопросов.

Среди сведущих лиц, чья зависимость или заинтересованность не должны безоговорочно препятствовать использованию их специальных знаний в производстве по делу, могут быть не только педагоги и детские психологи, привлекаемые к работе с несовершеннолетними, но и сведущие лица иных профессий. Например, переводчики. Но не те, кто осуществляет перевод с иностранного языка и потому не должен быть зависим от обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, чьи показания приходится переводить, а особая группа сведущих лиц, осуществляющих перевод с языка жестов (сурдоперевод), на котором общаются между собой люди с дефектами слуха и речи, дающие показания по уголовному делу.

Таким образом, требование быть компетентным характеризует сведущих лиц с точки зрения обладания ими позитивным комплексом знаний, умений или навыков. Иные их качества, такие как незаинтересованность и независимость, могут оцениваться только на уровне отрицания их наличия, то есть подтверждения отсутствия заинтересованности в исходе конкретного уголовного дела или зависимости сведущего лица от других участников уголовного судопроизводства.

Отличается и механизм формирования этих качеств сведущих лиц. Так, если компетентность, приобретается в процессе обучения или по мере накопления практического опыта и только со временем, иногда довольно

продолжительным, становится качеством, объективно присущим сведущему лицу, то судить о незаинтересованности в деле или независимости сведущих лиц можно лишь с началом производства по конкретному уголовному делу. Только после этого они становятся процессуально значимыми характеристиками сведущих лиц и именно в связи с вступлением их в дело в качестве самостоятельных его участников. И если компетентность характеризует сведущее лицо объективно, поскольку отражает состояние и уровень его специальной осведомленности, независимо от того, привлечено данное лицо к расследованию уголовного дела или нет, то два других качества, характеризующие сведущих лиц, – их независимость и незаинтересованность в деле – учитываются только при решении вопроса об их процессуальном статусе.

Знание, например, что известный специалист имеет личный интерес в исходе дела, безразлично для всех участников расследования или судебного разбирательства, но лишь до тех пор, пока он не будет представлен кем-либо из них в качестве сведущего лица, уполномоченного решать специальные вопросы. То есть интерес к этим качествам, если и может возникнуть, то не раньше, чем встанет вопрос о привлечении сведущего лица к расследованию или судебному разбирательству конкретного уголовного дела. До этого момента никого не должно интересовать, зависит компетентное лицо от сторон или нет, заинтересовано оно в исходе дела, к которому не имеет никакого отношения, или не заинтересовано. Оба эти качества, как условия привлечения сведущего лица в уголовное судопроизводство, в отличие от компетентности, утрачиваются им с завершением производства по уголовному делу или с его прекращением по иным основаниям.

Понятно, что и подход к оценке соответствия сведущих лиц определенным требованиям, основанным на выяснении, кто из них и какими качествами обладает, должен быть разным. И если качества, объективно присущие сведущему лицу (та же компетентность), могут быть подтверждены положительными фактами, например, путем представления документов об

образовании, стаже работы по определенной специальности и т. д., то с проверкой качеств, обусловленных участием сведущего лица в уголовном деле, вопрос обстоит сложнее. Прежде всего потому, что эти качества описываются посредством отрицания существования зависимости или заинтересованности сведущих лиц, которые могут воспрепятствовать их участию в решении специальных вопросов. А как известно, установить отрицательные факты с достоверностью невозможно.

2.3. Криминалистическая оценка заключения специалиста и эксперта при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних

Основными задачами, решаемыми при криминалистической оценке заключений эксперта и специалиста, являются:

- «– последующее установление соответствия заключений эксперта и специалиста процессуальным критериям доказательств: относимости, допустимости, достоверности, с последующим установлением в совокупности с другими доказательствами достаточности для принятия решения по делу;
- установление ошибочных заключений эксперта и последующее их исправление;
- профилактика (предотвращение) экспертных ошибок;
- установление применения научно необоснованных экспертных методик;
- способствование повышению качества заключений эксперта и специалиста»¹⁶⁹.

По делам о преступлениях, совершаемых с участием несовершеннолетних, впрочем, как и по любым другим делам, применяются

---

¹⁶⁹ Хомутов С.В. Научно-методические и организационные основы криминалистической оценки заключений эксперта и специалиста : монография. Уфа : НИИ ППГ, 2023. С. 60–61.

самые разнообразные способы криминалистической оценки потенциальных источников доказательственной информации. Среди познавательных средств, используемых в этих целях, особое значение приобретают специальные знания, позволяющие эффективно решать наиболее сложную из задач, возникающих при проверке и оценке доказательств, – задачу установления их достоверности.

Поиск, обнаружение, закрепление, исследование, проверка и оценка доказательств составляют основное содержание познавательной деятельности правоохранительных и судебных органов, ответственных за раскрытие, расследование и разрешение дел о преступлениях, совершаемых с участием несовершеннолетних. Именно они призваны устанавливать истину по таким делам, обеспечивая не только справедливость привлечения к ответственности нарушивших закон, но одновременно и неотвратимость их наказания как меру профилактическую и воспитательную. Иначе допущенная несправедливость, особенно остро воспринимаемая несовершеннолетними, станет неизбежным следствием работы тех уполномоченных лиц, кто использует для принятия своих решений недостоверную информацию.

Проблема достоверности любых используемых в уголовном судопроизводстве познавательных методов и средств, равно как и проблема достоверности получаемых с их помощью результатов, в силу ее многоаспектности, носит всеобъемлющий и поэтому универсальный характер. Никакие решения в уголовном судопроизводстве не могут приниматься и никакие выводы не могут формулироваться на основе сведений, достоверность которых не установлена, объективно не подтверждена или сомнительна. В противном случае, то есть удовлетворившись недостоверными сведениями об обстоятельствах, подлежащих выяснению по уголовному делу, органы правосудия рискуют принять ошибочное, а бывает и заведомо противоправное решение. В результате наказание могут понести невиновные – те, кто в реальности не совершал инкриминируемые им деяния. Особый смысл достоверность собранных доказательств и иных источников

информации как один из важнейших критериев их оценки приобретает при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел о преступлениях, совершаемых с участием несовершеннолетних.

В аспекте разрабатываемой нами темы об использовании специальных знаний при производстве по делам о преступлениях с участием несовершеннолетних проблема достоверности может иметь два непосредственно связанных между собой направления.

Первое направление должно, на наш взгляд, включать в себя разработку мер по проверке соответствия специальных знаний, используемых для получения доказательственной информации, требованиям, обеспечивающим получение с их помощью достоверных результатов. Это направление можно рассматривать как одну из форм установления достоверности результатов применения в уголовном судопроизводстве любых познавательных методов и средств.

Второе направление исследования обозначенной проблемы имеет своим предметом достоверность самих источников доказательственной информации, получаемых с использованием специальных знаний, и меры по ее установлению. Но для того, чтобы эту проблему решить, надо быть уверенным в научной обоснованности и достоверности результатов использования специальных знаний. Без такой уверенности нельзя рассчитывать на получение с их помощью достоверной доказательственной информации.

Пути решения проблемы достоверности источников доказательственной информации, с одной стороны, предусмотрены законом, регламентировавшим правила проверки доказательств (ст. 87 УПК РФ). С другой стороны, рекомендованы криминалистической наукой, располагающей своими научно обоснованными методами и средствами, гарантирующими достоверность получаемой с их помощью информации. Криминалистические средства и методы установления достоверности источников доказательственной информации, в том числе весь спектр используемых специальных знаний,

могут, однако, применяться только в рамках, установленных указанной нормой процессуального права.

Для начала важно отметить, что источники информации, полученные в ходе производства по уголовным делам, доказательствами становятся не в момент их обнаружения, закрепления или исследования, а только после того, как будет установлена их относимость, допустимость и достоверность. То есть после их оценки по правилам, предусмотренным законом (ст. 88 УПК РФ). При этом в перечне критериев оценки доказательств достоверность неслучайно названа последней. И не только потому, что это самое трудное для установления качество любого источника информации, но еще и потому, что каждый из таких источников, признанный недопустимым или не относящимся к делу, уже только по этой причине не может быть использован в доказывании, независимо от уровня его достоверности. Начинать же с установления достоверности оцениваемого доказательства нерационально из-за большой, как правило, трудоемкости этой процедуры. Иными словами, не подтвердив относимость и допустимость собранных доказательств, бессмысленно проверять их достоверность, поскольку обладание этим качеством не решит проблему использования того или иного источника информации в доказывании.

Из всех оценочных критериев закон отдельно раскрывает содержание только допустимости, и то лишь в форме ее отрицания, то есть описания признаков недопустимых доказательств, которое содержится в ст. 75 УПК РФ. В частности, к недопустимым закон относит показания, полученные с нарушением УПК (например, когда свидетель не был предупрежден об ответственности, допрос проводился в отсутствие защитника, если его приглашение обязательно и т. д.), либо когда лицо, сообщаящее сведения о преступлении, не может указать источник своей осведомленности (ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Такие показания недопустимы и не могут использоваться для установления обстоятельств уголовного дела. Недопустимы и другие доказательства, полученные с нарушением УПК РФ (ч. 1 ст. 75).

Но если источники доказательственной информации с точки зрения их допустимости можно оценить, руководствуясь отдельными нормативными ее характеристиками, содержащимися в УПК РФ, то ни что означает слово «относимость», ни тем более что такое достоверность, уголовно-процессуальный закон не объясняет. Некоторую ясность в решение вопроса об относимости источников информации к делу можно внести, обратившись к понятию «доказательства», предложенному законодателем. Раскрывая это его, УПК РФ делает акцент на том, что доказательствами могут быть «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель ... устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» (ч. 1 ст. 74).

Из этого определения понятно, что значение для дела могут иметь только сведения, относящиеся к расследуемому событию, иначе говоря, обладающие качеством, раскрывающим необходимую их связь с преступным деянием¹⁷⁰. Разумеется, что сведения, не имеющие отношения к познаваемому событию, бесполезны, ими ничего ни установить, ни опровергнуть нельзя, и поэтому они доказательствами, по крайней мере по данному уголовному делу, не являются. Поэтому решение вопроса о том, содержат ли полученные сведения информацию о событии и его обстоятельствах, иными словами, относятся ли они к делу, позволяет охарактеризовать такой источник как несущий полезную нагрузку. Если оказавшиеся в распоряжении следствия сведения ни о чем, что входит в предмет доказывания или подлежит установлению, не говорят, не подтверждают и не опровергают, то такие сведения бесполезны для доказывания.

---

¹⁷⁰ Толковый словарь русского языка родственное слову «относимость» слово «отношение» так же раскрывает, как взаимную «связь разных предметов, действий, явлений», как «касательство между кем или чем-нибудь» (см.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. : 80 000 слов и фразеологических выражений. М. : Азбуковник, 1999. С. 475).

Установить относимость получаемых сведений обычно не составляет особого труда, особенно когда решается вопрос об относимости, полученной от участников уголовного судопроизводства вербальной информации. Если, к примеру, одноклассник обвиняемого сообщает во время допроса сведения, характеризующие его товарища по школе, то относимость этих сведений очевидна и не требует подтверждения, поскольку данные о личности преступника входят в круг обстоятельств, подлежащих доказыванию (п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

Однако далеко не со всеми источниками информации проблема установления их относимости решается так просто. Степень сложности оценки сведений, получаемых в процессе расследования преступления, по данному критерию зависит от вида самого их источника и от условий их получения. Самыми сложными для выяснения относимости к делу являются вещественные источники доказательственной информации. Для подтверждения их относимости часто приходится обращаться к специальным знаниям, прежде всего к судебной экспертизе, без которой оценить это качество вещественных доказательств невозможно. Например, только баллистическая экспертиза огнестрельного оружия, обнаруженного в ходе расследования дела, может объективно подтвердить, что именно из данного пистолета был произведен выстрел.

Менее надежными для установления относимости являются показания участников уголовного судопроизводства – свидетелей, потерпевших, обвиняемых – в силу их субъективности. Например, одного только заявления свидетеля о том, что предъявленную ему вещь он видел среди похищенных у потерпевшего ценностей, недостаточно для ее признания предметом преступного посягательства, требуется дополнительная проверка свидетельских показаний.

Так, подтвержденная несовершеннолетним участником уголовного процесса относимость к делу собранных следствием вещественных доказательств, может потребовать проверки, в том числе посредством

обращения к специальным знаниям. Например, проведения психолого-психиатрической экспертизы для решения вопроса о способности несовершеннолетнего адекватно воспринимать то или иное событие, явление, распознавать или давать характеристику отдельным предметам, вещам.

Сомнительной может оказаться и относимость иных источников доказательственной информации – протоколов следственных действий, прочих документов. Такие сомнения в относимости могут возникнуть, например, если протокол не содержит сведений о самом деле, в рамках расследования которого следственное действие проводилось, или отсутствуют сведения о должностном лице, приобщившем полученный в ходе расследования документ к уголовному делу, либо подлинность его подписи под соответствующим постановлением вызывает обоснованные сомнения. Для подтверждения относимости таких материалов к делу также могут потребоваться специальные знания.

Допустимость доказательств, как и относимость к делу, является сугубо процессуальным критерием их оценки. Установить допустимость источников доказательственной информации, как правило, нетрудно, для этого достаточно обратиться к нормам УПК РФ, разрешающим использование в качестве средств доказывания тех или иных источников информации и раскрывающим с надлежащей полнотой содержание и процессуальные условия их получения.

Например, в уголовном судопроизводстве, несомненно, допустимы показания любых лиц, процессуальный статус которых вполне определен, соблюдены все процессуальные правила получения от них нужных сведений. В частности, организован и проведен допрос, очная ставка, предъявление для опознания или проверка показаний на месте.

Тем не менее в отдельных случаях для подтверждения допустимости тех или иных источников доказательственной информации могут потребоваться дополнительные меры или познавательные средства, в том числе специальные знания. Такое случается, когда субъекты процессуального доказывания сталкиваются с неопределенностью в решении вопроса о том, к какой

разновидности следует отнести источник доказательственной информации, обнаруженный в процессе расследования обстоятельств конкретного уголовного дела. Чтобы оценить его допустимость, приходится искать в нем признаки, более всего подходящие под определенный вид доказательств, преобладающие в конкретном источнике информации.

Так, протокол следственного действия из документального источника доказательств может превратиться в вещественный, если, к примеру, в нем будут обнаружены признаки подделки подписей участников или иные признаки фальсификации.

Приведем пример. В ходе изучения материалов уголовного дела о насильственных действиях сексуального характера, совершенных В. в отношении несовершеннолетней М., возник вопрос о достоверности собранных следствием доказательств. Стороной защиты была выдвинута версия о подделке подписей участников двух следственных действий в протоколах их проведения. В частности, подписи матери потерпевшей в протоколе осмотра квартиры, и подписи педагога в протоколе допроса несовершеннолетней К., в котором якобы педагог участвовала.

Для решения вопроса о достоверности этих подписей сторона защиты обратилась к специалисту в области судебного почерковедения, к эксперту с более чем тридцатилетним опытом работы в области криминалистического исследования документов. По результатам проведенного исследования подписей под сомнительными протоколами эксперт подтвердил версию защиты, поставив тем самым под сомнение и участие матери потерпевшей в осмотре их квартиры, и педагога в допросе несовершеннолетней¹⁷¹.

Не меньше проблем с оценкой допустимости может возникнуть и в случае обнаружения источников информации, не подпадающих под признаки какого-либо из видов доказательств, перечисленных в ст. 74 УПК РФ и

---

¹⁷¹ Результат опроса адвокатов Адвокатской палаты Республики Башкортостан.

требующих для признания их допустимыми соблюдения определенных процессуальных правил.

Сомнительными с точки зрения допустимости могут оказаться и другие источники информации, которые закон среди доказательств не называет (ст. 74 УПК РФ). В частности, недопустимы для использования в качестве экспертных заключений результаты исследований, проведенных сведущими лицами и оформленные в виде справок, актов и т. п., полученных за рамками предписанной законом процедуры. К примеру, без вынесения постановления о назначении экспертизы, без предупреждения сведущего лица об ответственности за ложное заключение и пр. О таких случаях недопустимого использования некоторых источников информации, представляемых в уголовных делах как конкретный вид доказательств, говорится и в п. 6 постановления Пленума Верховного суда РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21 декабря 2010 г. № 28: «6. Справки, акты, заключения и иные формы фиксации результатов ведомственного или другого исследования, полученные по запросу органов предварительного следствия или суда, не могут рассматриваться как заключение эксперта и служить основанием к отказу в проведении судебной экспертизы».

Чтобы избежать принятия ошибочных решений, необходимо придерживаться не только установленных законом правил оценки допустимости собранных доказательств, но и выработанных наукой требований к потенциальным их источникам¹⁷². Представляется, что только соответствие собранных в ходе производства по делу источников доказательственной информации выработанным наукой требованиям может дать основания для их признания допустимыми доказательствами. Эти требования мы предлагаем свести к четырем основным:

---

¹⁷² Комментарий к УПК РФ (постатейный) / отв. ред.: И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 179.

1) субъектами, формирующими (создающими) круг допустимых доказательств по уголовному делу, могут быть только уполномоченные законом лица (надлежащие субъекты);

2) законность источников получения сведений о фактах, подлежащих установлению по уголовному делу (законность источников доказательственной информации), не должна вызывать сомнений;

3) собирание доказательств может осуществляться только посредством проведения следственных, судебных или иных процессуальных действий, регламентированных законом;

4) при производстве процессуальных действий с целью обнаружения, извлечения или получения иным способом доказательственной информации должны соблюдаться установленные законом основания, порядок и условия их проведения.

Третий и самый сложный для подтверждения критерий оценки источников информации – это ее достоверность. Установить, соответствуют ли получаемые сведения действительности, является задачей, решаемой путем использования не только и не столько процессуальных, сколько научных, прежде всего криминалистических, познавательных средств. По делам о преступлениях, в которых участвуют несовершеннолетние, самыми трудными для оценки считаются источники вербальной информации, преобладающие среди доказательств по таким делам.

Особенности формирования показаний несовершеннолетних – и обвиняемых, и потерпевших, и свидетелей – создают значительные проблемы для оценки достоверности сообщаемых ими сведений об обстоятельствах расследуемого события. Впрочем, проблемы могут возникнуть с оценкой не только вербальной информации, но и других источников доказательств по делам о преступлениях, совершаемых с участием несовершеннолетних. Как следует решать эти проблемы, предлагает и законодатель, и криминалистическая наука. Так, среди регламентированных законом общих

способов проверки доказательств (ст. 87 УПК РФ), в том числе их достоверности, можно назвать следующие:

1) сопоставление проверяемых доказательств с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле. Очевидно, что проверка таким способом возможна лишь при условии, если следствие располагает доказательствами, достоверность которых не вызывает сомнений и которые подтверждают или опровергают те же обстоятельства, что и проверяемое доказательство. Например, показания несовершеннолетнего обвиняемого о способе проникновения в хранилище, полученные при его допросе, могут сопоставляться с результатами ситуалогической экспертизы, позволяющей установить характер действий преступника на месте преступления по обнаруженным следам, или с проверенными показаниями свидетелей, которые эти действия лично наблюдали и описали их в своих показаниях. Тем же способом могут быть проверены и другие доказательства, в том числе являющиеся результатом применения специальных знаний. В частности, сведения о возрасте преступника, полученные в ходе производства экспертизы следов рук или ног, обнаруженных на месте происшествия, могут сопоставляться с показаниями очевидцев, наблюдавших за действиями его участников в момент, когда происходило расследуемое событие, и т. д.;

2) установление источников проверяемых доказательств и их законности. В частности, источником вещественных доказательств являются следственные действия, при производстве которых предметы, документы, следы и т. д. были обнаружены и закреплены (осмотры, обыски, выемки, и т. д.), а также комплекс иных обязательных процедур, по результатам которых обнаруженные предметы и документы признаются вещественными доказательствами и приобщаются к уголовному делу соответствующим постановлением следователя (ч. 2 ст. 81 УПК РФ). Установление источников предполагает проверку законности таких процессуальных действий и их качества.

Источники получаемых в ходе производства по делу сведений необходимо устанавливать и при проверке показаний обвиняемых, подозреваемых, свидетелей или потерпевших. Для свидетельских показаний, например, такими законными источниками могут быть либо лично воспринимавшиеся свидетелями факты, либо те, которые свидетель сообщает, указывая источник своей осведомленности. Выяснение этих вопросов и составляет суть проверки источников показаний свидетелей;

3) получение иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. Так, утверждение подростка, что он не был знаком с потерпевшим, может быть опровергнуто путем предъявления ему фотоснимков, на которых они оба изображены за каким-либо совместным занятием.

Однако все эти проверочные меры и средства имеют смысл лишь при условии, если сами отличаются достоверностью. Например, не должно быть сомнений в достоверности доказательств, с которыми сопоставляются проверяемые. Это, разумеется, относится и к специальным знаниям, используемым для подтверждения достоверности источников информации, полученных при производстве по делу. Результаты их применения для указанных целей также должны быть достоверными.

Остановимся теперь на проблеме достоверности источников информации, полученной при производстве по делам, в которых участвуют несовершеннолетние и которая может быть проверена с помощью специальных знаний.

Достоверность показаний. Из всех доказательств, фигурирующих в делах о преступлениях, совершаемых с участием несовершеннолетних, как уже отмечалось, труднее всего оценить достоверность источников вербальной информации – показаний несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей, легко меняющих их под влиянием внутренних и внешних факторов. Еще Г. Гросс отмечал, «что дитя в высшей степени легко

подпадает под постороннее влияние, причем умышленное оно или нет – безразлично»¹⁷³.

Повышенная внушаемость, искаженное восприятие, склонность к преувеличению, детские фантазии, чувство страха и многое другое, характерное для поведения детей, – это те причины, которые оказывают существенное влияние на правильность сообщения несовершеннолетними сведений, которые им стали известны о расследуемом событии и его обстоятельствах. Их показания могут быть и ошибочными, и заведомо ложными, результатом и фантазий ребенка, и его добросовестного заблуждения, обусловленного незрелостью и иными качествами личности. На достоверность показаний несовершеннолетних влияют, однако, не только издержки детского восприятия событий или явлений, но и недостатки воспроизведения ставших известными несовершеннолетним сведений о них, характерные для несовершеннолетних. Поэтому при производстве по делам о преступлениях, совершаемых с участием детей и подростков, следователю и суду приходится использовать информацию, которая в силу разных причин изначально не отличается достоверностью. Причем проблемы возникают не только с оценкой показаний несовершеннолетних обвиняемых, но и несовершеннолетних свидетелей или потерпевших. В частности, особого внимания требуют показания следующих свидетелей:

- соучастники несовершеннолетних преступников, не достигшие возраста уголовной ответственности;
- одноклассники и друзья подростков, привлекаемых к уголовной ответственности, от которых следователь может ожидать получения сведений о личности обвиняемых (подозреваемых), входящих в предмет доказывания по делам о преступлениях несовершеннолетних;

---

¹⁷³ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. 4-е изд. СПб., 2008. С. 123.

- несовершеннолетние подписчики социальных сетей, с которыми преступники могли общаться в поисках соучастников замышляемых преступлений или делиться своими криминальными «подвигами»;

- лица, осведомленные об образе жизни несовершеннолетнего обвиняемого, его близком окружении, располагающие информацией о том, кто мог оказывать влияние или являлся для него авторитетом, какими были взаимоотношения несовершеннолетнего обвиняемого с родителями, одноклассниками и др.;

- несовершеннолетние потерпевшие, в том числе авторы заведомо ложных доносов и т. д.

В большинстве своем не соответствующая действительности информация содержится в устных или письменных показаниях несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, получаемых при производстве доследственных проверок, на предварительном следствии в ходе процессуальных допросов, очных ставок, опознаний или проверок показаний на месте (гл. 26 УПК РФ) либо в суде.

Основными причинами сообщения несовершеннолетними недостоверных сведений становятся не только осознанная ложь, но и издержки восприятия или недостатки воспроизведения воспринятых событий и явлений, характерные для несовершеннолетних. Иными словами, субъективный характер получаемых от них сведений, отличающихся заметной вариативностью, даже когда они исходят от одного подростка. Такое часто можно наблюдать при проведении повторных допросов. Тем естественнее несовпадения показаний об одном и том же обстоятельстве расследуемого события, обнаруживаемые у разных участников уголовного процесса, в том числе у тех, кто искренен в своем желании сообщать правдивые сведения, а на самом деле заблуждается в своих свидетельствах, причем по самым разным

причинам. Как утверждают психологи, «степень убежденности в правильности показаний не является гарантией их достоверности»¹⁷⁴.

Заблуждение допрашиваемого лица может быть добросовестным, основанным на вере, исторически сформировавшейся у значительных по численности групп населения, а может стать следствием использования лицами, дающими показания, ложных сведений, недостоверность которых ими не осознается.

Возникновение противоречий в показаниях добросовестных свидетелей является обычно следствием разнообразия внешних условий, в которых ими воспринималось то или иное событие либо его отдельные обстоятельства, подлежащие установлению. А может зависеть и от личных качеств тех, кто дает показания, которыми во многом определяются и адекватность восприятия, и точность воспроизведения воспринятого в ходе производства по уголовному делу¹⁷⁵. Поэтому следователю или суду, ведущим допрос, необходимо иметь в виду, что безошибочного восприятия практически не бывает. Но если «безошибочность восприятия не правило, а исключение»¹⁷⁶, то точность воспроизведения, а значит и субъективная убежденность допрашиваемого лица в правильности сообщаемых им на допросе сведений во многом зависит от формы их получения.

Показания могут, как известно, облекаться в разную форму: а) свободного рассказа; б) сообщения или объяснения; в) ответов на поставленные вопросы; г) разъяснений какого-либо обстоятельства расследуемого события; д) подтверждения или опровержения устанавливаемых фактов и т. д.

Психологические эксперименты, проведенные еще в начале прошлого века, и многолетняя практика проведения допросов несовершеннолетних

---

¹⁷⁴ Ратинов А.Р., Гаврилова Н.И. Указ. соч. С. 76.

¹⁷⁵ Карнаухова О.Г. Тактика преодоления противодействия расследованию со стороны свидетелей и потерпевших : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. С. 87.

¹⁷⁶ Ратинов А.Р., Гаврилова Н.И. Указ. соч. С. 74.

подтвердили существующую зависимость степени достоверности получаемых от них показаний от того, в какой форме ведется общение с несовершеннолетними.

Так, ученые выяснили, что поставленные допрашиваемому лицу вопросы могут оказать существенное влияние на формулируемые им ответы, особенно когда на вопросы отвечают несовершеннолетние. Как установил известный зарубежный ученый-психолог А. Бине, проведя ряд психологических экспериментов, влияние задаваемых вопросов на детские показания обусловлено тем, «что вопрос образует с ответом одно нераздельное целое и сомнительную ценность представляет собой ответ, отделенный от вызвавшего его вопроса, точность ответа находится в зависимости от наводящего влияния вопроса»¹⁷⁷. Притом, что, по утверждению другого авторитетного ученого-психолога, В. Штерна, также основанному на проведенных им еще в начале XX в. экспериментах¹⁷⁸, «не существует допросов без наводящих вопросов»¹⁷⁹.

Помимо влияния вопросов на достоверность получаемых на несовершеннолетних ответов, психологические эксперименты также подтвердили, что большей достоверностью отличаются показания, которые даются ими в свободной форме. Об этих особенностях как специфических для воспроизведения показаний несовершеннолетними говорят результаты исследования степени достоверности свидетельских показаний, проведенные зарубежными учеными-психологами еще во второй половине 50-х годов прошлого века. В частности, эксперименты показали, что если при свободном рассказе не ошибаются 2 % людей, то при ответах на поставленные им вопросы таких испытуемых в четыре раза меньше, а именно 0,5 %. Иными словами,

---

¹⁷⁷ Цит. по: Ратинов А.Р., Гаврилова Н.И. Экспериментальные исследования психологии свидетельских показаний (вопросы методики) // Вопросы борьбы с преступностью. Вып 27. М. : Юридическая литература, 1977. С. 72.

¹⁷⁸ Штерн В. Психология свидетельских показаний (экспериментальные исследования верности воспоминаний) // Вестник права. 1902. № 2-3. С. 107–131.

¹⁷⁹ Цит. по: Ратинов А.Р., Гаврилова Н.И. Указ. соч. С. 74.

достоверность свободного рассказа лиц, участвовавших в эксперименте, оказалась в четыре раза выше достоверности ответов на поставленные им вопросы. Вероятно, знание именно этой закономерности позволило современным ученым-криминалистам, рекомендовать начинать допрос независимо от процессуального статуса допрашиваемого лица, как правило, со свободного рассказа¹⁸⁰.

Между тем проблемы достоверности показаний возникают не только из-за неудачного выбора формы общения с допрашиваемыми. Не меньшую роль в этом играет и их возраст. Склонность сообщать ошибочные и даже заведомо неправильные сведения для несовершеннолетних более характерна, нежели для взрослых. Например, те же упомянутые эксперименты наглядно продемонстрировали, что верность показаний, сообщаемых детьми в возрасте 7 лет, в два раза ниже количества достоверных свидетельств лиц, достигших 18-летнего возраста¹⁸¹.

Отсюда важность решения проблемы оценки показаний несовершеннолетних, которая всегда занимала и ученых, и практических работников, вызывая значительные трудности, обусловленные не только спецификой детского возраста, особенностями восприятия и воспроизведения воспринятых событий, но и неспособностью многих взрослых «видеть мир глазами ребенка». Г. Гросс писал по этому поводу: «...мы никогда не можем смотреть на дело с той точки зрения, с какой смотрит дитя, и когда ребенок употребляет те же слова, какие и мы, то оно дает им иной смысл. Даже в области восприятий впечатления о предметах у детей складываются иные, чем у взрослых: такие понятия, как большой и малый, быстрый и медленный, красивый и безобразный, далекий и близкий, – у детей совершенно иные, чем у нас. Тем более представления о событиях: событие, для нас совершенно

---

¹⁸⁰ Макаренко И.А. Система тактических приемов допроса несовершеннолетнего обвиняемого с учетом следственных ситуаций и психологических свойств допрашиваемого : дис. ... канд. юрид. наук Уфа, 1998. С. 112.

¹⁸¹ Ратинов А.Р., Гаврилова Н.И. Указ. соч. С. 74.

безразличное, кажется им превосходным или страшным, и наоборот, они равнодушны к тому, что для нас прекрасно или печально»¹⁸².

При таких особенностях формирования детских показаний и трудностях их адекватного восприятия взрослыми проверить и убедиться в достоверности сведений, сообщаемых несовершеннолетними, действительно непросто. Неудивительно, что эта действительно серьезная проблема решалась по-разному, однако все решения ориентировались на поиск путей объективизации показаний несовершеннолетних, прежде всего путем привлечения специальных знаний для проверки их достоверности.

Например, в середине 70-х годов прошлого века в ГДР и ПНР существовала практика назначения судебно-психологических экспертиз, предметом которых являлась достоверность показаний свидетелей и потерпевших. Такая практика вызвала жесткую критику со стороны отечественных ученых, посчитавших ее недопустимой для социалистического правосудия. Д.П. Котов, в частности, писал: «В советском уголовном процессе определение достоверности любого вида доказательств, в том числе показаний свидетелей и потерпевших, – исключительная прерогатива органов предварительного расследования и суда...»¹⁸³.

Вряд ли, однако, возможность экспертного установления, если и не достоверности, то, по крайней мере, субъективного отношения допрашиваемых к сообщаемым ими сведениям, иначе говоря, их искренность, стоило отвергать с такой категоричностью. Наука постоянно развивается, создаются новые средства познания, в том числе познания особенностей психики человека. Сегодня созданы вполне надежные методики исследования психофизиологического состояния человека.

Между тем по делам о преступлениях, совершаемых с участием несовершеннолетних, вопрос о достоверности показаний детей и подростков

---

¹⁸² Гросс Г. Указ. соч. С. 122.

¹⁸³ См.: Котов Д.П. Судебно-психологическая экспертиза // Социалистическая законность. 1975. № 8. С. 54.

возникает с завидным постоянством и нуждается в решении. На сегодняшний день установить соответствие сообщаемых детьми сведений реальной действительности, если и возможно, то только по косвенным признакам, например, по признакам ограниченной способности конкретного ребенка правильно воспринимать события и явления или давать им адекватную оценку, то есть по признакам издержек формирования здоровой психики.

Однако в большинстве своем такие качества допрошенных лиц, как уровень их психического развития, могут быть выявлены только одним способом, основу которого составляет использование специальных знаний. Например, путем проведения судебно-психологической или судебно-психиатрической экспертизы, решающей вопросы об адекватности восприятия несовершеннолетними событий и явлений, или о точности воспроизведения ими воспринятого. Как заметил Л.Л. Каневский, «в случае возникновения сомнений в способности несовершеннолетнего или малолетнего свидетеля (потерпевшего) правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них объективные показания», должна назначаться судебно-психологическая экспертиза¹⁸⁴. Этот способ проверки и оценки показаний несовершеннолетних, как можно убедиться, преобладает в современной практике раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с участием детей и подростков.

Результаты изучения уголовных дел показали, что при расследовании насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних, в 90 % случаев назначалась судебно-психологическая экспертиза, однако выводы ее содержат следующую формулировку: «склонности к патологическому фантазированию не обнаруживаются».

Понятно, что установленная экспертом-психологом неспособность конкретного несовершеннолетнего правильно воспринимать событие может

---

¹⁸⁴ Каневский Л.Л. Расследование и профилактика преступлений несовершеннолетних. М. : Юридическая литература, 1982. С. 90.

только поставить под сомнение достоверность его показаний, но не дает оснований это утверждать.

По делам о преступлениях, совершаемых несовершеннолетними, проблема установления достоверности собранных доказательств возникает не только в отношении вербальной информации, получаемой в процессе производства соответствующих следственных действий, но и достоверности иных средств доказывания. Сомнительными в этом отношении могут оказаться любые из них, начиная с вещественных доказательств, документов – источников доказательств, и заканчивая заключениями экспертов и специалистов. Подтвердить или опровергнуть их достоверность не менее важно, а порой и не менее сложно, нежели установить достоверность показаний детей. Для решения этой задачи следствие и суд могут также воспользоваться помощью сведущих лиц.

Достоверность вещественных доказательств. Чтобы иметь основания оценивать достоверность вещественных доказательств, по поводу которых могут возникнуть сомнения, исключающие их использование в доказывании по уголовному делу, необходимо, во-первых, определиться с тем, какие предметы, вещи, орудия и т. д., обнаруживаемые в процессе производства по делам несовершеннолетних, могут оказаться недостоверными. Речь, разумеется, идет главным образом о тех материальных объектах, которые несут информацию об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по таким делам, особенно обстоятельствах, связанных с личностью преступника.

К таким вещественным доказательствам обычно относят: а) следы, указывающие на возраст оставившего их лица, – рук, ног, зубов, запаховые следы и др.; б) следы, указывающие на способы действия преступников, характерные именно для несовершеннолетних, или на использованные ими орудия преступления; в) обувь, головные уборы, предметы одежды, которые предпочитает носить молодежь, личные вещи, которыми чаще пользуется

моложежь и подростки; г) специфические для несовершеннолетних объекты преступного посягательства и др.¹⁸⁵

Во-вторых, оценивая достоверность вещественных доказательств, необходимо иметь представление о признаках, которые дают основания сомневаться в них как адекватных источниках информации. Мы полагаем, что по делам о преступлениях, совершаемых с участием несовершеннолетних, недостоверными должны признаваться вещественные доказательства, обладающие следующими признаками:

1) материальные объекты, чьи признаки или свойства специально им приданы, чтобы ввести следствие или суд в заблуждение. В основном к таким вещественным источникам информации относятся фальсифицированные следы, документы с признаками подлога их реквизитов, предметы и вещи, подброшенные преступниками, чтобы создать ложное представление об истинных событиях, и др. Так, преступники, привлекая несовершеннолетних для проникновения в чужую квартиру с целью совершения кражи, иногда надевают на них обувь большого размера, чтобы имитировать совершение преступления взрослым человеком.

Недостоверность таких предметов и вещей чаще всего устанавливается путем проведения криминалистических экспертиз. Например, составленный взрослым человеком от имени ребенка заведомо ложный донос распознается почерковедческой или автороведческой экспертизой, на разрешение которой поставлен вопрос о возрасте исполнителя (автора) исследуемого текста. Недостоверность такого документа превращает его в вещественное доказательство, причем уже не подтверждающее, а опровергающее те обстоятельства, о которых идет в нем речь.

---

¹⁸⁵ Корепанов Н.И. Особенности образования и использования следов несовершеннолетних, совершающих преступления // Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию профессора Л.Л. Каневского. Уфа : РИЦ БашГУ, 2019. С. 146–148.

На практике нередки случаи, когда свидетели или потерпевшие, восприняв событие или его отдельные обстоятельства с искажениями и руководствуясь ошибочным восприятием отдельных предметов, уверенно опознавали предъявленный им, например, нож как орудие преступления, которое они якобы видели в руках преступника. Иногда такого рода недостоверная информация о связи вещественного доказательства с событием преступления, полученная благодаря издержкам восприятия или из-за недостаточной профессиональной подготовки наблюдателя, впоследствии закреплялась в его показаниях как свидетеля.

Достоверность заключений сведущих лиц. Заключение эксперта и специалиста по уголовным делам представляют собой письменно оформленные результаты использования сведущими лицами своих специальных знаний для ответа на вопросы, поставленные перед ними субъектами процессуального доказывания или сторонами. При этом достоверным может быть признано только заключение, подготовленное при соблюдении сведущим лицом принципов полноты, всесторонности и объективности проведенного им исследования, а также научной обоснованности и достоверности сформулированных на его основе выводов (ст. 4, 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности»). Из этого следует, что не могут быть признаны достоверными ни сами заключения сведущих лиц, ни сформулированные в них ответы на поставленные вопросы, если экспертом или специалистом были использованы методы и средства, научность которых не подтверждена.

Однако, по мнению Т.Ф. Моисеевой, «оценка достоверности экспертного заключения всегда представляла определенные трудности для суда и следствия. Это связано главным образом с объективной

невозможностью оценки научной обоснованности и правильности проведения экспертного исследования»¹⁸⁶.

Проблема правосудия, ставящего целью познание истины, в том, способны ли субъекты процессуального доказывания – дознаватель, следователь, прокурор или суд – компетентно проверить и объективно оценить научность познавательных средств, в основе которых, как известно, лежат положения специальных, в большинстве своем неизвестных юристам отраслей знания. Иначе зачем нужно создавать и развивать институт судебной экспертизы и специальных знаний в уголовном судопроизводстве, если эта сфера вполне доступна и следствию, и судьям. Как было заметил Р.А. Рейсс, «...чтобы критически относиться к экспертизе, следователю необходимо самому располагать достаточными познаниями в области применения научных методов к исследованию преступлений»¹⁸⁷.

И сегодня, когда наука и техника своими достижениями существенно превосходят достижения конца XIX – начала XX в., слова Р.А. Рейсса звучат как никогда актуально. Ясно, что и научная оценка проведенного сведущим лицом исследования, и научная обоснованность сформулированных на его основе выводов, а значит и оценка достоверности заключения в целом, требуют от субъектов процессуального доказывания если не большего, то, по крайней мере, не меньшего уровня владения специальными знаниями. И прежде всего в тех областях науки, техники, искусства или ремесла, данные которых были положены в основу создания экспертных методов и методик, использованных сведущим лицом для дачи заключения и ответа на поставленные ему вопросы. Ответ очевиден: вряд ли можно рассчитывать на квалифицированную оценку научной обоснованности экспертных заключений со стороны представителей правоохранительных органов и суда.

---

¹⁸⁶ Моисеева Т.Ф. Методология комплексного криминалистического исследования потожировых следов человека : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 274.

¹⁸⁷ Рейсс Р.А. Научная техника расследования преступлений. СПб., 1912. С. 3–4.

Настаивая на обоснованности такого вывода, мы тем не менее убеждены, что обращение к специальным знаниям для проверки и оценки достоверности заключений сведущих лиц оправданно и целесообразно только тогда, когда перед следователем или судом стоит задача аргументированно подтвердить научную обоснованность заключения сведущего лица и его выводов по результатам проведенного им исследования. Прежде чем обращаться за соответствующей консультацией к специалистам, субъект процессуального познания обязан сам проанализировать проверяемое заключение, используя собственные возможности и знания, тем более что такими возможностями и сторона обвинения, и сторона защиты располагают в полной мере. И если без обращения к специальным знаниям подтвердить научную обоснованность, а значит и достоверность заключений сведущих лиц, как правило, невозможно, то обнаружить признаки недостоверности проведенного сведущим лицом исследования вполне в состоянии и следователи, и прокуроры, и судьи, хотя и не во всех случаях. Чтобы без обращения к специальным знаниям установить недостоверность заключений сведущих лиц, необходимо знать, какие признаки могут на это указывать.

Мы полагаем, что перечень таких признаков, хотя и не может быть исчерпывающим, должен охватывать заключения как экспертов, так и специалистов. В нашем представлении на их недостоверность могут указывать следующие признаки.

1. Признаки фальсификации или сомнительного происхождения исходных данных, представленных сведущему лицу для дачи заключения. К таким исходным данным относятся:

а) документы, на основании которых сведущим лицом должно проводиться исследование и даваться заключение (постановление следователя или определение суда о назначении экспертизы, иное решение уполномоченного органа о привлечении специалиста для ответа на поставленные вопросы) с приложенными к ним материалами, имеющими существенные противоречия или признаки фальсификации;

б) непосредственные объекты исследования (вещественные доказательства, документы, сами обвиняемые, потерпевшие и т. д.), попавшие в орбиту уголовного судопроизводства с нарушением процедуры, предписанной законом, либо полученные за рамками процессуальных действий;

в) сведения об обстоятельствах обнаружения, фиксации и изъятия объектов, подлежащих исследованию, которые невозможно проверить;

г) сравнительные образцы, полученные с нарушением существующих правил или вопреки предъявляемым к ним требованиям сопоставимости, несомненности происхождения и количественной достаточности;

2. Признаки субъективизма или односторонности исследования, содержащиеся в материалах, на которых основываются выводы сведущего лица. Например, если в распоряжении эксперта окажутся ходатайства стороны защиты, содержащие обоснованные предположения о существовании обстоятельств, связанных с предметом назначенной экспертизы, которые эксперт, судя по содержанию проведенных им исследований, отказался проверять. Признаки субъективизма эксперта особенно опасны, когда подтверждение версий защиты может опровергнуть сделанные в заключении эксперта выводы. Не меньшую опасность могут представлять ситуации, когда признаки односторонности исследования очевидны, например, если сведущее лицо сознательно, не имея на то оснований, отказывается от применения методов исследования, которые могут опровергнуть его выводы.

3. Признаки очевидной необоснованности или сомнительной научной обоснованности использованных сведущим лицом методов и методик. Такое случается, когда эксперт применяет устаревшие методики экспертного исследования, притом, что существуют новые, утвержденные ведомственными нормативными актами. Эта группа признаков недостоверности заключений сведущих лиц отличается от вышеперечисленных тем, что их выявление требует иногда определенных специальных знаний, достаточных, правда, на уровне простого знакомства со

специальной литературой или специальными, в основном техническими, нормами.

4. Признаки ошибочной оценки результатов проведенных исследований, обусловленные некомпетентностью сведущего лица либо сознательным их искажением. Такое нередко случается при оценке результатов идентификационных исследований, например, когда эксперт, установив групповую принадлежность, подменяет ею индивидуальное тождество. Ошибки допускают и в оценке механизма слеодообразования.

На недостоверность заключений сведущих лиц могут указывать и другие признаки, выявление которых, как правило, не требует обращения к сведущим лицам, а если и требует, то минимальных знаний, которые легко могут быть получены посредством обращения к доступным для понимания субъектами процессуального познания источникам.

Однако в большинстве своем любые сомнения в достоверности и самого специального исследования, и сформулированных на его основе выводов могут быть подтверждены только теми, кто сам вполне осведомлен в той области специальных знаний, которые требовались для ответа на поставленные сведущему лицу вопросы.

Для устранения сомнений в достоверности заключений сведущих лиц и сформулированных в них выводов закон предусмотрел возможность повторного к ним обращения, однако прямо указал на такую возможность лишь для проверки достоверности экспертных заключений. То есть путем назначения повторной экспертизы, призванной ответить на те же вопросы, которые решала первичная, но с привлечением других экспертов. Либо путем проведения дополнительной экспертизы для устранения неполноты или односторонности первичного исследования.

Между тем, в отличие от экспертизы, повторное привлечение специалистов для дачи заключений по тем же вопросам, которые ранее уже были ими решены, но их решения оказались сомнительными с точки зрения достоверности высказанных по ним суждений, закон не предусматривает. Тем

не менее, мы полагаем, что повторное обращение к специалистам с теми же вопросами вполне правомерно, хотя бы ввиду отсутствия на то законодательного запрета. Именно по этому пути идет практика.

Решая вопрос о назначении повторного исследования тех же объектов с использованием специальных знаний, следует иметь в виду, что его проведение может оказаться бессмысленным либо невозможным по ряду причин. Так, повторная экспертиза невозможна в случае полного, а иногда и частичного израсходования объекта исследования или его существенного изменения в результате разрешенного уполномоченным лицом использования разрушающих методов и средств при производстве первичной экспертизы. Кроме того, свойства исследуемого объекта могут измениться по естественным причинам (неблагоприятные условия хранения, естественное старение, внешнее воздействие сил природы и т. д.), и такие изменения сделают невозможным повторное их исследование, которое, если его все же провести, закономерно даст результаты, опровергающие выводы первичной экспертизы, но не опровергающие их достоверность. В этих случаях повторные исследования объектов с пороками их качественной определенности становятся бессмысленными или нецелесообразными. Разве что инициатор их проведения окажется заинтересованным в получении результатов, заведомо опровергающих выводы ранее проведенной первичной экспертизы. Но такое решение о повторном исследовании должно будет рассматриваться как заведомо неправосудное со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями его принятия.

Между тем проблема остается даже при существовании возможности повторного исследования и требует решения, в частности ответа на вопрос о том, как оценить достоверность заключения сведущего лица, если назначение повторного исследования невозможно, нецелесообразно или бессмысленно.

Нетрудно заметить, что и проверка, и оценка достоверности результатов применения специальных знаний, проведенные по изложенным выше правилам, возможна лишь тогда, когда такие результаты уже получены.

Очевидно, что установленная таким образом, к примеру, недостоверность источников информации будет означать невозможность их использования в познавательных целях, а значит и безрезультатность проведенной сведущим лицом работы, результатом выполнения которой они стали. Поэтому правила проверки и оценки уже полученных результатов применения специальных знаний целесообразно дополнить комплексом мер профилактического характера, предотвращающих получение от сведущих лиц недостоверных сведений.

Известно, что любая информация, получаемая в процессе раскрытия, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, может считаться достоверной при условии, если познаваемые явления отображаются в ней адекватно, в точном соответствии с их реальным содержанием, и поэтому не подлежат сомнению. Этому способствует заблаговременное принятие комплекса мер, призванных обеспечить нужный результат. О некоторых из таких обеспечительных мер мы уже говорили в предыдущих параграфах настоящей главы. Это прежде всего надлежащая проверка качеств сведущих лиц, которыми они должны обладать, чтобы быть допущенными к участию в деле. Соответственно, получение достоверных сведений можно было ожидать только от сведущего лица, компетентного в решении возникающих вопросов, лично незаинтересованного в исходе дела и независимого от других участников уголовного судопроизводства.

Между тем обладание перечисленными качествами создавало лишь необходимые предпосылки для получения от сведущих лиц достоверной информации, но еще не гарантировало ее соответствие действительности. В разное время и с разной степенью категоричности такими гарантиями, помимо отмеченных выше качеств, служили присяга сведущих лиц, принимаемая ими в форме личного обязательства объективно и беспристрастно решать поставленные задачи, предупреждение сведущих лиц об ответственности за дачу заведомо ложного заключения и некоторые другие. Как мера, предупреждающая представление сведущим лицом недостоверных сведений,

должно было восприниматься и предусмотренное еще Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. право сторон заявлять сведущим лицам отводы, правда, только до принятия ими присяги (ст. 694). Российским уголовно-процессуальным законодательством право на отвод сведущих лиц было расширено, и его стали применять без ограничений, даже когда об обстоятельствах, препятствующих их участию в производстве по делу, заинтересованная сторона заявляет повторно уже в процессе судебного разбирательства (ч. 4 ст. 62 УПК РФ).

Перечисленными мерами профилактического свойства, разумеется, не исчерпывались все способы устранения причин, порождающих необъективное, неполное или одностороннее, а в итоге и недостоверное решение сведущим лицом поставленных перед ним вопросов. Опыт исторического развития института специальных знаний в уголовном судопроизводстве подтверждает потенциальную возможность создания условий, при которых участие некомпетентных, пристрастных, необъективных сведущих лиц оказывалось максимально затруднено. Такие условия известны, но, к сожалению, сегодня в значительной части забыты и в современном отечественном судопроизводстве не применяются, несмотря на то что в свое время были регламентированы законодательством Российской империи. О них следует сказать особо.

Если присяга первой разновидности призвана гарантировать достоверность сообщаемых сведущим лицом сведений по конкретному уголовному делу, то присяга второго рода является его официально провозглашаемым обязательством полно, объективно, всесторонне и беспристрастно решать любые поставленные перед ним задачи, разумеется, в пределах своей компетенции. Принесение такой присяги (клятвы) должно стать и обязательным условием включения сведущего лица в специальный реестр, впервые предложенный для введения Р.С. Белкиным и поддержанный многими учеными. «Следует рассмотреть вопрос об учреждении корпуса присяжных судебных экспертов, – писал в своем фундаментальном «Курсе

криминалистики» профессор Р.С. Белкин, – включающего наиболее опытных квалифицированных экспертов ... списки которых будут иметься во всех следственных и судебных органах страны»¹⁸⁸.

Аналогичные предложения поддерживает и Е.В. Иванова, которая считает, что «в целях создания более благоприятных условий привлечения к судопроизводству сведущих лиц должен быть создан государственный реестр судебных экспертов, а также введен единый образец свидетельства на право производства судебных экспертиз»¹⁸⁹.

Мы полагаем, что реестр сведущих лиц мог бы стать не только источником информации о наиболее компетентных его представителях, но и помочь в организации профессионального взаимодействия представителей экспертного сообщества при решении многих вопросов, представляющих общий интерес. В частности, при выборе приоритетной тематики и проведении ими научных исследований, при обмене информацией и обсуждении новых законов, касающихся судебно-экспертной деятельности, при обобщении передовой практики использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве и т. д. При этом факт включения сведущего лица в такой реестр можно было бы рассматривать в качестве подтверждения его профессиональной репутации как добросовестного и компетентного исполнителя заданий следствия, суда или сторон по уголовным делам, к которому следует относиться с полным доверием. При этом было бы полезно на законодательном уровне установить, что только сведущие лица, сведения о которых имеются в реестре, допускаются к производству по конкретному уголовному делу без предварительной проверки их соответствия требуемым качествам, разгрузив тем самым тех участников производства по уголовному делу, на которых возложена обязанность такую проверку проводить.

---

¹⁸⁸ Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. М. : Юрист, 1997. Т. 3. С. 114.

¹⁸⁹ Иванова Е.В. Концептуальные основы использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами : дис. ... д-ра юрид. наук. Коломна, 2016. С. 360–361.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

3.1. Основания и формы привлечения специалистов в производство расследования преступлений с участием несовершеннолетних

Установление обстоятельств преступлений, совершаемых с участием несовершеннолетних, существенно отличается от способов познания таких же по своим уголовно-правовым характеристикам деяний, совершенных взрослыми. При необходимости выяснять один и тот же круг обстоятельств (ст. 73 УПК РФ) перед субъектами процессуального доказывания часто стоят дополнительные задачи, обусловленные спецификой личности преступников. Эти задачи нашли отражение в УПК РФ, который расширил предмет доказывания по делам несовершеннолетних, конкретизировав обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Так, обязательными для установления являются: возраст несовершеннолетнего, уровень психического развития и некоторые другие особенности личности, факты влияния на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц (ст. 421 УПК РФ). Значительную часть обстоятельств предмета доказывания по таким делам, в силу особенностей личности несовершеннолетних, невозможно выяснить без обращения к специальным знаниям. Об этом свидетельствуют закрепленные в УПК РФ нормативные правила их обязательного применения при расследовании преступлений, совершенных с участием детей и подростков. Например, обязательное привлечение педагога или психолога к допросу несовершеннолетнего обвиняемого (ст. 191, ч. 3 ст. 425 УПК РФ), врача для медицинского освидетельствования (ч. 4 ст. 491 УПК РФ), обязательное участие психолога при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего свидетеля и

потерпевшего по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности (ч. 4 ст. 191 УПК РФ) и т. п.

Такой подход к использованию специальных знаний при производстве расследования преступлений с участием несовершеннолетних вполне оправдан, поскольку отказ от помощи сведущих лиц для установления дополнительных обстоятельств, предусмотренных ст. 421 УПК РФ, может повлечь нарушение прав и законных интересов детей и подростков, привлекаемых к уголовной ответственности. Так, отказ следователя от назначения экспертизы для установления возраста несовершеннолетнего (п. 1 ч. 1 ст. 421 УПК РФ) или выяснения уровня его психического развития (п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ) может привести к осуждению лиц, не подлежащих уголовной ответственности по возрастным или иным показателям. Также ошибки следователя, не обратившегося к сведущим лицам с вопросом о наличии или отсутствии у несовершеннолетнего обвиняемого заболеваний, могут стать препятствием к освобождению его от наказания с применением к подростку мер воспитательного воздействия (ч. 3 ст. 421 УПК РФ).

К негативным последствиям может привести и отказ от помощи детских психологов при выяснении у несовершеннолетнего побуждений, толкнувших его к совершению преступления, а также оказываемого на него влияния, например, взрослых (п. 3 ч. 1 ст. 421 УПК РФ). Неосведомленность субъектов процессуального доказывания об истинных мотивах криминального поведения подростков может стать причиной безнаказанности тех, кто вовлек их в преступную деятельность. Негативных последствий некачественного или неполного расследования можно избежать, если следователь (суд) вовремя обратится к сведущим лицам.

Однако для того чтобы применение специальных знаний в уголовном процессе имело юридически значимые результаты, которые могут быть использованы для установления обстоятельств познаваемого события, привлечение сведущих лиц должно быть обоснованным с точки зрения закона. Общим правовым основанием для обращения к сведущим лицам всегда

признавалась потребность в использовании специальных знаний или навыков, которыми субъекты процессуального доказывания сами не владеют и поэтому не могут ответить на многие возникающие у них вопросы.

Помимо потребности в специальных знаниях правовым основанием их применения в производстве по делам с участием несовершеннолетних являются нормы уголовно-процессуального закона и иные нормативные акты, регламентирующие производство судебной экспертизы и деятельность сведущих лиц, привлекаемых по таким делам в иных правовых формах (педагогов, психологов, врачей, специалистов-криминалистов и др.). Процессуально-правовые основания содержатся, например, в нормативных определениях специалистов и экспертов (ст. 57, 58 УПК РФ), характеризующих их как сведущих лиц, способных ответить на возникающие вопросы, в иных процессуальных нормах (например, основания привлечения педагога или психолога к допросу несовершеннолетнего обвиняемого, предусмотрены ст. 425 УПК РФ). Правовым основанием обращения к экспертам может выступать круг решаемых экспертизой общих задач, установленных законом (например, ст. 2 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»), либо круг вопросов, определяемых ведомственными нормативными актами, на которые призваны отвечать эксперты той или иной специальности.

Законами и подзаконными нормативными актами определяется также разнообразие базовых правовых форм использования специальных знаний по делам о преступлениях с участием несовершеннолетних, из которых приходится всякий раз выбирать оптимальные варианты. Такой выбор может быть как безальтернативным, предписанным, например, законодателем, то есть однозначным, так и дифференцированным, основанным на праве следователя (суда) принять одно из нескольких решений о правовой форме использования специальных знаний, которое они сочтут оптимальным, то есть наиболее предпочтительным в конкретной следственной ситуации.

В безальтернативных вариантах выбора правовой формы обращение к сведущим лицам признается обязательным. Например, назначение судебно-медицинской экспертизы для установления причин смерти (ч. 1 ст. 196 УПК РФ) или привлечение педагога или психолога к допросу несовершеннолетнего (ст. 191, 425 УПК РФ) и т. д.

В случаях дифференцированного выбора правовой формы закон предоставляет участникам уголовного процесса право привлекать сведущих лиц, не ограничивая их в принятии соответствующего решения (ч. 1 ст. 168, ч. 1 ст. 195, ч. 4 ст. 425 УПК РФ и др.). Как они будут реализовывать это свое право, во многом зависит от разнообразия самих правовых форм, в которых закон допускает использование специальных знаний, от особенностей складывающейся следственной ситуации и сути вопросов, требующих привлечения сведущих лиц. Особую актуальность выбор правовых форм использования специальных знаний приобретает по делам о преступлениях с участием несовершеннолетних. Только правильно выбранные их правовые формы позволяют обеспечить правомерность обращения к сведущим лицам за решением возникающих по уголовному делу вопросов и гарантировать защиту прав и интересов несовершеннолетних, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства. Чтобы облегчить выбор оптимальной правовой формы использования специальных знаний в производстве по таким делам, есть смысл воспользоваться их системой, построенной по разным основаниям (критериям). Однако прежде чем предлагать такую систематизацию, остановимся подробнее на проблемах, возникающих при принятии решения об использовании специальных знаний по делам с участием несовершеннолетних, и путях их преодоления.

Принимая решение о том, в какой правовой форме предпочтительнее использовать специальные знания, стороны, наделенные правом к ним обращаться, должны иметь в виду разнообразие проблем, которые могут у них при этом возникнуть. Появление таких проблем, обусловлено разными факторами, и прежде всего тем, что сведущие лица, обладающие одной

профессиональной компетентностью, могут выполнять разные функции, соответственно, иметь разный правовой статус – выступать в роли и специалистов, и экспертов, и педагогов, и детских психологов, иных сведущих лиц, участие которых в производстве по делам с участием несовершеннолетних допускает закон.

Круг проблем, возникающих при принятии решений об использовании специальных знаний по делам о преступлениях с участием несовершеннолетних, можно свести к их разновидностям, разделенным на группы по разным основаниям.

1. Проблема выбора правовой формы участия сведущих лиц, имеющих разную профессиональную подготовку (разную специализацию). Решая вопрос о специализации привлекаемых сведущих лиц и о правовой форме их участия в производстве по уголовному делу, в первую очередь следует руководствоваться характером самого вопроса, требующего разрешения. В разных случаях такой выбор может быть либо однозначным, предусмотренным законом, либо альтернативным, требующим от следователя обоснования и принятия оптимального решения. Например, вменяемость подростка устанавливается только экспертом, сведущим в области судебной психиатрии, и здесь не может быть альтернативы. Для установления психологического контакта с несовершеннолетним помощь следователю могут оказать и педагог, и детский психолог, и врач общей практики, у которого ребенок проходил лечение или находился под наблюдением. В таком случае выбор делается в зависимости от складывающейся следственной ситуации, прогнозирования поведения подростка на допросе, его личностных характеристик и т. д.

2. Проблема выбора между процессуальными действиями, в равной мере позволяющими ответить на возникающий специальный вопрос и требующими привлечения сведущих лиц, обладающих одинаковой профессиональной подготовкой, но имеющих разный процессуальный статус (специалист или эксперт). Если следователю предстоит делать выбор между сведущими

лицами, которые в силу своей профессиональной подготовки могут выполнить его задание, но имеют разный процессуальный статус, то ему приходится руководствоваться иными, дополнительными к осознанию сущности поставленного вопроса критериями. В частности, исходить из пределов полномочий сведущих лиц, установленных законом (ст. 57 и 58 УПК РФ), либо из критериев, рекомендуемых наукой, позволяющих отдавать предпочтение тем или иным сведущим лицам. Если, к примеру, требуется опытным путем проверить способность несовершеннолетнего правильно воспринимать то или иное событие (явление) и адекватно его описывать, то следователь вправе провести либо следственный эксперимент, и тогда помощь в его проведении может оказать специалист в области педагогики или детской психологии, либо назначить судебную психолого-психиатрическую экспертизу, то есть использовать специальные знания в форме привлечения эксперта для дачи заключения по возникшим вопросам. С точки зрения криминалистической науки более доступным вариантом для использования специальных знаний считается следственный эксперимент, как правило, не требующий, по сравнению с экспертизой, затрат сил, времени и средств. Однако с точки зрения научной обоснованности и достоверности результатов, а значит и их доказательственной силы предпочтительнее назначить судебную экспертизу. Выбор следователю приходится делать в каждом конкретном случае, руководствуясь особенностями складывающейся следственной ситуации, поставленной целью, имеющимися в его распоряжении материальными ресурсами и т. д.

3. Проблема выбора между разными по своему процессуальному статусу сведущими лицами, решающими одни и те же вопросы по делам о преступлениях, совершаемых с участием несовершеннолетних. Следователи, выбирая наиболее предпочтительный статус сведущего лица, чаще исходят не из разнообразия функций экспертов и специалистов, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, а из сугубо прагматичных соображений:

- из экономии сил, времени и средств, в том числе из доступности, наличия в конкретном учреждении не занятых другими делами специалистов или экспертов нужной квалификации и др. (18 %);

- из личных качеств конкретных сведущих лиц (авторитета, практического опыта работы с несовершеннолетними, получившего достойную оценку, качества выполнявшейся ранее аналогичной работы и др. – 54 %);

- из анализа последствий привлечения сведущего лица, основанного на прогнозировании результатов принятия такого решения с точки зрения возможного изменения следственной ситуации в более или менее благоприятную сторону и др. (28 %).

4. Проблема выбора между сведущими лицами, привлекаемыми к производству по делам несовершеннолетних, имеющими один и тот же правовой статус и сходные полномочия, но разную профессиональную подготовку. По рассматриваемой категории уголовных дел уже многие годы дискуссионным остается вопрос о разграничении функций педагога и психолога, участвующих в допросе несовершеннолетних. Этот вопрос привлекал внимание ученых и раньше¹⁹⁰, но до сегодняшнего дня так и не нашел однозначного решения.

Ряд проблем, связанных с участием педагогов и психологов в производстве следственных действий, до сих пор не решены. Например, проблема оптимального выбора между психологом и педагогом при принятии

---

¹⁹⁰ См.: Гатауллина Г.И. Особенности предмета доказывания по делам несовершеннолетних с психическими аномалиями // РИО БашГУ. 2003 ; Каневский Л.Л. Дискуссионные проблемы участия педагога и психолога в судопроизводстве по делам несовершеннолетних // Судебно-правовая реформа и пути повышения эффективности правоохранительной деятельности. Уфа, 1993. С. 57–65 ; Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. М. : Дело, 2010 ; Елагина Е.В., Григорян Г.С. Криминалистические и процессуальные аспекты привлечения педагога и психолога к производству следственных действий с участием несовершеннолетних // Криминалистика. 2010. № 2 (7). С. 66–70 ; Курмаева Н.А. Проблемы участия специалиста-психолога в допросе несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых // Юридический журнал. 2009. № 1. С. 147.

решения об их привлечении к производству следственных действий с участием несовершеннолетних. Безальтернативный подход в решении данного вопроса законодатель предусмотрел лишь для одного случая – участия психолога (но не педагога) в следственных действиях по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, то есть в отношении только потерпевшего (ч. 4 ст. 191 УПК РФ). В остальном никаких ориентиров для выбора между педагогом и детским психологом закон следователю не предоставляет, видимо, полагая, что основой принятия соответствующего решения должны стать иные критерии, которые не нуждаются в нормативном закреплении. В частности, следователь может исходить из существа вопроса, на который предстоит ответить сведущему лицу, характера и особенностей складывающейся следственной ситуации, зависящей от сложившихся взаимоотношений с несовершеннолетним, тем более что такие взаимоотношения часто отличаются не столько взаимопониманием, сколько активным противодействием следствию со стороны подростка, а бывает, и предвзятостью следователя в оценке личности несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) либо особенностей его поведения.

Но если следственную ситуацию следователь вполне в состоянии оценить сам, то разграничить знания, требуемые для решения конкретного вопроса, ему удастся далеко не всегда, поскольку трудности с их разграничением в известной мере обусловлены издержками процессуального законодательства. Не последнюю роль в создании таких трудностей сыграл, например, тот факт, что законодатель, применив разделительный союз «или» («педагог или психолог»), поставил следователя перед необходимостью выбирать лишь одного из предлагаемых законом сведущих лиц: либо педагога, либо психолога. Возможно, предлагая альтернативу, законодатель не вполне сознавал, что для того, чтобы сделать правильный выбор, следователю необходимо самому разбираться в тонкостях детской психологии и педагогики, знать определенно, чем эти две отрасли специальных знаний

отличаются друг от друга, кругом каких решаемых ими специальных вопросов. То, что такие отличия существуют и заключаются в разной профессиональной подготовке педагогов и психологов, сомневаться не приходится. Одни получают педагогическую подготовку, то есть специализируются на воспитании и обучении детей ¹⁹¹, другие – психологическую, основанную на знании закономерностей психической деятельности молодого человека ¹⁹². И те и другие знания в уголовном судопроизводстве являются специальными, которыми ни следователь, ни суд, ни дознаватель, ни прокурор, ни тем более сторона защиты владеть не обязаны. Поэтому при решении вопроса, кому из двух сведущих лиц – педагогу или психологу – следует отдать предпочтение в конкретной следственной ситуации, трудно бывает обойтись без консультаций со специалистами. Риск принять ошибочное решение при выборе между педагогом и психологом достаточно велик, чтобы отказываться и от использования рекомендаций науки. Можно, конечно, пойти по радикальному, но явно не самому лучшему пути, который предложил А.Н. Попов, призвав исключить педагога из УПК ¹⁹³. Реализация такого предложения означала бы, на наш взгляд, полный отказ от воспитательного воздействия правосудия на детей, совершающих противоправные поступки, как известно, в значительной своей части обусловленные именно издержками воспитания.

Однако нельзя не признать и тот факт, что с криминалистическим обеспечением соответствующими рекомендациями следователей и судей, решающих вопросы привлечения к производству по делам с участием несовершеннолетних педагогов или психологов, тоже не все просто и очевидно. За многие годы, в течение которых учеными исследовалась данная

---

¹⁹¹ Ожегов С.А., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С. 497.

¹⁹² Там же. С. 830.

¹⁹³ Попов А.Н. Правоведение. Производство по делам о преступлениях несовершеннолетних : учебное пособие. Красноярск, 2004. С. 74.

проблема, таких рекомендаций было выработано немало, причем самых разнообразных и даже порой противоречащих друг другу либо вызывающих новые вопросы. Примером такого рода рекомендаций по разграничению педагога и психолога может стать идея М.А. Шуваловой, сформулированная так: «...педагог в уголовном процессе ограждает несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого от возможного отрицательного влияния допроса на его воспитание, психолог помогает избежать повышенного психологического давления на несовершеннолетнего»¹⁹⁴.

Вряд ли, однако, предложенные автором отличия дают ответ на вопрос о разграничении функций педагога и психолога, поскольку все, что помогает избежать повышенного психологического давления на несовершеннолетнего, является одновременно и способом оградить несовершеннолетнего обвиняемого от возможного отрицательного влияния на его воспитание.

Между тем подобных рекомендаций, как мы уже отмечали, дано немало. В итоге большое количество внесенных предложений по разделению функций педагога и психолога, участвующих в производстве по делам несовершеннолетних, при отсутствии единого критерия для их упорядочивания создали дополнительные трудности с реализацией собственных авторских идей. Особенно в контексте предложений по законодательному закреплению выдвинутых разными авторами критериев разграничения функций педагога и психолога, участвующих в следственных действиях по делам несовершеннолетних. Так, например, уже упоминавшаяся М.А. Шувалова пишет, что «данное решение не должно оставаться на усмотрение следователя, дознавателя, судьи», его следует урегулировать на законодательном уровне посредством дифференцированного подхода к выбору между психологом и педагогом¹⁹⁵.

---

¹⁹⁴ Шувалова М.А. Участие психолога и педагога в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2019. С. 45.

¹⁹⁵ Там же. С. 34.

Мы не будем подробно останавливаться на всем многообразии мнений ученых, касающихся дифференциации функций педагога и психолога, тем более что они подробно описаны в литературе¹⁹⁶. Главным, на наш взгляд, является не формулировка и даже не исчерпывающее перечисление всех отличительных признаков педагога и психолога, а приведение критериев разграничения этих двух сведущих лиц в некую общую систему, позволяющую сориентировать следователя или суд, подсказав им, как правильнее действовать в случае возникновения альтернативы, требующей принятия одного из двух решений. Такая система, по нашему мнению, должна отражать не только всю совокупность отличительных признаков, лежащих в основе разнообразия правовых форм использования специальных знаний при расследовании и разрешении уголовных дел о преступлениях, совершенных с участием несовершеннолетних, но и то общее, что объединяет педагогов и психологов. А общими для этих двух правовых форм привлечения сведущих лиц являются в первую очередь вопросы, к решению которых в силу их профессиональной ориентации могут привлекаться оба сведущих лица путем использования каждым своих особых методов и средств познания. Такие общие и для педагога, и для психолога вопросы, решаемые ими при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних, мы предлагаем распределить по трем группам.

Первая группа – это вопросы, решаемые педагогом и психологом в порядке оказания помощи следователю (суду) при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних. Они решаются путем:

---

¹⁹⁶ См., например: Гатауллина Г.И. Особенности предмета доказывания по делам несовершеннолетних с психическими аномалиями // РИО БашГУ. – 2003 ; Елагина Е.В., Григорян Г.С. Криминалистические и процессуальные аспекты привлечения педагога и психолога к производству следственных действий с участием несовершеннолетних // Криминалистика. 2010. № 2 (7). С. 66–70 ; Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. М. : Дело, 2010 ; Курмаева Н.А. Проблемы участия специалиста-психолога в допросе несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых // Юридический журнал. 2009. № 1. С. 147 ; Шувалова М.А. Указ. соч. С. 33–48.

- дачи соответствующих консультаций следователю;
- оказания помощи в налаживании коммуникации с несовершеннолетним при подготовке и проведении следственного действия с их участием;
- преодоления негативного восприятия деятельности следствия и суда;
- пресечения попыток противодействовать расследованию со стороны несовершеннолетних и других участников процесса.

Помощь сведущих лиц посредством консультирования следователей (судей) может быть полезной при решении следующих вопросов:

- каких узких специалистов следует привлечь к тому или иному следственному действию при известных данных о предмете предстоящего общения с несовершеннолетним и сведениях о его личности;
- что можно ожидать от несовершеннолетнего, привлекаемого к конкретному следственному действию, как может меняться его поведение в процессе предстоящего общения со следователем;
- как правильно общаться с несовершеннолетним в процессе производства следственного действия с его участием, чтобы достичь поставленных целей;
- какие вопросы допустимы, а какие не следует задавать конкретным несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым) в процессе общения с ними и др.

Круг вопросов, решаемых в порядке оказания следователю помощи в налаживании коммуникации с несовершеннолетними, сводится в основном к установлению и поддержанию психологического контакта. Без установления такого контакта невозможно решить и другие вопросы – преодолеть негативное отношение несовершеннолетнего к должностным лицам, ведущим расследование или рассматривающим его дело, пресечь попытки противодействовать следствию и т. д.

Вторая группа вопросов – это решаемые педагогом и психологом вопросы в порядке оказания помощи несовершеннолетним. Эти вопросы,

решаемые в равной мере и педагогом, и психологом, охватывают принятие мер по оказанию помощи несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым), привлеченным следователем (судом) к производству следственных действий. Эти меры должны быть ориентированы на охрану прав и законных интересов детей, попавших в орбиту уголовного судопроизводства. Среди вопросов, решаемых в рамках второй группы, важнейшими являются вопросы принятия мер педагогического или психологического характера, ограждающих несовершеннолетних обвиняемых и подозреваемых от негативного воздействия на них со стороны следователя. Участвуя в общении с несовершеннолетним, педагоги и психологи, кроме того, могли бы оказать существенную помощь в получении от них правдивых показаний.

Третья группа – вопросы, решаемые педагогом и психологом в рамках выполнения задания следователя (суда), но самостоятельно. Их особенность состоит в том, что эти вопросы решаются посредством дачи специалистами и экспертами заключений на основании самостоятельно проведенной аналитической работы. Имеется в виду как производство судебной экспертизы, требующей от эксперта педагогической или психологической подготовки, так и деятельность специалиста (педагога или психолога), осуществляемая в порядке выполнения функций, предусмотренных ч. 1 ст. 58 УПК РФ, как и экспертиза, завершающаяся дачей заключения (ч. 4 ст. 80 УПК РФ).

К этой группе следует отнести и вопрос о сведущих лицах любой специализации, а не только педагогов и психологов, самостоятельно производящих отдельные следственные действия с участием несовершеннолетних. УПК РФ допускает такую самостоятельность сведущих лиц лишь в форме медицинского освидетельствования несовершеннолетних (ст. 179 УПК РФ), оформляемого не протоколом, а заключением, в процессуальном смысле не являющимся ни заключением специалиста, ни заключением эксперта, и путем получения экспертом сравнительных образцов у несовершеннолетних обвиняемых в рамках назначенной ему экспертизы. В

остальном сведущие лица действуют исключительно под контролем следователя и только в рамках проводимых им следственных действий.

Еще более ограничена самостоятельность самой распространенной группы сведущих лиц, участвующих в производстве по делам несовершеннолетних, а именно педагогов и психологов. Будучи, например, привлеченными к допросу несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), они по закону вправе лишь задавать допрашиваемому вопросы, и только с разрешения следователя, проводящего данное следственное действие (ч. 5 ст. 425 УПК РФ).

Возвращаясь к вопросу о правовых формах использования специальных знаний в расследовании и рассмотрении уголовных дел о преступлениях, совершаемых с участием несовершеннолетних, мы считаем важным обратить внимание на перспективы их систематизации. Для этого можно предложить комплекс оснований, позволяющих выбирать оптимальные варианты таких форм с учетом особенностей расследования преступлений с участием несовершеннолетних. Нами уже предлагались общие основания разграничения правовых форм использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве и общая их структура (п. 1.2 настоящей работы). Интерпретация этой общей схемы и ее адаптация к исследуемой сфере деятельности была бы, на наш взгляд, вполне уместной. Применив такую схему к производству расследования уголовных дел с участием несовершеннолетних, можно представить себе и систему правовых форм использования специальных знаний по таким делам. В этой системе все они могут быть распределены по двум большим группам. Первая будет включать в себя формы, выделенные по процессуальным основаниям, вторая – по криминалистическим. Таким образом, система правовых форм использования специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних может быть представлена в следующем виде.

1. По процессуальному статусу участников расследования и рассмотрения уголовных дел о преступлениях с участием

несовершеннолетних, наделенных правом обращаться к сведущим лицам за разрешением вопросов, требующих специальных знаний и навыков. По данному основанию все правовые формы можно разделить таким образом:

- привлечение специальных знаний субъектами процессуального доказывания (дознавателем, следователем, прокурором, судом) путем обращения к сведущим лицам любых специальностей, кроме тех, которыми они в силу возложенных на них функций обязаны владеть сами;

- привлечение специальных знаний несовершеннолетними участниками или их представителями, нуждающимися в разъяснении вопросов специального характера. Состав таких специальных знаний может быть любым.

2. По процессуальному статусу сведущих лиц, привлекаемых к производству по делам несовершеннолетних, правовые формы использования их специальных знаний могут быть представлены следующими разновидностями:

- использование специальных знаний сведущими лицами, выступающими в статусе специалистов (оказание помощи сторонам процесса, разъяснение возникающих специальных вопросов, консультирование и дача заключений). Такая форма реализуется путем: а) привлечения специалистов к производству процессуальных действий с участием несовершеннолетних, организуемых сторонами или судом; б) постановки вопросов, ответы на которые требуют специальных знаний или навыков, и дачи по ним заключения;

- использование специальных знаний экспертами, решающими вопросы, относящиеся к предмету доказывания по делам о преступлениях, совершаемых с участием несовершеннолетних: 1) о личности несовершеннолетнего: а) его возрасте, психологическом состоянии, издержках воспитания и др.; б) уровне психического или физического развития; в) способности адекватно воспринимать события и оценивать их и

др.; 2) о способах совершения преступлений, в том числе под влиянием взрослых, и т. д.;

– использование специальных знаний иными сведущими лицами, правовой статус которых отличен от статуса специалиста и эксперта: а) переводчиков; б) врачей, проводящих медицинское освидетельствование несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) в порядке ч. 4 ст. 421 УПК РФ или освидетельствование несовершеннолетнего лица другого пола на основании ч. 5 ст. 181 УПК РФ; в) педагогов и психологов, участвующих в допросе несовершеннолетнего, и других обладателей специальных знаний или навыков.

3. По процессуальным функциям сведущих лиц, привлекаемых к проведению следственных действий с участием несовершеннолетних. В этом случае правовые формы использования специальных знаний могут быть разделены на следующие подвиды:

– оказание следователю (суду) содействия в обнаружении, закреплении, изъятии источников доказательственной информации и их сохранении. В такой форме будет, к примеру, действовать специалист-криминалист, привлеченный к осмотру для обнаружения на месте преступления следов, указывающих на личность несовершеннолетнего преступника, его возраст, особенности поведения и т. д. В форме оказания содействия следствию действует и врач, проводящий освидетельствование несовершеннолетнего, и эксперт, отбирающий у несовершеннолетнего сравнительные образцы для предстоящей экспертизы;

– проведение сведущим лицом по заданию следователя (суда) исследований следов, предметов, документов, материалов уголовных дел и т. д. В такой правовой форме реализуют свои специальные знания и навыки, например, сведущие лица, привлеченные для проверки сообщений о преступлении, эксперты или специалисты-психологи, дающие заключения о психологическом состоянии подростка, в том числе до возбуждения

уголовного дела, эксперты, решающие вопросы о вменяемости, возрасте, психических заболеваниях несовершеннолетнего и др.;

– исполнение судебных решений, требующих применения специальных педагогических (а возможно, и психологических) знаний, например, применение принудительных мер воспитательного характера в отношении несовершеннолетних обвиняемых или подсудимых путем их направления по решению суда в специализированные воспитательные учреждения (ст. 427, 431, 432 УПК РФ).

4. По доказательственному значению результатов все правовые формы использования специальных знаний по делам о преступлениях, совершаемых с участием несовершеннолетних, могут быть представлены следующими видами:

– правовые формы использования специальных знаний, результаты которого являются самостоятельными источниками доказательств: заключения специалиста и эксперта, протоколы допроса специалиста и эксперта;

– правовые формы использования специальных знаний, результаты которого приобретают доказательственное значение, только будучи закрепленными в протоколе следственного действия, проведенного с участием сведущего лица. Такими результатами могут быть вещественные доказательства, обнаруженные специалистом на месте происшествия и несущие информацию о личности несовершеннолетнего;

– правовые формы использования специальных знаний, результаты которого имеют ориентирующее значение: оценка специалистом-криминалистом документа, обнаруженного при проведении обыска по месту жительства несовершеннолетнего, как составленного, по всей вероятности, подростком; оценочные суждения специалистов о достоверности выводов психолого-психиатрических экспертиз несовершеннолетних об уровне их развития, способности воспринимать те или иные явления и давать им надлежащую оценку и др.

5. По способу реализации правовых форм использования специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных с участием несовершеннолетних:

а) обязательное привлечение сведущих лиц для решения поставленных вопросов: назначение экспертизы для установления возраста несовершеннолетнего, участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля или обвиняемого (ст. 191, 425 УПК РФ), медицинское освидетельствование несовершеннолетнего обвиняемого (ч. 4 ст. 421 УПК РФ) и др.;

б) факультативное привлечение сведущих лиц, осуществляемое по усмотрению следователя, суда, сторон в процессе. Эта форма использования специальных знаний может быть ограничена только спектром возложенных на соответствующего участника судопроизводства процессуальных функций.

Перечисленными основаниями деления и предлагаемым нами распределением форм использования специальных знаний по группам, разумеется, не исчерпываются все возможности их систематизации. Разнообразие таких правовых форм, как уже говорилось, должно быть дополнено формами, которые различаются в предлагаемой системе по криминалистическим критериям: а) по видам преступлений, совершаемых несовершеннолетними, познание которых требует использования специальных знаний и навыков; б) по специфике отраслей знания, используемых в уголовных делах о преступлениях с участием несовершеннолетних в качестве специальных; в) по этапам расследования дел о преступлениях, совершаемых с участием несовершеннолетних, выделяемых в структуре частной криминалистической методики (в рамках доследственной проверки, на первоначальном, последующем и завершающем этапах) и др.

3.2. Криминалистические проблемы привлечения сведущих лиц к производству проверочных действий на стадии возбуждения

уголовного дела при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних

Познание события преступления всегда начинается с получения первых о нем сведений, иначе говоря, с возникновения поводов к возбуждению уголовного дела. Полученные данные надлежит проверить, чтобы подтвердить или опровергнуть факт совершения преступления и принять соответствующее решение. В.Н. Махов справедливо отмечает, что «нельзя игнорировать вопрос использования знаний сведущих лиц в стадии возбуждения уголовного дела, поскольку результаты этого использования нередко оказывают существенное влияние на полноту, всесторонность, объективность доказывания на предварительном следствии и суде»¹⁹⁷.

В период действия УПК РСФСР трудности проведения такой проверки и, соответственно, принятия обоснованного решения были вызваны ограниченными возможностями органов дознания и следствия по производству процессуальных действий на этой стадии уголовного процесса. В ст. 109 УПК РСФСР сказано: «По поступившим заявлениям и сообщениям могут быть истребованы необходимые материалы и получены объяснения, однако без производства следственных действий, предусмотренных настоящим Кодексом». Исключением из этого общего правила был осмотр места происшествия (ч. 2 ст. 178 УПК РСФСР).

При таких законодательных ограничениях избежать принятия ошибочного решения можно было лишь, если в качестве оснований возбуждения уголовных дел использовались достоверные источники информации. Установить же достоверность получаемой в ходе следственной проверки информации при недостаточности допускаемых законом познавательных средств, прежде всего специальных знаний, было

---

¹⁹⁷ Махов В.Н. Избранные научные труды по уголовному процессу. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 85.

подчас невозможно, а значит невозможно с уверенностью судить о криминальном характере имевшего место события, то есть решать главную задачу стадии возбуждения уголовного дела. Ни производство экспертизы, ни участие специалиста в проводимой проверке уголовно-процессуальным законом не предусматривалось, кроме привлечения сведущего лица к осмотру места происшествия (ч. 2 ст. 179 УПК РСФСР). Это создавало известные препятствия для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Например, в случае обнаружения у задержанного белого порошка, предположительно относящегося к наркотическим веществам, подтвердить его принадлежность к таковым можно было, только проведя специальные исследования. Подобные трудности возникали не только по делам о незаконном обороте наркотиков, но и по другим, например, при обнаружении предметов контрабанды, которые могли представлять значительную художественную, историческую или культурную ценность, трупов без явных признаков насильственной смерти, получении сообщений об иных преступлениях, криминальный характер которых неочевиден. И поэтому, чтобы убедиться в достоверности сведений о преступном характере проверяемого события, приходилось обращаться к непроцессуальным формам использования знаний и навыков сведущих лиц, понимая, что результаты проводимых ими исследований не будут иметь доказательственного значения.

Проблема допустимости судебной экспертизы особо остро стояла при решении вопроса о возбуждении уголовных дел против несовершеннолетних, чей возраст, устанавливаемый с достоверностью только судебно-медицинской экспертизой, играл существенную роль. Отсутствие права в полной мере и на законных основаниях использовать при проверке заявлений и сообщений о преступлении специальные знания заметно сказывалось на обоснованности принимаемых по результатам ее проведения решений, вынуждая следователя ограничиваться не достоверным, а предположительным знанием о криминальном характере проверяемого события. Казалось бы, чем раньше будет возбуждено уголовное дело, тем больше возможностей для

подтверждения факта преступления будет в распоряжении следователя (органа дознания). Однако преждевременное возбуждение уголовного дела, то есть без достаточных оснований, может привести к еще одной крайности – к последующему его прекращению.

Решить данную проблему можно было двумя способами: либо закрепить в законе право компетентных органов начинать производство по делу при наличии к тому лишь повода, либо предоставить следователю (дознавателю) более широкие полномочия по выбору способов проверки сведений о преступном характере имевшего место события, в том числе с использованием специальных знаний. То есть разрешить проведение комплекса процессуальных действий, включая производство судебных экспертиз, на стадии возбуждения. Уголовно-процессуальное законодательство современной России пошло второму пути – в 2013 г. ст. 144 УПК РФ была дополнена перечнем допускаемых на стадии возбуждения уголовного дела следственных действий.

Соблюдать это условие для начала полноценного расследования уголовного дела, как нам представляется, сегодня не менее важно, чем сто и более лет назад. В особенности по делам о преступлениях, совершенных с участием несовершеннолетних. Иначе допущенная в оценке проверяемого события ошибка может иметь тяжелые, а иногда и непоправимые последствия, прежде всего для подростка, даже когда удастся исправить ошибочное привлечение несовершеннолетнего к уголовной ответственности, прекратив производство по его делу на ранних стадиях, то есть не доводя дело до суда.

Ярким примером ошибочного привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности являются материалы уголовного дела, по которому 15-летнего подростка привлекли к уголовной ответственности и

осудили за незаконное хранение и сбыт наркотических средств, хотя уголовная ответственность за данное преступление предусмотрена с 16 лет¹⁹⁸.

Поэтому подтверждение достоверности сведений, лежащих в основании принятия решения о возбуждении уголовного дела о преступлениях, совершенных с участием несовершеннолетних, нельзя откладывать. Проблему надо начинать решать сразу после получения информации о совершенном преступлении. Очевидно, что без привлечения современных достижений криминалистической науки, техники, специальных знаний зачастую сделать это невозможно. Прав был И.Н. Соротягин в том, что «своевременное разрешение проблемной следственной ситуации во многом зависит от умелого применения следователем психологических, психофизиологических, судебно-медицинских, криминалистических, судебно-психиатрических и других специальных знаний»¹⁹⁹.

Круг совершаемых с участием несовершеннолетних преступлений достаточно обширен – от корыстных (краж, вымогательств, мошенничества и др.) до насильственных действий, совершаемых по иным мотивам (причинение телесных повреждений из мести, из хулиганских побуждений, убийства в драках, немотивированные истязания, изнасилования и др.).

Особым случаем криминального поведения несовершеннолетних являются заведомо ложные доносы, которые дети часто заявляют, попав под влияние взрослых. Их распознавание на начальных стадиях проверки полученных сведений о якобы совершенном преступлении представляет известную сложность, поскольку в поданных несовершеннолетними заявлениях содержится информация с обвинениями в адрес третьих лиц, которую надлежит проверять в первоочередном порядке. Вполне объяснимое желание представителей правоохранительных органов поскорее найти и

---

¹⁹⁸ Архив Демского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. Уголовное дело № 1-35/2022.

¹⁹⁹ Соротягин И.Н. Криминалистические проблемы использования специальных познаний в расследовании преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 281.

наказать виновного в совершении преступления против ребенка может сказаться на объективности проверки полученного заявления, часто сопровождаемой чрезмерным увлечением одной только обвинительной версией, построенной в поддержку «жертвы», при игнорировании иных объяснений проверяемого события. Между тем, решая главную задачу, состоящую в подтверждении или опровержении заявленной ребенком версии о совершении преступления, следователь не должен исключать вероятность заведомо ложного доноса. Чтобы этого не случилось, параллельно с проверкой сообщения о преступлении надлежит проверять и контрверсию, то есть предположение о его недостоверности. Такую проверку следует начинать с анализа содержания поданного несовершеннолетним заявления о якобы совершенном против него или иного лица преступлении. На недостоверность содержащихся в таком заявлении сведений могут указывать: а) внутренние противоречия при изложении обстоятельств описываемого в заявлении события, носящего, по утверждению заявителя, криминальный характер; б) несоответствие заявленной информации о преступлении общеизвестным или установленным первыми проверочными действиями фактам, например, противоречия заявления несовершеннолетнего сведениям, содержащимся в его объяснении; в) наличие в заявлении признаков материального либо интеллектуального подлога, особенно когда заявление подается представителем несовершеннолетнего от его имени либо самим несовершеннолетним с проставленными под его заявлением сомнительными подписями взрослых членов его семьи, якобы подтверждающих содержащиеся в заявлении сведения. На фальсификацию заявления о преступлении могут указывать:

- внесенные в документ исправления дат или иных реквизитов;
- очевидная разница в почерке, которым написаны отдельные фрагменты рукописного текста заявления;
- выполнение текста заявления выработанным почерком, не характерным для несовершеннолетних;

- наличие признаков письма под диктовку (неоправданные остановки, изменение темпа письма в разных частях рукописного текста и др.);
- использование слов и выражений, свойственных взрослым, и др.

Для распознавания указанных признаков целесообразно провести следственный осмотр заявления, поданного несовершеннолетним или от его имени, с привлечением специалиста в области криминалистического исследования документов или назначить экспертизу (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). При получении объяснений и опросе несовершеннолетнего потерпевшего целесообразно привлекать специалиста в области детской или юношеской психологии, чтобы помочь следователю в установлении психологического контакта и «создании позитивной установки, выявлении и профилактики воздействия на несовершеннолетнего со стороны родителей, законных представителей, предупреждения внушения и искажения информации об обстоятельствах преступления с их стороны»²⁰⁰.

Так, в Уфимский межрайонный следственный отдел обратилась гражданка Г. с заявлением, что ее супруг М. совершает насильственные действия сексуального характера в отношении трех своих несовершеннолетних детей. Следователь в ходе получения объяснения от М. выяснил, что их отношения с супругой уже длительное время находятся на стадии развода. Также следователь обратил внимание, что в ходе опроса подростки всегда смотрели на реакцию матери и давали объяснения заученными фразами. Следователь обратился к специалистам-психологам из центра психолого-педагогической помощи «Семья» г. Уфа. Специалисты установили психологический контакт с несовершеннолетними, провели с

---

²⁰⁰ Кот Е.А. Расследование преступлений, совершенных в сети интернет, связанных с побуждением несовершеннолетних к суициду : дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2022. С. 191.

ними беседу, изучили их рисунки, сумели выяснить, что они боятся мать и поэтому вынуждены были оговорить отца²⁰¹.

Проблема достоверности сведений, содержащихся в заявлениях о преступлении, непосредственно связана с проблемой уголовной ответственности за заведомо ложный донос, о чем заявитель всегда предупреждается при подаче своего заявления (ч. 6 ст. 141 УПК РФ). Это общее правило, имеющее цель предотвратить обвинение невиновного, не распространяется на несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности (ст. 306 УК РФ), чем нередко пользуются взрослые, инициирующие уголовное преследование своих «врагов» для решения собственных, часто корыстных устремлений, например, с целью присвоить чужое имущество, из мести, ревности и т. д. Для достижения таких целей взрослые нередко привлекают детей, зная, что они не несут уголовной ответственности за заведомо ложный донос. Проблема усугубляется тем, что закон не устанавливает никаких ограничений в отношении заявителей о преступлении, ни возрастных, ни по уровню их физического или психического развития. Главное, чтобы источник первичной информации не был анонимным (ч. 7 ст. 141 УПК РФ). Вероятно, такое решение законодателя имеет основание, и не столь важно, кто сообщает о преступлении, главное – своевременно на него отреагировать. Тем более что согласно УПК РФ уголовные дела возбуждаются не по заявлениям заинтересованных лиц, а только при наличии достаточных к тому оснований. Однако этот, в принципе, правильный подход к условиям реагирования на сообщения о преступлении не должен влечь за собой освобождение инициаторов возбуждения уголовных дел от ответственности за заведомо ложный донос, что реально происходит, когда взрослые привлекают детей для подачи заявлений о преступлениях третьих лиц, которые на самом деле их не совершали.

---

²⁰¹ Результаты интервьюирования следователей Следственного комитета РФ по Республике Башкортостан.

Рассматриваемая проблема обсуждалась в литературе, по ней были высказаны различные суждения²⁰². Не вдаваясь в дискуссию²⁰³, мы тем не менее считаем целесообразным ввести в УПК правило, поддержанное рядом ученых, согласно которому заявления детей о совершенном в отношении них преступлении могут стать поводами к возбуждению уголовного дела только при условии, если они подписаны законными представителями, предупрежденными об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, или поданы ими от имени несовершеннолетних²⁰⁴. Это правило, с одной стороны, может стать «дисциплинирующим» фактором для родителей, ответственных за воспитание ребенка, заявляющего о несуществующем преступлении, с другой стороны, профилактическим средством против недобросовестных взрослых, пользующихся «услугами» детей для сведения личных счетов.

Поводами к возбуждению уголовных дел о преступлениях, совершаемых с участием несовершеннолетних, помимо заявлений и сообщений могут стать и иные источники информации (ч. 1 ст. 140 УПК РФ). Особенности их проверки обусловлены теми обстоятельствами преступления, необходимостью установления которых определяется круг задач, дополнительно решаемых на стадии возбуждения уголовного дела о преступлениях, совершаемых с участием несовершеннолетних, независимо от их вида. А именно потребностью подтвердить не только факт совершения преступления (его объективную сторону), но и установить некоторые данные

---

²⁰² Анализ проблемы подробно приводится в: Галимов О.Х. Проблемы правового регулирования уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1997. С. 97–121

²⁰³ См.: Михайленко А.Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. Саратов, 1975 ; Николюк В.В., Кальницкий В.В., Марфицин П.Г. Стадия возбуждения уголовного дела. (В вопросах и ответах). Омск, 1995 ; Гуковская Н.И., Долгова А.И., Миньковский Г.М. Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях несовершеннолетних. М. : Юридическая литература, 1974 и др.

²⁰⁴ См., например: Николюк В.В., Кальницкий В.В., Марфицин П.Г. Указ. соч. С. 9 ; Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений : монография. Волгоград : ВЮИ МВД России, 1997. С. 191.

о личности предполагаемого преступника, поскольку не может быть возбуждено уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, не достигшего возраста уголовной ответственности. В таких случаях дела возбуждаются только по факту имевшего место криминального события. Даже при наличии достаточных оснований полагать, что в преступлении участвовали несовершеннолетние, не подлежащие уголовной ответственности, факта совершенного ими преступления достаточно для возбуждения уголовного дела, по крайней мере для выяснения причастности к преступлению взрослых, вовлекших несовершеннолетнего в преступную деятельность. Большое значение к тому же имеет психическое состояние несовершеннолетнего потерпевшего, который, к примеру, на момент совершения преступления и на момент подачи заявления не осознавал фактический характер совершаемых с ним действий.

Для проверки достоверности полученных сведений о преступлении уголовно-процессуальный закон предоставляет следователю (дознавателю) широкие полномочия как по производству следственных действий, перечень которых дополнен в 2013 г., так и оперативно-розыскных мероприятий, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела по письменному поручению следователя (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Сегодня перечень следственных действий, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела, включает в себя помимо осмотра места происшествия:

- а) следственный осмотр документов, предметов, трупов;
- б) получение образцов для сравнительного исследования;
- в) освидетельствование;
- г) производство по требованию следователя (дознавателя) документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов;
- д) истребование документов и предметов, их изъятие в порядке, установленном УПК РФ.

Важным новшеством уголовно-процессуального закона в части регламентации правил проведения доследственной проверки стало и предоставление следователю (дознавателю) права привлекать к участию во всех этих мероприятиях специалистов, а также «назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта» (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

Эти изменения существенно расширили возможности не только получения на первой стадии уголовного процесса важной информации, но и подтверждения ее достоверности путем использования специальных знаний, причем в любой правовой форме: от участия специалиста в следственных и иных проверочных действиях, до назначения и производства судебной экспертизы.

Но вместе с тем появились и проблемы, возникающие уже при получении сведений о преступлении, совершенном несовершеннолетним, или о котором несовершеннолетний заявляет, заключающиеся в проверке их достоверности. От их решения во многом зависит и подтверждение факта совершения уголовно наказуемого деяния, и причастность к нему несовершеннолетних, а значит и соблюдение на стадии возбуждения уголовного дела прав детей и подростков, участвовавших в преступлении.

Проверить и убедиться в достоверности первичных данных о преступлении и его участниках следователь или дознаватель часто могут, только обратившись к специальным знаниям. Так, чтобы оценить показания очевидцев, содержащиеся в их объяснениях или полученные при их опросе, как достоверные, в частности сведения о несовершеннолетних преступниках, которых они якобы видели на месте преступления, эти показания необходимо подтвердить объективными данными. Такое возможно, к примеру, путем производства криминалистической экспертизы обнаруженных на месте преступления следов, указывающих на возраст оставившего их человека.

Говоря о проблемах использования специальных знаний на стадии возбуждения уголовных дел о преступлениях, совершаемых с участием

несовершеннолетних, следует иметь в виду, что такая потребность возникает не только в форме судебной экспертизы, но и в иных процессуальных формах. С внесением в 2013 г. в УПК РФ дополнений эту проблему, как уже отмечалось, отчасти удалось решить. Так, допускается на стадии возбуждения уголовного дела, наряду с производством судебной экспертизы, еще и привлечение специалистов по инициативе следователя (дознателя), причем не только к процессуальным действиям – осмотрам, освидетельствованиям, отбору сравнительных образцов и т. д., но и в иных случаях, в частности при получении объяснений от участников события, производстве ревизий и документальных проверок, проведении исследований предметов, документов, трупов (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). О том, как оформлять результаты таких исследований, закон не говорит ничего. Однако если иметь в виду, что в УПК регламентирована судебная экспертиза, допускаемая теперь не только на предварительном следствии и в суде, но и на стадии возбуждения уголовного дела, с правом получения заключений эксперта, то было бы логично и результаты исследований, выполняемых специалистами в процессе проведения доследственных проверок, также оформлять их заключениями. Легализовав получение заключений специалистов в качестве источников достоверной информации, основанной на использовании специальных знаний при проведении доследственной проверки, можно было бы в отдельных случаях отказаться от экспертизы со всеми ее процедурными сложностями, существенно упростив производство тех же психологических исследований подростков, задержанных по подозрению в совершении преступления, а соответственно, заметно сократить время на проведение проверочных мероприятий. Привлечение специалиста в области детской психологии и педагогики, судебной медицины или психиатрии поможет своевременно получить сведения о психологическом состоянии подростка, уровне его физического или психического развития, возрасте и т. д., от которых зависит правомерность принимаемых решений.

Право следователя (дознавателя) привлекать специалистов к опросам и получению объяснений, в том числе от несовершеннолетних, позволило закрыть широко обсуждавшуюся ранее в научной среде²⁰⁵ тему допустимости их участия в доследственной проверке, прежде всего в мероприятиях, предполагающих общение с детьми. В частности, для налаживания психологического контакта с несовершеннолетними, опрашиваемыми или дающими объяснения по поводу их возможного участия в преступлении, для формулировки им вопросов или оценки степени достоверности получаемых от них ответов.

Между тем в решении этой проблемы еще остается заметный пробел. Так, закон ничего не говорит о праве иных участников доследственной проверки обращаться к сведущим лицам. Мы полагаем, что по рассматриваемой категории уголовных дел такое право должно распространяться не только на следователя или дознавателя, но и на несовершеннолетних, заподозренных в совершении преступления, и на их представителей, и на лиц, ставших жертвами преступления, участвующих в доследственной проверке. И это право необходимо закрепить в УПК РФ. Оно может быть реализовано в любой форме: путем привлечения специалистов как для получения консультаций по специальным вопросам, включая юридические, так и для дачи заключений или оказания помощи любому участнику следственных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела. Если, к примеру, речь идет о защите интересов юноши, предположительно совершившего экономическое преступление, включая мошенничество в предпринимательской сфере, то он вполне мог бы обратиться к специалистам в области гражданского, коммерческого, финансового и т. д. права для получения заключения о правомерности совершения им тех или иных действий, которые следователь или дознаватель,

---

²⁰⁵ Халиуллина А.Ф. Особенности расследования насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних: монография. – Москва: Проспект, 2022. С. 34.

проводящие доследственную проверку, посчитали деянием, содержащим признаки состава преступления. Правомерным следует считать и обращение к любым другим специалистам, в том числе за заключением о достоверности или научной обоснованности выводов судебной экспертизы, назначенной следователем и проведенной до возбуждения уголовного дела.

Давая следователю (дознавателю) объяснения по поводу возникшего в отношении него подозрения, несовершеннолетний может сослаться на такие заключения специалиста и заявить ходатайство об их приобщении к материалам доследственной проверки либо уже после возбуждения уголовного дела ходатайствовать о признании полученного на стадии возбуждения уголовного дела экспертного заключения недопустимым доказательством.

Спектр специальных знаний, которые могут быть востребованы на стадии возбуждения уголовного дела о преступлениях, совершаемых с участием несовершеннолетних, может быть достаточно широким, определяемым прежде всего теми обстоятельствами и их особенностями, которые подлежат установлению в процессе доследственной проверки, а также мерами по установлению достоверности получаемых сведений. Среди них:

1) факт совершения преступления (его объективная сторона). Для этого могут потребоваться знания сведущих лиц, обладающих профессиональной подготовкой в разных отраслях, прежде всего в области криминалистики. Такие сведущие лица помогут в обнаружении следов преступления при проведении проверочных мероприятий, предусмотренных ч. 1 ст. 144 УПК РФ, например, в ходе осмотров, освидетельствований, при отборе сравнительных образцов и т. д. Участие специалистов может быть полезным и при исследовании изъятых у несовершеннолетнего предметов и веществ, запрещенных к обороту: наркотиков, сильнодействующих веществ, огнестрельного или холодного оружия и др. Кроме того, сведущие лица, привлекаемые к доследственной проверке в качестве специалистов (ч. 1 ст. 144

УПК РФ), могут высказать суждения о механизме образования обнаруженных при производстве следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий следов, о способе действий преступника, оставившего эти следы;

2) данные о личности несовершеннолетнего преступника. При проведении доследственной проверки эти данные должны быть получены, если уголовное дело возбуждается не по факту, а в отношении конкретного несовершеннолетнего, либо когда имеются основания полагать, что скрывшийся преступник или задержанное по подозрению в совершении преступления лицо является несовершеннолетним. Одни данные о личности преступника, в частности возраст, на этапе возбуждения уголовного дела должны устанавливаться с достоверностью, в пределах возрастной группы лиц, не подлежащих привлечению к уголовной ответственности за преступления, которые могут быть инкриминированы несовершеннолетнему (14–18 лет), другие (уровень физического, социального и психического развития и др.) могут носить вероятностный характер.

Такие сведения о личности преступника во время проведения доследственной проверки могут быть получены из разных источников. Так, о возрасте можно судить по следам рук, ног, зубов, биологическим следам, включая запаховые, оставленным на месте преступления, по рукописным или печатным текстам, авторами или исполнителями которых могли быть виновные в преступлении несовершеннолетние, по содержанию заявлений и сообщений очевидцев и по некоторым другим источникам информации. Для установления возраста вероятного преступника могут потребоваться и криминалистические знания, и знания медицинские.

Для определения возраста преступника помимо следов полезно изучать обстановку места преступления в комплексе. По ее особенностям криминалист, например, может высказать обоснованные суждения о способе действий преступника, характерных для подростка. Исследование обстановки целесообразно проводить с участием специалистов не только криминалистического профиля, но и сведущих в области психологии и

психиатрии. Способ действий преступника, восстановленный криминалистом по следам и иным изменениям материальной обстановки, может подсказать судебному психологу или психиатру, при каких отклонениях в психике такие его действия или поведение наиболее характерны или чаще всего наблюдаются у несовершеннолетних.

Представления о способе действий, дополненные характером объекта преступного посягательства, о котором также можно судить по особенностям материальной обстановки, дадут специалисту-психологу основания для более или менее обоснованных суждений о психологическом состоянии подростка в момент совершения преступления, уровне его развития и др. В дальнейшем, уже после задержания предполагаемого преступника, эти сведения могут быть подтверждены по итогам первого общения с ним, для чего также целесообразно привлекать педагога-психолога;

3) меры по проверке достоверности сведений, полученных на стадии возбуждения уголовного дела. Иногда в процессе проведения доследственной проверки возникают ситуации, которые на предварительном следствии обычно разрешаются посредством проведения допросов, проверок показаний на месте или путем производства следственных экспериментов. Например, заведомо ложный донос удастся иногда распознать, проверив соответствие сведений, полученных от заявителя, обстановке на месте, а разоблачить самооговор – посредством проведения следственного эксперимента. Не секрет, что взрослые преступники нередко принуждают детей сознаться в преступлении, которого они не совершали, рассчитывая на освобождение ребенка от уголовной ответственности в силу возраста. Между тем закон не допускает проведения на данной стадии ни допросов, ни следственных экспериментов, ни проверок показаний на месте, несмотря на то что эти процессуальные меры могут быть единственными возможными средствами установления достоверности полученных сообщений о преступлении, совершенном несовершеннолетним. Представляется, что круг допустимых следственных действий, даже в нынешней редакции УПК РФ, вполне

достаточен, чтобы в рамках доследственной проверки использовать на законных основаниях более широкий спектр познавательных средств, а именно: и способы получения вербальной информации, и экспериментальный метод познания, и метод проверки полученных сведений о преступлении путем выхода на место для его осмотра вместе с заявителем.

Так, отсутствие у следователя (дознателя) права проводить во время доследственной проверки допросы задержанных по подозрению в совершении преступления, свидетелей или пострадавших от преступления не создает непреодолимых препятствий для получения от них достоверной вербальной информации и о преступлении, и о лицах, их совершивших. При надлежащем тактическом обеспечении и при возможности привлечения к проведению соответствующих действий сведущих лиц можно добиться получения достоверных сведений и от опрашиваемых, и от лиц, дающих письменные объяснения по обстоятельствам проверяемого события. Более того, результатам опроса, оформленным, например, рапортом или справкой, так же как и письменным объяснениям участников доследственной проверки, можно придавать доказательственное значение, разумеется, при соблюдении определенных условий, предусмотренных УПК РФ (п. 1.2 ч. 1 ст. 144).

И с экспериментальным методом познания можно найти «выход из положения». Так, проверить способность конкретного лица воспринимать те или иные события, впрочем, как и провести любые иные виды эксперимента, вполне возможно в рамках судебной экспертизы, которую закон допустил до возбуждения дела, не ограничивая ее виды и разновидности. Например, экспертиза, порученная врачу-офтальмологу, может решить вопрос о способности человека видеть, ситуалогическая экспертиза может быть назначена для решения вопроса о механизме события, а трасологическая – о механизме образования конкретных следов преступления, возможности их возникновения при определенных условиях или при совершении конкретных действий.

Простейшие эксперименты могут быть проведены в рамках не только судебной экспертизы, но и осмотра места происшествия, освидетельствования, осмотра предметов, допускаемых на стадии возбуждения уголовного дела, где они будут использоваться в качестве тактических приемов²⁰⁶.

Так, следственные эксперименты по проверке способности несовершеннолетнего видеть, слышать или совершать определенные действия, как и экспериментальное установление механизма события или образования следов, вполне можно заменить допустимыми при проведении доследственной проверки другими следственными действиями. Например, первый вид эксперимента отчасти заменит освидетельствование с привлечением к его проведению врачей соответствующего профиля (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

Также возможна адекватная замена и проверке показаний на месте. Отсутствие права проводить данное следственное действие на стадии возбуждения уголовного дела вполне можно компенсировать, организовав осмотр места происшествия, с привлечением к нему любого участника доследственной проверки: заявителя о преступлении, подростка, задержанного по подозрению в совершении преступления, очевидца или лица, пострадавшего от преступления. Разумеется, к такому осмотру места происшествия может быть привлечен и специалист на основании ч. 1 ст. 58 УПК РФ.

Предложение заменять проверку показаний осмотром места происшествия с привлечением к его производству участников доследственной проверки обусловлено не только стремлением обеспечить правомерность проведения проверки показаний на месте на стадии возбуждения уголовного дела, но и тем, что данное следственное действие изначально формировалось

---

²⁰⁶ О такой возможности писал А.А. Эксархопуло. См.: Эксархопуло А.А. Криминалистика : учебник. СПб. : Лема, 2009. С. 548–550.

и было апробировано практикой именно в процессуальной форме либо следственного эксперимента, либо осмотра с выходом на место вместе со свидетелями, потерпевшими, подозреваемыми или обвиняемыми²⁰⁷. При этом ничто не ограничивает следователя (дознателя) ни в привлечении заподозренного подростка к осмотру места происшествия, ни в приглашении сведущего в детской психологии или педагогике лица для постановки ему вопросов в процессе его производства. Вопросы участникам осмотра места происшествия могут быть заданы специалистом как в порядке выяснения обстоятельств проверяемого события, так и для уточнения психологического состояния, в котором подросток находился в момент совершения преступления. Ответы на них могут фиксироваться в протоколе следственного действия, а их доказательственное значение в случае проведения осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела впоследствии может быть подтверждено результатами самостоятельного допроса подозреваемого (обвиняемого), но уже после возбуждения уголовного дела.

Из сказанного можно сделать вывод, что отсутствие права проводить допросы, следственные эксперименты или проверки показаний на месте не столь существенно ограничивает следователя или дознателя в использовании на этапе возбуждения уголовного дела познавательных средств, а потому не может серьезно повлиять и на результаты доследственной проверки, сказавшись на их достоверности. Тем более что важнейшие из обстоятельств преступлений несовершеннолетних, а это и возраст, и психологическое состояние, и уровень развития, с максимальной достоверностью могут быть установлены на стадии возбуждения уголовного дела только по результатам проведения судебных экспертиз –

---

²⁰⁷ Эксархопуло А.А. Криминалистика : учебник. СПб. : Лема, 2009. С. 569 ; Степичев С. Выезд на место как тактический прием проверки доказательств // Социалистическая законность. 1955. № 12 ; Быховский И.Е., Ратинов А.Р. Проверка показаний на месте // Вопросы криминалистики. 1962. № 5 ; Белкин Р.С. К вопросу о природе, тактических целях и разновидностях следственного эксперимента // Советское государство и право. 1958. № 1 и др.

психологических, психиатрических, судебно-медицинских или криминалистических, которые следователь вправе назначать в рамках следственной проверки. По рассматриваемой категории уголовных дел это особенно важно, поскольку от выяснения перечисленных обстоятельств во многом зависит, будут ли у следователя (дознателя) основания для возбуждения уголовного дела в отношении подростка, чему может мешать и его возраст, и его психическое состояние, и уровень развития. Без использования специальных знаний ни одно из этих обстоятельств с достоверностью установить невозможно. Ясно, однако, и то, что сегодня нет никаких препятствий к тому, чтобы еще на стадии возбуждения дела решались соответствующие вопросы, в том числе с участием сведущих лиц, способных подтвердить достоверность сведений, положенных в основание принятия решения либо о возбуждении уголовного дела, либо об отказе от производства по нему. Кроме одного существенного законодательного ограничения – срока проведения проверки и принятия по ее результатам решения (ч. 1, 3 ст. 144 УПК РФ). Бессмысленно, например, планировать комплекс проверочных действий – следственных и оперативно-розыскных мероприятий, для проведения которых трехдневного срока, установленного ч. 1 ст. 144 УПК РФ, явно недостаточно. Отказываясь от их производства в связи с дефицитом времени, следователь всегда рискует принять ошибочное решение, которое в случае отказа от возбуждения уголовного дела ведет к безнаказанности виновных в преступлении, а при необоснованном его возбуждении становится причиной формирования в самом начале расследования проблемной следственной ситуации. То есть ситуации, разрешение которой в самом начале производства по делу заметно осложнится прежде всего из-за потери времени и может привести к утрате ценной информации.

Поэтому мы считаем целесообразным дополнить ст. 144 УПК РФ правилом о допустимости приостанавливать действие сроков принятия решения по результатам проверки заявлений и сообщений о преступлении на время, необходимое для завершения запланированных проверочных

мероприятий, в особенности тех, которые нуждаются в помощи сведущих лиц (ревизии, документальные проверки, назначение и производство экспертиз).

3.3. Криминалистические проблемы разрешения следственных ситуаций, возникающих на предварительном следствии в связи с использованием специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних

Стадия возбуждения уголовного дела, содержанием которой является проверка полученных сообщений о преступлении, именуемая в криминалистике доследственной, завершается принятием одного из трех возможных решений (ч. 1 ст. 145 УПК РФ):

- 1) о возбуждении уголовного дела;
- 2) об отказе в возбуждении уголовного дела;
- 3) о передаче сообщения и собранных материалов по по подследственности.

При наличии повода и достаточных оснований, выявленных в ходе доследственной проверки, следователем (дознавателем или руководителем следственного органа) выносится постановление о возбуждении уголовного дела, в котором помимо формальных реквизитов (время, место вынесения постановления, кто вынес, нарушенная статья УК РФ) описываются обстоятельства, послужившие основаниями для принятия такого решения. Среди таких обстоятельств обязательными для отражения в постановлении (в силу требований ч. 2 ст. 140 УПК РФ) являются факты, свидетельствующие о совершении уголовно наказуемого деяния. Все эти данные, описанные в постановлении о возбуждении уголовного дела, формируют к началу расследования и первую следственную ситуацию, анализ которой позволяет судить о том, что уже установлено, что требует дополнительного обоснования, а что еще предстоит решать следователю. На зависимость принимаемых в ходе

начавшегося расследования решений от умения следователя оценить складывающуюся на определенном его этапе ситуацию указывали многие ученые-криминалисты. Так, И.М. Лузгин, имея в виду тактические решения, писал: «Принятие тактического решения – сложный волевой акт, в котором синтезируются знания и опыт, умение четко определить цель деятельности и оценить ситуацию»²⁰⁸.

Иными словами, именно осознание следователем ситуации, сформировавшейся к моменту принятия дела к своему производству, создает базу для постановки задач и выбора средств и способов их решения, обеспечивая тем самым эффективное управление следственной деятельностью в целях установления истины по уголовному делу. Как верно заметил Ю.Ю. Екатеринославский – известный специалист в области ситуационного анализа управленческой деятельности, «анализ и синтез возникающих или предвидимых проблемных ситуаций, интеграция деятельности функционально или предметно специализированных звеньев и составляют функцию руководства. Реализация этой функции – сложная научная и практическая проблема»²⁰⁹.

О ситуационном анализе расследования преступлений, необходимом для оптимального выбора наиболее эффективных криминалистических методов и средств, позволяющих решать возникающие во время предварительного следствия задачи, писали многие ученые. Одним из первых на важность такого анализа при расследовании любого преступления указал Р.С. Белкин²¹⁰. Выдающийся ученый посвятил этому вопросу многие свои исследования²¹¹. Он пришел к выводу, что «всякое достижение следователем

---

²⁰⁸ Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений. М. : Юридическая литература, 1981. С. 92.

²⁰⁹ Екатеринославский Ю.Ю. Управленческие ситуации. Анализ и решение. М. : Экономика, 1988. С. 9.

²¹⁰ Криминалистика. М., 1959. С. 331–333.

²¹¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М. : Юридическая литература, 1988. С. 88–103 ; Белкин Р.С. Курс

намеченных целей должно начинаться с оценки существующей следственной ситуации и при необходимости – с принятия мер по изменению ее в благоприятную сторону»²¹².

О тесной взаимосвязи анализа следственных ситуаций с выбором эффективных средств и методов расследования убедительно писал А.Н. Колесниченко в своей докторской диссертации²¹³ и другие авторы.

Между тем все они, решая проблему следственных ситуаций, неизбежно сталкивались с необходимостью всякий раз объяснять, что, с их точки зрения, понимается под следственной ситуацией, в чем ее суть. Разнообразие предлагаемых авторских определений, естественно, приводило и к разным оценкам содержания такой аналитической работы. Не вдаваясь в подробности дискуссии о понятии следственной ситуации, получившей достаточно широкое освещение в специальной литературе²¹⁴, мы считаем возможным исходить из наиболее предпочтительного, с нашей точки зрения, ее определения, предложенного Т.С. Волчецкой: «степень информационной осведомленности следователя о преступлении, а также состояние процесса расследования, сложившееся на любой определенный момент времени, анализ и оценка которого позволяют следователю принять наиболее целесообразные по делу решения»²¹⁵.

Исследование следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования преступлений, совершенных с участием несовершеннолетних, зависит от многих факторов. Во-первых, от понимания сути следственных ситуаций, нуждающихся в анализе и требующих благоприятного развития. Во-вторых, от разнообразия самих следственных

криминалистики : в 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М. : Юристъ 1997. С. 129–155 и др.

²¹² Белкин Р.С. Избранные труды. С. 461.

²¹³ Колесниченко А.Н. научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1997. С. 16.

²¹⁴ Белкин Р.С. Избранные труды. М. : Норма, 2008. С. 448–461.

²¹⁵ Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия : монография / под ред. Н.П. Яблокова. М., 1997. С. 93.

ситуаций, складывающихся на предварительном следствии и требующих решения. В-третьих, от правовых возможностей и криминалистических ресурсов, которыми располагает следователь для разрешения проблемных следственных ситуаций. В-четвертых, от умения следователя распорядиться имеющимися ресурсами для решения задач, вытекающих из результатов анализа следственных ситуаций, и в конечном счете для достижения целей предварительного расследования.

Анализ следственных ситуаций, необходимый для выработки оптимальных решений в ходе расследования преступлений с участием несовершеннолетних, требует учета всех перечисленных факторов. На это ориентирует и теория управленческих ситуаций, для анализа и решения которых «необходимо иметь описание и ранги возникающих проблемных ситуаций, разработать алгоритм решения проблем, сформировать соответствующую информационную базу. Необходимо определить и критерии той или иной стратегии решения возникающей проблемы, а это связано с наличием ресурсов и возможностью маневра ими»²¹⁶.

Таким образом, чтобы анализ следственной ситуации мог быть исчерпывающим, а принятое по его итогам решение оптимальным, следователю необходимо иметь представление о разнообразии типичных следственных ситуаций, возникающих на первоначальном этапе расследования преступлений, совершаемых с участием несовершеннолетних. Это представление формируется благодаря приведению следственных ситуаций в научно обоснованную систему. «Построение строгой научной классификации ситуаций, описание их признаков – это шаг на пути дальнейшего изучения социальной природы преступлений, причин и условий, способствовавших их совершению, шаг к повышению эффективности расследования и предотвращения преступлений»²¹⁷.

---

²¹⁶ Екатеринославский Ю.Ю. Указ. соч. С. 9.

²¹⁷ Лузгин И.М. Указ. соч. С. 94.

О значении научной классификации следственных ситуаций и для разработки частных криминалистических методик расследования, и для повышения эффективности следственной деятельности писали многие ученые²¹⁸. Одним из последних исследований, в том числе проблемы следственных ситуаций, стала кандидатская диссертация Г.Р. Лутфуллиной, посвященная криминалистическому обеспечению расследования преступлений несовершеннолетних. Автор обосновала не только необходимость выделения и систематизации типичных следственных ситуаций, возникающих на разных этапах расследования корыстно-насильственных преступлений несовершеннолетних, но и выбор криминалистически значимых оснований построения таких классификаций²¹⁹. В итоге она пришла к обоснованному выводу, что «без систематизации следственных ситуаций по криминалистически значимым основаниям невозможно определить и направления расследования уголовного дела, наиболее важные и перспективные для решения актуальных его задач в данный момент»²²⁰.

Учитывая направленность нашего исследования, в котором главное внимание мы уделяем проблеме использования специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних, считаем целесообразным из всех возможных классификаций следственных ситуаций, предложенных Г.Р. Лутфуллиной, оставить для анализа лишь те, разрешение которых, с одной стороны, требует специальных знаний, с другой – допускает использование альтернативных способов устранения характерных для данной

---

²¹⁸ Драпкин Л.Я. Понятие и классификация следственных ситуаций // Следственные ситуации и раскрытие преступлений : научные труды Свердловского юридического института. Вып. 41. Свердловск, 1975. С. 74–77 ; Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений. М. : Юридическая литература, 1981. С. 92–96 ; Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия : монография / под ред. Н.П. Яблокова. Калининград, 1997. С. 86–114 и др.

²¹⁹ Лутфуллина Г.Р. Криминалистическое обеспечение расследования корыстно-насильственных преступлений с участием несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2024. С. 59–89.

²²⁰ Там же. С. 73.

ситуации проблем, основанных на привлечении к расследованию сведущих лиц. Выделение таких следственных ситуаций, их анализ и оценка позволяют принять обоснованные процессуальные и криминалистические решения, а значит оптимизировать работу следователя и добиться максимальной ее эффективности.

Из всех оснований классификации следственных ситуаций для первоначального этапа расследования преступлений с участием несовершеннолетних криминалистически значимыми следует признать уровень осведомленности следователя о событии, наличии и степени достоверности данных о личности преступника, способах совершения преступления, его орудиях, предметах преступного посягательства и некоторые другие. Эти уровни осведомленности можно условно разделить на четыре базовых:

- гипотетическое (вероятностное) знание о перечисленных обстоятельствах уголовного дела;
- частичное знание об отдельных обстоятельствах дела, основанное на достоверной информации;
- исчерпывающее знание об отдельных обстоятельствах расследуемого события, основанное на достоверной информации;
- достоверное знание отдельных обстоятельств дела, основанное на доказанных фактах.

Примерно так же выделяя в учении о следственной ситуации уровни осведомленности следователя об обстоятельствах дела, подлежащих установлению²²¹, Г.Р. Лутфуллина справедливо заметила: «На разных стадиях и разных этапах производства по одному и тому же уголовному делу уровень осведомленности следователя об обстоятельствах, подлежащих установлению, может быть различен, а значит, различными будут и

---

²²¹ Таких уровней автор выделила три, обозначив их терминологически несколько иначе, а именно как частичная, полная и вероятностная осведомленность. См.: Лутфуллина Г.Р. Указ. соч. С. 72.

складывающиеся следственные ситуации, каждая из которых потребует от следователя принятия своего, особого комплекса мер и действий по дальнейшему расследованию преступления»²²².

Первые два уровня осведомленности следователя об обстоятельствах расследуемого события, выделенные нами, характеризуют следственную ситуацию как неблагоприятную (проблемную), последние два – как благоприятную для следствия, обусловленную достоверным, в том числе доказанным знанием обстоятельств расследуемого события. В любой из них могут оказаться востребованными специальные знания. Но если в благоприятной ситуации они могут потребоваться только в качестве дополнительного средства проверки достоверности знаний следователя, например, при возникновении оснований для назначения дополнительной или повторной экспертизы (ст. 207 УПК РФ), то в неблагоприятных (проблемных) ситуациях обращение к специальным знаниям нередко единственный возможный способ их разрешения.

К началу расследования преступлений, совершенных с участием несовершеннолетних, уровень осведомленности следователя о криминальном характере имевшего место события может оказаться недостаточным по разным причинам. Поспешность с принятием решения о возбуждении уголовного дела в таких случаях может быть вызвана явкой несовершеннолетнего с повинной, его задержанием с поличным, например, с похищенными вещами или непосредственно на месте преступления, обнаружением иных следов, часто интерпретируемых как следы преступления, и т. д. Эти данные могут сформировать у следователя (дознавателя) ложное представление о событии и его виновниках, привести к ошибочным оценкам создаваемых следственных ситуаций как беспроблемных, якобы не нуждающихся в тщательной проверке и подтверждении, а значит позволяющих ограничиться лишь фиксацией

---

²²² Там же. С. 80.

полученной информации. В условиях дефицита информации, характерного для начала расследования преступлений с участием несовершеннолетних, избежать таких ошибок помогает грамотный анализ следственных ситуаций, который невозможен без системного знания наиболее типичных из них, формирующихся в зависимости от объема и качества информации, которой располагает следователь. С этой целью в криминалистике разрабатываются специальные классификации типовых следственных ситуаций первоначального этапа расследования преступлений, совершаемых с участием несовершеннолетних. По уровню осведомленности следователя о характере события, имеющего признаки преступления, совершенного с участием несовершеннолетних, проблемные следственные ситуации, возникающие под влиянием сведущих лиц, можно свести к наиболее типичным для начала расследования таких уголовных дел, представив их следующими группами.

Первая группа проблемных ситуаций характеризуется ошибочной осведомленностью следователя о характере события, которая формируется либо на основе недостоверных сведений, полученных от сведущих лиц, либо в связи с неопределенностью происхождения источников информации о преступлении, подвергшихся исследованию с использованием специальных знаний.

Такие ситуации возникают, когда первичные сведения о преступлении, содержащиеся в заявлениях граждан, поданных в правоохранительные органы, сообщениях очевидцев, в иных источниках субъективной информации, не были надлежащим образом и прежде всего с использованием специальных знаний проверены либо были подтверждены недостоверными сведениями, полученными от сведущих лиц. Причиной недостоверности сведений, положенных в основание решения о возбуждении уголовного дела, и, соответственно, причиной создания к началу предварительного следствия неблагоприятной следственной ситуации могут стать и допущенные во время проверки сообщений о преступлении ошибки как со стороны следователя, так и со стороны привлеченного им сведущего лица. Например, ошибочным

может быть отказ от привлечения специалистов, способных оказать следователю содействие в обнаружении надежных источников информации, либо ошибочный выбор сведущих лиц, не обладающих нужными для оказания конкретной помощи знаниями. К ошибкам при принятии итогового решения нередко приводит некачественное проведение отдельных проверочных действий, в том числе неприменение технических средств в ситуациях, когда они могли бы обеспечить и оптимальный поиск, и наглядное отображение полученной во время доследственной проверки информации, и более эффективное ее использование для выяснения обстоятельств преступления.

Наиболее трудны для распознавания, а значит и для разрешения следственные ситуации, созданные сведущими лицами, привлеченными к проверочным действиям и выполняющими порученное им задание. Трудности диагностики ошибок, допущенных специалистами или экспертами, в большинстве своем вызваны тем, что следователь, принявший материалы дела к своему производству, не обладает квалификацией и знаниями в той области науки, техники, искусства и ремесла, данные которых использовали специалист или эксперт, решая поставленную задачу. Между тем квалификационными или сугубо профессиональными ошибками не исчерпываются недостатки работы сведущих лиц, привлеченных к проверке сообщений о преступлении и формулирующих свои выводы, ставшие причиной ошибочной осведомленности следователя о преступном характере проверяемого события, а соответственно, необоснованного возбуждения уголовного дела. Ошибки сведущие лица допускают не только из-за низкой профессиональной подготовки, но нередко и из-за отсутствия у них достаточных юридических знаний, причем не только законов и ведомственных нормативных актов, регламентирующих деятельность сведущих лиц, но и правил, выработанных криминалистикой. Такое случается, когда в производстве по делу участвуют специалисты хотя и обладающие специальными знаниями или практическими навыками в определенной отрасли науки, техники, искусства, ремесла, но несведущие в организации,

тактике производства и нормативном регулировании тех действий, к которым они привлекаются. Юридически и криминалистически неграмотная работа таких специалистов может свести на нет все усилия и их самих, и следователя, предпринимавшиеся для получения достоверной информации о преступлении, а последующее экспертное ее исследование может поставить под сомнение результаты самой экспертизы.

Вторая группа проблемных ситуаций характеризуется ограниченной осведомленностью следователя о сущности проверяемого события, обусловленной его отказом от использования специальных знаний для сбора информации, позволяющей принять правильное решение.

Указанные ситуации, сформировавшиеся к началу расследования дел о преступлениях, совершенных с участием несовершеннолетних, можно в целом назвать ситуациями «упущенных возможностей». Возникают они чаще всего из-за отказа от проведения на стадии возбуждения уголовного дела проверочных действий, производство которых с участием сведущих лиц могло бы прояснить вопрос о криминальном характере имевшего место события, не порождая проблем. Тем не менее такие случаи на практике нередки, в частности когда факты, ставшие основанием для возбуждения уголовного дела, реально можно было проверить и объективно подтвердить еще до начала расследования, например, произведя экспертизу. Однако должностные лица, проводившие проверку, отказались от ее назначения, ограничившись полученными объяснениями очевидцев или сославшись, к примеру, на обнаруженное орудие, лишь предположительно использованное для совершения преступления. Такое случается, когда органы дознания, не желая обременять себя дополнительными проверками, перекладывают эту обязанность на следователя, принимающего дело к своему производству, несмотря на то что экспертиза или использование специальных знаний в иной форме могли бы с достоверностью подтвердить или опровергнуть версию о криминальном характере имевшего место события. В результате следователь, приступающий к производству по делу, неизбежно сталкивается с

проблемами, порожденными неопределенностью события, которое ему предстоит расследовать. Такое вполне может произойти и в случае отказа от помощи сведущих лиц, специализирующихся в тех отраслях права, которыми не владеет в нужном объеме сам следователь.

Отказ от проведения проверочных и следственных действий с участием сведущих лиц, способных дать более объективную и достоверную информацию о совершении преступления, также может быть вызван опасениями проверяющих должностных лиц понести ответственность за несоблюдение сроков рассмотрения поступивших заявлений о преступлении. Однако вряд ли подобные объяснения могут быть в полной мере оправданными, особенно после внесения дополнений в ст. 144 УПК РФ, которыми законодатель существенно расширил возможности проверки заявлений и сообщений о преступлении, в том числе с использованием специальных знаний, путем привлечения специалистов к проверочным действиям и производства полноценной судебной экспертизы. При рациональном распределении сил, времени и средств таких проблем во многом можно избежать и сегодня. Есть, впрочем, и другой путь. Учитывая важность получения достоверной информации на стадии возбуждения уголовного дела и реальность ошибок в условиях дефицита времени, было бы целесообразно предусмотреть в уголовно-процессуальном законе возможность приостанавливать действие срока принятия решения в случаях назначения судебных экспертиз, требующих значительных временных затрат. Тех же судебно-медицинских для установления возраста несовершеннолетних участников проверяемого события или судебно-психологических и психиатрических для выяснения уровня психического развития подростков, заподозренных в преступлении, или их психологического состояния в момент его совершения.

Сходным с отмеченной выше причиной возникновения неблагоприятной ситуации, обусловленной недостаточной осведомленностью следствия о характере имевшего место события, может также стать

преждевременное принятие решения о возбуждении уголовного дела. Иначе говоря, вынесение соответствующего постановления при недостаточности к тому оснований. Такое нередко случается, когда следователь с излишним доверием относится к заявлениям и объяснениям несовершеннолетних, ставших жертвами преступления, либо в случае явки несовершеннолетнего с повинной, когда уголовное дело возбуждается исключительно на основании его признательных показаний. Формирования неблагоприятных следственных ситуаций в таких случаях можно предотвратить, разоблачив, с одной стороны, лживость заявления о преступлении, иначе говоря, предприняв меры к разоблачению заведомо ложного доноса, с другой стороны, убедившись в отсутствии самооговора. И то и другое требует подчас специальных знаний, реализуемых путем привлечения специалистов в области детской педагогики и психологии к получению объяснений от лиц, подавших заявление о преступлении, явившихся с повинной либо задержанных на месте преступления и признавших свою вину в ходе их первичного опроса.

Специалист, привлеченный к проведению таких мероприятий, может оказать следователю содействие в решении, например, вопросов достоверности показаний несовершеннолетних, оцениваемых им с точки зрения адекватности восприятия детьми событий и явлений, а также точности воспроизведения воспринятой информации в даваемых следователю объяснениях. Психологическими экспериментами, проведенными В. Штерном²²³, было подтверждено, что «безошибочность восприятия – не правило, а исключение»²²⁴.

Эта особенность в значительной степени проявляется у детей. Г. Гросс писал: «Даже в области восприятий впечатлений о предметах у детей

---

²²³ Штерн В. Психология свидетельских показаний (экспериментальные исследования верности воспоминания) // Вестник права. 1902. № 2-3. С. 107–131.

²²⁴ Цит. по: Ратинов А.Р., Гаврилова Н.И. Экспериментальные исследования психологии свидетельских показаний (вопросы методики) // Вопросы борьбы с преступностью. Выпуск 27. 2014. С.74.

складываются иные, чем у взрослых: такие понятия как большой и малый, быстрый и медленный, красивый и безобразный, далекий и близкий, – у детей совершенно иные, чем у нас»²²⁵. Закономерности ошибок зрительного восприятия действительности детьми исследовались и современными учеными-психологами. Они подтвердили, что такие ошибки проявляются, например, в «переоценке величины предметов, сильно удаленных от наблюдателя, по отношению к величине близких к нему предметов»²²⁶.

Распознать, в чем несовершеннолетний ошибается или говорит неправду, и есть задача сведущего лица, привлеченного к общению с ним.

Третья группа проблемных ситуаций характеризуется вероятностным знанием следователя о преступлении, основанном либо на фактических данных, полученных с использованием специальных средств и методов, научная обоснованность которых не подтверждена, либо на результатах проведенных сведущими лицами исследований информации, не отличающейся достоверностью.

Причинами возникновения такого рода проблемных ситуаций становятся, с одной стороны, недостатки обеспечения сведущих лиц достоверными исходными данными, с другой стороны, издержки нововведений, то есть внедрения новых методов, не прошедших должной проверки на научную обоснованность.

Например, даже самое квалифицированное исследование, проведенное с использованием новейших методов и методик, даст ошибочные или недопустимые результаты, если сведущему лицу будут предоставлены недостоверные сведения, некачественные сравнительные образцы или иные исходные данные, полученные с нарушением уголовно-процессуального закона.

---

²²⁵ Гросс Г. Указ. соч. С. 122.

²²⁶ Изучение развития и поведения детей / под ред. Л.П. Липситта и Ч.К. Спайкера : пер. с англ. М. : Просвещение, 1966. С. 142.

К формированию проблемных ситуаций ведет и использование сомнительных с точки зрения научности методов и средств. Такое чаще всего происходит, когда средства и методы, еще не прошедшие апробацию и не подтвердившие свою надежность и эффективность, применяются при производстве проверочных, в том числе следственных действий, а также в экспертных исследованиях.

Третья группа следственных ситуаций относится к числу наиболее сложных для распознавания и разрешения. Опасность создаваемых проблем обусловлена прежде всего теми трудностями оценки информации, полученной с применением специальных знаний, которая была положена в основание принятия решения о начале производства по уголовному делу. Следовательно приходится оценивать и достоверность исходной информации, и научность использованных для ее собирания познавательных средств, руководствуясь собственными, как правило, весьма ограниченными знаниями в тех отраслях науки, техники, искусства или ремесла, которыми пользовались сведущие лица, породившие проблемную ситуацию.

Отчасти законодатель учел это обстоятельство, установив обязательность назначения дополнительной или повторной экспертизы, если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим заявляются соответствующие ходатайства (п. 1.2 ч. 1, ст. 144 УПК РФ). Этим, однако, не исчерпываются все те меры, которые надлежит предпринять следователю, чтобы, приняв дело к своему производству и оценив сложившуюся следственную ситуацию как проблемную, преобразовать ее в благоприятную. Очевидно, что здесь не обойтись без специальных знаний, допустимых для применения в любой из форм: получение консультаций, привлечение к участию в следственных действиях, дача заключений специалистами или производство судебных экспертиз. Важно, чтобы эти меры на данном этапе расследования имели смысл и были научно и ситуационно обоснованными.

Наибольшие трудности могут возникнуть при проведении некачественного (вопреки нормативным предписаниям или криминалистическим правилам) осмотра места происшествия, который по большому счету невозможно повторить, а значит и исправить допущенные ошибки, поскольку к моменту повторного осмотра материальная обстановка неизбежно будет изменена в результате первого в нее вмешательства. Реальность и одновременно опасность некачественного первичного осмотра места происшествия накладывают на следователя и привлекаемых им сведущих лиц особую ответственность за подготовку и проведение его по делам о преступлениях с участием несовершеннолетних.

В тех же случаях, когда допущенные ранее ошибки не препятствуют или препятствуют, но не столь существенно, повторному осмотру места происшествия, такой осмотр не только возможен, но и необходим. Например, в случаях, когда первоначальный осмотр закончился безрезультатно или со скромными итогами, а причиной тому, по оценке следователя, стало неприменение его предшественником технических средств, с помощью которых можно было обнаружить больше следов и иных вещественных доказательств. То же решение следует принять и в случае отказа от привлечения к первому осмотру сведущих лиц, способных оказать следователю содействие в обнаружении, закреплении или предварительном исследовании обнаруженных на месте преступления следов. Все это важно учитывать, планируя повторный осмотр места происшествия. Своевременно полученные результаты его проведения могут восполнить доказательственную базу как для достоверного подтверждения факта совершения именно преступления, так и для планирования дальнейшего расследования и установления иных обстоятельств события, подлежащих доказыванию по делам о преступлениях с участием несовершеннолетних.

Перечисленными основаниями, разумеется, не исчерпываются возможности систематизации следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования.

По первому предложенному нами основанию следственные ситуации, включая проблемные, можно представить следующими типичными их видами.

1. Личность несовершеннолетнего, причастного к преступлению, установлена, подозреваемый задержан. В этом случае задача следователя состоит в том, чтобы расширить свои знания о личности вероятного преступника, используя экспертные возможности и отдавая себе отчет, что все следственные действия с участием несовершеннолетних, заподозренных в преступлении, надлежит либо целесообразно проводить, привлекая специалистов в области детской психологии и педагогики.

2. Сведения о преступнике отсутствуют. Эту ситуацию отличает высокий уровень неопределенности. Для решения проблемы, обозначенной в описании данной следственной ситуации, необходимо планировать проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на получение информации, позволяющей с уверенностью судить о том, кто мог совершить преступление, о половой принадлежности преступника, возрасте, демографических данных, физическом и психическом состоянии, недостатках развития и т. п. С этой целью проводятся первичные (если ранее не проводились) или повторные осмотры мест происшествия, экспертизы следов, допрашиваются очевидцы, в информационные центры или экспертно-криминалистические учреждения направляются запросы для проверки по дактилоскопическим, одорологическим, иным видам криминалистических учетов и т. д. Получив сведения о личности потенциальных преступников, можно приступить к планированию следственных и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление иных, еще неизвестных обстоятельств расследуемого события.

3. Сведения о личности несовершеннолетнего преступника (преступников) неполные. Недостаточная осведомленность следователя о личности несовершеннолетних преступников может проявляться в неопределенности оценок количества участников преступления, их возраста и половой принадлежности, роли каждого в совершении преступления, иных

данных, характеризующих личность подростков. Для получения недостающих сведений планируются следственно-оперативные мероприятия, начиная с исследования места происшествия, допросов установленных свидетелей, проведения идентификационных экспертиз и пр. Объединенные общей целью, эти мероприятия могут составить относительно обособленные оперативно-тактические комбинации. По мнению профессора А.Н. Халикова, их в названной ситуации также рекомендуется планировать²²⁷.

Таким образом, следственные ситуации формируются не только за счет большей или меньшей осведомленности следователя о криминальном характере расследуемого события и личности несовершеннолетних преступников. Приведенные их варианты относятся к числу наиболее типичных, характерных для первоначального этапа расследования преступлений, совершенных с участием несовершеннолетних. На самом деле формирование следственных ситуаций, имеющих проблемный характер и требующих разрешения, происходит под влиянием и иных факторов. В частности, следственные ситуации могут зависеть от уровня осведомленности следователя о способе подготовки и совершения преступления, от знаний им специфики использованных орудий, осведомленности о предмете преступного посягательства и многом другом, что подлежит установлению в ходе расследования.

---

²²⁷ Халиков А.Н. Допустимость тактических комбинаций при расследовании преступлений // Развитие научных идей профессора Р.С. Белкина в условиях современных вызовов (к 100-летию со дня рождения) : сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции «63-и криминалистические чтения» (Москва, 20 мая 2022 г.) : в 2 ч. М. : Академия управления МВД России, 2022. Ч. 1. С. 272–273.

ГЛАВА 4. ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

4.1. Значение и возможности судебной экспертизы по установлению элементов криминалистической характеристики преступления с участием несовершеннолетних

Криминалистическая характеристика преступления – это система обобщенных фактических данных и основанных на них научных выводов и рекомендаций о наиболее типичных криминалистически значимых признаках преступлений, знание которых необходимо для организации и осуществления их всестороннего, полного, объективного и быстрого раскрытия и расследования. Научной основой разработки криминалистической характеристики преступлений являются учения о прогнозировании, диагностике, преступных навыках, следах, механизме преступлений и др. Полагаем необходимым особо отметить, что помимо сведений о личности преступника, способе и обстановке совершения преступлений, других элементах криминалистической характеристики, необходимых для быстрого раскрытия и расследования преступлений с участием несовершеннолетних, в криминалистической характеристике кроется еще одно важное свойство – существование закономерных связей (корреляции) между отдельными ее элементами. Правильно обращается внимание на то, что криминалистическая характеристика – это система (взаимосвязанная совокупность) составляющих ее элементов, а не просто сумма входящих в нее частей²²⁸.

Изучение практики показало, что криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых с участием несовершеннолетних, отличается от

---

²²⁸ Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. С. 76.

криминалистической характеристики аналогичных преступлений, совершаемых взрослыми. Ее элементы имеют свои особенности, связанные с мотивами «корысти, жестокости, агрессивности, эгоизма, подражания, самоутверждения и др.»²²⁹, существуют особенности в корреляции этих элементов.

Можно выделить следующие основные элементы криминалистической характеристики преступлений с участием несовершеннолетних.

1. Способ совершения – «комплекс психофизических и профессиональных навыков, который преступник, с учетом объекта преступного посягательства, обстановки, времени и места, использует для подготовки, совершения и сокрытия преступления»²³⁰. Общеизвестно, что способ совершения преступления формируется за счет всего комплекса индивидуальных анатомических, психофизиологических, возрастных, морально-этических, профессиональных и других свойств несовершеннолетнего преступника. Благодаря анализу способа совершения преступления, установлению вида орудия и способа преодоления преграды в ходе производства судебной трасологической экспертизы эксперт оказывает помощь следователю в установлении многих элементов криминалистической характеристики: приблизительного возраста несовершеннолетнего, уровня его профессиональной подготовки в определенной сфере деятельности, его психическое и физическое состояние, наличие положительных или отрицательных моральных установок и др. Например, в ходе производства трасологической экспертизы представленного на исследование объекта (переднего бруска дверной коробки) судебным экспертом могут быть описаны многочисленные (десять и более) следы отжима на этом бруске. Сведения о

---

²²⁹ Букаев Н.М., Мальцев В.В. Расследование преступлений несовершеннолетних. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. С. 28.

²³⁰ Каневский Л.Л. Криминалистическая характеристика преступления, криминальные и следственные ситуации и их значение в раскрытии и расследовании преступлений несовершеннолетних // Вопросы совершенствования борьбы с преступностью несовершеннолетних. Уфа, 1983. С. 71–82.

большом количестве следов воздействия на преграду, описанные в заключении эксперта, могут быть переданы специалисту-психологу, который в результате совместного со специалистом-трассологом анализа с большой долей вероятности выдвинет предположение о наличии у лица, совершившего взлом двери, такого отрицательного волевого качества характера, как упрямство (в случае конструктивной деятельности человека способность преодоления внешних и внутренних препятствий вопреки трудностям называется настойчивостью), либо о его недостаточной физической силе. К сожалению, такие комплексные криминалистические исследования проводятся крайне редко (в основном из-за отсутствия соответствующих специалистов с высокой квалификацией и криминалистического мышления у них), хотя поисковая информация, получаемая в результате такого интеграционного анализа, востребована и может использоваться при выдвижении криминалистических версий.

Следует учитывать некоторые особенности в корреляции элементов криминалистической характеристики. Так, известно, что несовершеннолетними в большинстве случаев применяются инструменты и орудия, которыми они чаще всего пользуются в повседневной (бытовой) жизни; недостаток физической силы одного несовершеннолетнего компенсируется совместными усилиями нескольких несовершеннолетних и т. д. Анализ следов преступления в таких ситуациях также позволит установить примененные орудия, количество и последовательность действий преступников.

Изучение следственной практики свидетельствует, что для несовершеннолетних характерна еще одна особенность, закономерно отражаемая в криминалистической характеристике, – отсутствие, за редким исключением, тщательной подготовки и сокрытия преступлений, оставление на месте их совершения орудий, предметов одежды. Поэтому часто на производство, например, судебной трассологической экспертизы поступают не

только объекты со следами орудий взлома, но и сами орудия взлома, которые несовершеннолетний в спешке бросил на месте происшествия.

Сказанное позволяет утверждать, что в следах, являющихся отображением всего механизма совершения преступлений, явно выражены анатомические, психофизиологические, интеллектуальные свойства несовершеннолетнего лица. Эти следы должны быть тщательно проанализированы (что в настоящее время проводится нечасто из-за низкого уровня подготовки специалистов-криминалистов, психологов, низкого уровня взаимодействия следователя со специалистами различных направлений, работающих в качестве судебных экспертов, психологов, биологов, антропологов, IT-технологов и др.). Необходимо активнее проводить такой криминалистический анализ следов, методические рекомендации и пособия по которому давно разработаны²³¹.

2. Обстановка совершения преступления включает систему взаимосвязанных между собой условий и обстоятельств (явлений и процессов):

- место совершения преступления;
- время совершения преступления;
- объект преступного посягательства;
- элементы окружающей среды;
- состав соучастников (как элемент обстановки совершения преступления, но применительно к отдельным категориям преступлений).

Использование специальных знаний позволяет с достаточной точностью выявить характеристики обстановки совершения преступлений. Так,

---

²³¹ Мухин Г.Н., Каразей О.Г., Исютин-Федотков Д.В. Криминалистическое моделирование личности неустановленного преступника и его преступного поведения : научно-практическое пособие / под общ. ред. Г.Н. Мухина. М. : Юрлитинформ, 2012. 208 с. ; Майлис Н.П. Руководство по трасологической экспертизе. М. : Шит-М, 2007. 344 с. ; Аминев Ф.Г., Еркеев И.Х.; Куприянов С.Л., Самойлов А.Ю. Особенности предварительного исследования следов на месте преступления : методические рекомендации. Уфа : УЮИ МВД России, 2012. 31 с.

проведением судебных трасологических (исследованием следов рук, обуви, орудий взлома) и биологических (исследованием следов биологического происхождения) экспертиз удастся установить место совершения преступления, судебно-медицинских (исследованием повреждений на теле жертвы) и физико-химических (исследованием вещества следа) – время совершения преступлений и т. д.

Установление составных частей обстановки совершения преступлений позволяет установить другие элементы криминалистической характеристики. Так, установление времени совершения преступлений по результатам проведенной судебно-медицинской экспертизы позволяет с большой вероятностью определить круг подозреваемых (например, подростков, возвращавшихся домой после окончания занятий в школе). Установление при помощи трасологической экспертизы места совершения преступления (например, единственная скамейка на заросшем участке детского парка) позволяет с определенной долей достоверности установить факт совершения преступного деяния группой несовершеннолетних и т. д.

3. Личность преступника (возраст, занятия, навыки, социальная направленность личности, психофизиологические данные, состояние здоровья и др.). Среди экспертных методик многих криминалистических судебных экспертиз имеются такие, с помощью которых можно установить анатомические, психофизиологические и ряд других свойств личности несовершеннолетнего. Так, судебной дактилоскопической экспертизой можно установить (диагностировать) не только приблизительный возраст²³², но и такие признаки, как полнота, физическая сила, умственные способности²³³, анатомические особенности руки несовершеннолетнего, которые коррелируют со способом, орудием совершения преступлений. Например,

---

²³² Божченко А.П., Попов В.Л., Заславский Г.И. Дерматоглифика при идентификации личности. СПб. : Юридический центр Пресс, 2008. С. 91–92.

²³³ Самищенко С.С. Атлас необычных папиллярных узоров. М. : Юриспруденция, 2001. 320 с.

следователем может быть получено заключение эксперта с характеристикой папиллярных узоров следов рук, среди которых количество папиллярных линий на отрезке 5 мм равно шести. В этом случае рекомендуем следователю совместно со специалистом-антропологом провести анализ имеющихся в заключении эксперта сведений, в результате которого можно с большой степенью вероятности предположить, что 14-летний подросток, на ногтевых фалангах пальцев рук которого количество папиллярных линий на отрезке папиллярного узора равно шести (такое редкое расположение папиллярных линий на ногтевых фалангах пальцев рук свидетельствует о большой полноте тела человека, большой толщине пальцев и широкой ладони²³⁴), не сможет нанести акцентированные сильные удары ножом без ограничителя, рукоятка которого имеет длину всего 4,5 см. Следовательно, надо искать другое орудие преступления или иное лицо (с меньшими размерами и толщиной кисти руки), которое может наносить акцентированные удары исследуемым орудием.

Таким же образом можно предположить, что несовершеннолетний, у которого на ногтевых фалангах пальцев рук имеется преобладающее количество папиллярных узоров дугового типа, вряд ли сумеет осуществить несанкционированный взлом²³⁵ защиты компьютерной системы и вход в систему безопасности крупного коммерческого банка (ему может не хватить некоторых качеств для сложной умственной деятельности²³⁶). И наоборот, в ситуации несанкционированного преодоления (взлома) многоуровневой профессиональной защиты программно-компьютерной системы с целью незаконного получения информации следует осуществлять поиск

---

²³⁴ Аминев Ф. Г., Янбердин Р.А. Предварительное исследование трасологических следов на месте происшествия и использование полученных результатов в раскрытии преступлений по горячим следам : методические рекомендации. Уфа, 2011. С. 4.

²³⁵ IT-справочник следователя / под ред. С.В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 35.

²³⁶ Харитонов Р.А., Козлова А.И. Исследование дерматоглифических признаков для диагностики и прогноза эпилепсии // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1985. Т. 85, № 6. С. 861–867 ; Солониченко В.Г., Богданов Н.Н. Медицинская дерматоглифика // Папиллярные узоры: идентификация и определение характеристик личности (дактилоскопия и дерматоглифика) : сборник научных статей / под ред. Л.Г. Эджукова и Н.Н. Богданова. М., 2002. С. 74, 78.

несовершеннолетнего, имеющего недюжинные интеллектуальные способности к овладению специальными навыками работы с компьютерными системами. Такие способности чаще всего имеют лица с преобладающим количеством сложных папиллярных (завитковых) узоров пальцев рук, так как «чем выше процент сложных узоров, тем выше процент оксигемоглобина в условиях интеллектуальной нагрузки. Это позволяет их обладателям решать "задачи" с меньшими энергетическими затратами и на более высоком интеллектуальном уровне, по сравнению с людьми, имеющими простые папиллярные узоры»²³⁷.

Еще одним недостаточно разработанным направлением по установлению с помощью специальных знаний корреляционных зависимостей между элементами криминалистической характеристики является использование в этих целях результатов судебно-психологических исследований. Так, «среди несовершеннолетних, являющихся злостными преступниками, особо выделяются лица, утратившие социально полезные связи и жизненные перспективы, нередко встречаются спившиеся, находящиеся в состоянии наркотической зависимости, у определенной части подростков замечена привычка к азартным играм, праздному, бесцельному времяпровождению»²³⁸. Несовершеннолетним преступникам часто свойственны конфликтность, неуравновешенность характера, придирчивость, бравада, желание выделиться среди сверстников, склонность к ссорам, скандалам, дракам, мстительность, озлобленность, злопамятность, агрессивность, вандализм и другие отрицательные качества личности. Вполне логично, что установление этих качеств в ходе производства судебной

---

²³⁷ Исютин-Федотков Д.В., Каразей О.Г., Мухин Г.Н. Криминалистическая дерматоглифика (история, современность, перспективы развития) : монография / под общ. ред. Д.В. Исютина-Федоткова. М. : Юрлитинформ, 2011. С. 54.

²³⁸ Букаев Н.М., Мальцев В.В. Расследование преступлений несовершеннолетних. Ростов н/Д. : Феникс, 2006. С. 44.

психологической экспертизы позволяет определить мотивы, цели и причины совершения конкретных преступлений.

Изучение личности несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) позволяет установить составные части других элементов криминалистической характеристики за счет исследования многих неочевидных на первый взгляд корреляций. Так, принято считать, что «преступность несовершеннолетних всегда носила преимущественно групповой характер»²³⁹. Поэтому в ходе проведения судебных экспертиз (например, дактилоскопических и трасологических) необходимо обращать внимание на количество следов, их групповые и индивидуализирующие признаки, исследованием которых устанавливается количество лиц в группе, участвовавших в совершении преступлений, индивидуальные физические, психофизиологические характеристики отдельных участников.

При проведении судебной психологической экспертизы можно установить индивидуально-психологические характеристики несовершеннолетнего (владение жаргоном, знание значений татуировок, закодированного языка и жестов, ритуальность преступного поведения, место несовершеннолетнего в иерархии преступной группы, владение только одним определенным навыком системы преступных действий²⁴⁰ и т. д.), которые позволяют следователю обоснованно предположить о невозможности совершить конкретное преступление исследуемым лицом в одиночку. В такой ситуации возникает необходимость поиска других лиц – соучастников совершенного преступления – или взрослого лидера преступной группы, подстрекателя и организатора преступления.

Изучение следственной практики позволяет с полной определенностью утверждать, что выявление по следам преступления возрастных характеристик

---

²³⁹ Там же. С. 36.

²⁴⁰ Кустов А.М., Енгибарян В.Г. Несовершеннолетние в наркобизнесе: методика расследования преступлений : монография / под ред. А.М. Кустова. М. : Юрлитинформ, 2024. С. 29–30.

личности, особенно неустановленного преступника, позволяет определить, несовершеннолетний (от 14 до 18 лет) или взрослый человек совершил преступление, выбрать правильную стратегию всего расследования, тактику отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. В этой связи, как верно утверждал В.К. Гавло, необходимо изучать личность преступника как слеодообразующий объект, источник информации о совершенном преступлении как средство его раскрытия²⁴¹.

4. Личность несовершеннолетнего потерпевшего (возраст, состояние опьянения и т. д.). Анализ уголовных дел, по которым потерпевшим является несовершеннолетнее лицо, свидетельствует, что изучение его личности позволяет установить «закономерные связи личности потерпевшего с преступником и другими элементами криминалистической характеристики преступлений»²⁴². В целях получения информации о потерпевшем проводятся судебно-медицинские, судебно-психологические, судебно-психиатрические и другие судебные экспертизы. Особое внимание следует уделить установлению такой характеристики личности потерпевшего, как возраст, в случае отсутствия документов, подтверждающих его (когда получение или восстановление документов невозможно). В таких случаях обязательным является назначение не только судебно-медицинской, но и других классов и родов судебных экспертиз (судебных экспертиз материалов, веществ и изделий, криминалистических, биологических и др.), в ходе которых вывод о возрасте можно сделать путем исследования совокупности биометрических данных (рост, вес, состояние костей головы, суставов и костей конечностей, зубов, волос, вторичных половых и других признаков) с применением в том

---

²⁴¹ Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. С. 197.

²⁴² Каневский Л.Л. Криминалистическая характеристика преступления, криминальные и следственные ситуации и их значение в раскрытии и расследовании преступлений несовершеннолетних // Вопросы совершенствования борьбы с преступностью несовершеннолетних. Уфа, 1983. С. 78.

числе антропометрических, рентгенографических, молекулярно-генетических методов исследования.

Представляется, что проведение судебно-психологических, судебно-медицинских и других родов и видов судебных экспертиз в отношении несовершеннолетнего потерпевшего позволяет получить информацию о личности потерпевшего, установить мотивы преступления, подозреваемых, другие важные обстоятельства, подлежащие установлению по делу, а также будет способствовать построению следственных версий, планированию и успешному производству расследования.

5. Характерные (типичные) следы преступления. Как известно, одним из признаков совершения преступления несовершеннолетним является обнаружение большого количества следов (рук, обуви, крови, микрочастиц и др.), оставленных им на месте происшествия, так как из-за малого преступного опыта механизм совершения еще не доведен до полного автоматизма (преступного навыка). Отсюда следует, что чем больше будет обнаружено следов, тем больше возможностей по результатам их экспертного исследования получить информацию о других элементах криминалистической характеристики (способе совершения, личности преступников и т. д.), и, соответственно, быстрее раскрыть и расследовать преступление²⁴³.

Но в изъятии с мест происшествий максимально возможного комплекса следов остается одна очень серьезная проблема – отсутствие у большинства специалистов, принимающих участие в осмотре, интеграционного подхода к его производству, в том числе к собиранию следов преступления. Причины не только в отсутствии интеграционной подготовки специалистов, экспертов и следователей, невладении навыками собирания комплекса следов преступления, но и в том, что в качестве специалиста к производству осмотра мест происшествий, как правило, привлекаются судебные эксперты какой-

---

²⁴³ Баев О.Я. Следователь (основы теории и практики деятельности) : научно-практическое пособие. М. : Прометей, 2017. С. 414.

либо одной экспертной специальности. Такие специалисты (даже прошедшие краткосрочные курсы подготовки к участию в следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях) не обладают полноценными навыками (и даже если обладали ранее, то в течение многолетней работы по узкопрофильной экспертной специальности утратили их) поиска (обнаружения), фиксации и изъятия комплекса следов преступления, не входящих в сферу их экспертной специальности. Полагаем, особое внимание обнаружению и исследованию комплекса следов в ходе осмотра места происшествия следует уделить при расследовании преступлений, в совершении которых подозреваются несовершеннолетние.

В целях получения максимально возможной криминалистически значимой информации из следов преступлений по всем уголовным делам, по которым имеются версии о причастности к совершению преступления несовершеннолетних, предлагаем назначать судебные экспертизы места происшествия²⁴⁴, названные ситуационными (ситуалогическими)²⁴⁵. Исходя из сказанного, предлагаем следующее определение: комплексная ситуационная экспертиза места происшествия – это интегральное исследование обстановки места происшествия, проводимое экспертами разных экспертных специальностей для совместного решения одного общего вопроса, связанного с установлением свойств и состояния следов и объектов, пространственно-временных и причинно-следственных связей между ними в целях реконструкции механизма происшедшего события.

Комплексные судебные ситуационные экспертизы места происшествия должны назначаться сразу после проведения осмотра места происшествия (или параллельно с ним) комиссии, состоящей из судебных экспертов разных

---

²⁴⁴ Лапшин В.Е. Место происшествия как объект экспертного исследования : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 193 с.

²⁴⁵ Аминев Ф.Г. О некоторых проблемах экспертных ситуаций при производстве судебных экспертиз // Развитие ситуационного подхода в криминалистике: вопросы теории и практики : материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию Л.Я. Драпкина. 7 ноября 2014. Екатеринбург : Изд. дом УрГЮУ, 2015. С. 86.

экспертных специальностей, владеющих «знанием теоретических основ применения ситуационного подхода с ситуационным моделированием»²⁴⁶, под руководством эксперта-интегратора.

Предлагаем определять состав судебных экспертов конкретных экспертных специальностей такого экспертного коллектива в зависимости от вида совершенного преступления и следственной ситуации. Например, к проведению судебной экспертизы места происшествия по факту убийства, совершенного в помещении с применением огнестрельного оружия, в отношении которого имеется версия о причастности несовершеннолетнего, рекомендуем привлекать судебных экспертов, специализирующихся на производстве судебных баллистических, трасологических, судебно-медицинских, антропологических, психологических (имеющих опыт работы с несовершеннолетними) экспертиз и судебных экспертиз материалов, веществ и изделий. Кроме того, эти эксперты должны иметь высокий уровень подготовки не только по соответствующим видам судебных экспертиз, но и по использованию компьютерных технологий.

Предметом судебной экспертизы места происшествия должно быть «установление отдельных элементов события совершенного преступления, отдельных деталей ситуации при решении задач, связанных с исследованием материальных отображений в вещной обстановке места происшествия»²⁴⁷.

Задачи, решаемые судебной экспертизой места происшествия, можно разделить на диагностические классификационные, диагностические задачи исследования состояния, диагностические ситуационные.

Перед экспертами, проводящими судебные экспертизы места происшествия, предлагаем ставить следующие вопросы:

---

²⁴⁶ Аминев Ф.Г. О проблемах решения экспертных ситуаций в условиях цифровизации // Ситуационные аспекты раскрытия и расследования преступлений : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 1 ноября 2024 г.) / отв. ред. Д.В. Бахтеев. Екатеринбург : АНО «КримЛиб», 2024. С. 9.

²⁴⁷ Лапшин В.Е. Место происшествия как объект экспертного исследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 10.

1) каков был механизм воздействия на объекты вещной обстановки, находящиеся на месте происшествия, приведшего к их настоящему состоянию?

2) какова последовательность действий на месте происшествия и количество участников преступного события, согласно следам, обнаруженным в ходе осмотра места происшествия?

В результате проведения судебной экспертизы вещной обстановки места происшествия решаются и многие другие вопросы. Например, эксперт-трасолог исследованием следов крови может установить высоту падения капли, угол и направление ее падения. Так, круглые пятна (монетообразные) наблюдаются при падении капель крови с высоты примерно до одного метра, мелкие зубцы по краям пятен появляются при их падении до двух метров, зубцы удлиняются до лучей при высоте до трех метров. Если обнаружено множество капель крови, образующих дорожки, то по ним можно установить не только направление движения раненого человека, но и темп (скорость) его движения, места замедления или остановки и иные обстоятельства²⁴⁸.

Эксперт, специализирующийся на производстве судебных экспертиз материалов, веществ и изделий, может выявить микрочастицы на предметах обстановки места происшествия и таким образом установить место и способ проникновения туда преступника, маршруты его прихода и ухода, факты перемещения конкретных вещей и др.

Мы согласны с Ф.Г. Аминевым, что «в результате комплексного (интегрального) изучения вещной обстановки места происшествия решаются ситуационные задачи»²⁴⁹. И совершенно правильно утверждает Н.П. Майлис,

---

²⁴⁸ Самищенко С.С. Судебная медицина. М., 1996. С. 289.

²⁴⁹ Аминева Ф.Г. О современных возможностях ситуационного подхода в судебно-экспертной деятельности // Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию научной школы криминалистической ситуалогии БФУ им. И. Канта (Калининград, 20–21 октября 2017 г.). Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2017. С. 231.

что, применяя ситуационный подход к экспертному исследованию места происшествия, наряду со следами и иными объектами, составляющими вещную обстановку места происшествия, судебные эксперты используют результаты анализа всех факторов, влияющих на механизм события происшествия, включая метеорологические условия, освещение, время суток, физическое состояние участников происшествия и др.²⁵⁰

Путем производства комплексной ситуационной экспертизы, в которой могут принять участие судебно-медицинский эксперт, эксперт-трасолог, эксперт-баллист, эксперт-дактилоскопист и эксперты других экспертных специальностей, устанавливаются пространственно-временные связи между различными объектами вещной обстановки места происшествия. В результате такого комплексного исследования характерных следов преступления будут получены сведения не только о количестве и свойствах несовершеннолетних участников преступного события, но и установлены другие элементы криминалистической характеристики преступления (полная характеристика способа совершения и орудия преступления, воссоздана модель истинной обстановки, найдено максимальное количество видов следов преступления, количество и действия несовершеннолетних участников преступного события и др.).

Как указывал Л.Л. Каневский, «следователь по делам несовершеннолетних, имеющий определенные познания в области подростковой психологии... сможет получить на первоначальном этапе расследования наиболее объективную информацию о совершенном преступлении, выявить существенные обстоятельства, составляющие криминалистическую характеристику данного преступного деяния, в целях

---

²⁵⁰ Майлис Н.П. О функциях общей теории судебной экспертизы и о ситуационной экспертизе // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 1 (29). С. 10.

более рациональной организации дальнейшего расследования»²⁵¹. Однако в силу недостаточности у следователя (судьи) специальных знаний в области психологии, особенно психологии несовершеннолетних, для получения сведений о других элементах криминалистической характеристики лучше назначить соответствующую судебную экспертизу.

Проведенными многолетними исследованиями ряда ученых – специалистов в области почерковедения и психологии установлена корреляция между почерком и психологической акцентуацией автора текста. Так, если рукопись выполнена почерком, имеющим простое или упрощенное строение, принято считать, что она выполнена лицом с возбудимой акцентуацией²⁵². При наличии преувеличенного размера заглавных букв можно утверждать, что исполнитель обладает гипертимной акцентуацией²⁵³. Обнаружение в тексте ненужного повторения букв или слов и связывание их в длинные строки свидетельствует о написании текста лицом шизоидной акцентуации²⁵⁴. Поэтому для составления психологического портрета несовершеннолетнего важно найти, изъять и представить текст, написанный им, на комплексную психолого-почерковедческую экспертизу для решения диагностических вопросов. Результаты такой экспертизы позволят в дальнейшем провести криминалистическое моделирование личности несовершеннолетнего и выстроить правильную тактику следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Случаи из практики, когда по следам преступления проводилось криминалистическое моделирование неизвестного несовершеннолетнего,

---

²⁵¹ Каневский Л.Л. Криминалистическая характеристика преступлений несовершеннолетних и особенности их расследования // Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений. Свердловск : УрГУ, 1978. С. 132.

²⁵² Фармагей А.И. Диагностика акцентуаций личности по почерку. Киев, 2010. С. 41.

²⁵³ Там же. С. 48.

²⁵⁴ Алигаева Н.Н. Индивидуальные особенности почерка лиц, совершивших общественно опасные деяния // Актуальные вопросы судебно-психологической экспертизы и комплексной экспертизы с участием психолога. Перспективы научного и прикладного исследования почерка : сборник материалов III международной научно-практической конференции. Калуга, 2019. С. 148.

свидетельствуют о возможности установить еще одно важное обстоятельство – предкриминальную ситуацию, которая предшествовала и создала условия для совершения преступления, и криминальную ситуацию, в которой имело место преступное событие. При этом, установив признаки совершения преступления несовершеннолетним, эксперт-психолог может помочь следователю смоделировать криминальную ситуацию, в которой он совершал преступление, и предкриминальную ситуацию, способствовавшую его совершению.

О криминальных ситуациях известно давно ²⁵⁵. Так, несовершеннолетний может совершить преступление из-за ряда предкриминальных ситуаций:

1) на несовершеннолетнего воздействуют взрослые преступники, подстрекая его к совершению противоправного деяния (тщательное изучение в ходе психологического исследования экспертом-психологом связей несовершеннолетнего позволяет установить причины его преступного поведения);

2) у несовершеннолетнего недостаток материальных средств для удовлетворения своих потребностей и потребностей своей семьи (высококвалифицированная работа эксперта-психолога в случаях конфликтных ситуаций, возникающих на допросах, проводимых неопытными следователями, позволяет с большой достоверностью установить причины, толкнувшие несовершеннолетнего к совершению преступления: голод, недостаток одежды и др.);

---

²⁵⁵ Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия : монография / под ред. Н.П. Яблокова. М., 1997 ; Она же. Моделирование криминальных и следственных ситуаций : учебное пособие. Калининград, 1994 ; Драпкин Л.Я. Основы криминалистической теории следственных ситуаций : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1987 ; Ким Д.В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел : дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2009.

3) в отношении несовершеннолетнего совершены действия, нарушающие его права (грамотно проведенное исследование экспертом-психологом позволяет установить причины совершения преступления: моральное унижение, избиение и др.) и т. д.

Каждая предкриминальная и криминальная ситуация влияет на образование конкретного комплекса следов преступления. Благодаря исследованию этого комплекса следов можно установить ситуации, по которым с определенной долей вероятности можно установить характеристики лица, принимавшего участие в создании этой ситуации, а затем и конкретное лицо – участника преступного события. Например, по определенным признакам почерка можно диагностировать ситуацию, в которой находилось пишущее лицо. Так, о необычном состоянии исполнителя рукописи (позе, непривычной установке на письмо, состоянии стресса и др.) свидетельствуют следующие признаки: низкая координация движений, увеличенная форма букв, неточности в их соединении, несоблюдение расстояния между словами, неравномерность всех элементов почерка²⁵⁶ и др. При обнаружении таких признаков можно предположить, что несовершеннолетний находился в состоянии фрустрации – ситуации отчаяния, невозможности удовлетворения каких-либо желаний (такая ситуация возникает в случаях постановки невыполнимых задач перед несовершеннолетним – внешнее воздействие с требованием о лишении жизни близкого человека, угроза жизни в случае невыполнения требований совершить тяжкое преступление и т. д.). Таким же образом диагностируются и другие состояния исполнителя рукописного текста: страх, аффект и др.

---

²⁵⁶ Махмудова К.Т. Актуальность и значение психологического анализа почерка в Республике Узбекистан // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве : сборник статей. Вып. 6. Актуальные вопросы судебно-экспертного исследования документов / отв. за вып.: Т.Ф. Моисеева, В.В. Устинов. М. : РГУП, 2022. С. 169.

В ходе таких комплексных экспертных исследований можно установить и иные характеристики ситуации, предшествовавшей преступному событию. Выявление и описание комплекса элементов таких предкриминальных ситуаций позволяет выдвинуть версии о воздействовавших на несовершеннолетних факторах (лицах, иных обстоятельствах), мотивах совершенного деяния, элементах подготовки к его совершению, других элементах криминалистической характеристики.

Еще одной группе особенностей по использованию возможностей судебных экспертиз в установлении элементов криминалистической характеристики преступлений следует уделить внимание – особенностям, присущим расследованию преступлений, участником которых является несовершеннолетний потерпевший. В таких ситуациях, особенно если потерпевшим является малолетний ребенок, основную криминалистически значимую информацию о способе совершения преступлений, обстановке, личности преступника и др., приходится извлекать не столько из испуганного, замкнувшегося несовершеннолетнего потерпевшего, сколько из экспертного исследования следов преступления путем тщательного изучения всех этапов слеодообразования.

В частности, проведением судебной технико-криминалистической экспертизы документов при расследовании похищения несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 126 УК РФ) можно установить поддельность справки из лечебного учреждения о родах или заключения врача-гинеколога о родах вне медицинского учреждения, что, соответственно, позволяет установить способ сокрытия преступления.

Обстановку совершения преступления, например, торговли несовершеннолетними (ч. 2 ст. 127.1 УК РФ), также можно выявить при помощи проведения судебной экспертизы фото- и видеоматериалов с элементами детской порнографии.

Способ совершения незаконного усыновления (ст. 154 УК РФ) помогают установить результаты судебной экспертизы давности исполнения документа,

в ходе которой определяется, что документ (свидетельство о рождении) выполнен гораздо позже (относительно недавно) даты, указанной в нем.

Личность преступника по факту подмены ребенка (ст. 153 УК РФ) может быть установлена путем проведения молекулярно-генетической экспертизы (ДНК-анализа), в ходе которой устанавливается рождение ребенка не от проверяемого лица, а от другой женщины.

Способ совершения преступлений, связанных с неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетних (ст. 156 УК РФ), устанавливается путем проведения судебно-психологических экспертиз, в ходе которых устанавливаются признаки неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и жестокого обращения с ребенком, выражающегося в физическом и психическом насилии.

Орудие преступления при разбойном нападении (или грабеже) на несовершеннолетнего можно установить путем производства трасологической экспертизы, объектом которой будут являться предметы одежды, преграды со следами воздействия предмета. Предмет, которым несовершеннолетнему было нанесено телесное повреждение, может быть установлен путем проведения судебно-медицинской экспертизы.

При расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних – изнасилование (ст. 131 УК РФ), насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ), понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ), половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (ст. 134 УК РФ), развратные действия (ст. 134 УК РФ) – в целях установления способа совершения преступлений, обстановки, личности преступника производятся такие же судебные экспертизы, какие описаны выше, но в силу специфического характера совершенных преступлений их производство имеет особенности.

Так, при проведении судебно-медицинской экспертизы потерпевшей (потерпевшего) судебно-медицинским экспертам следует обратить внимание

на давность образования повреждений на теле, так как в ряде тяжких повреждений несовершеннолетней могла оказываться первая медицинская помощь в лечебном учреждении, а в сложных случаях – вне медицинского учреждения. Поэтому ко времени производства судебно-медицинской экспертизы часть повреждений на теле несовершеннолетней (несовершеннолетнего) из-за особенностей метаболизма в клетках молодого организма (ускоренный обмен веществ, усиленное кровообращение, быстрая регенерация кожи и тканей и др.) могут уже зажить и стать слабовидимыми, потерять информационную значимость. И тем не менее считаем, что экспертное исследование судебно-медицинский эксперт должен провести только на основе своих собственных исследований и ни в коем случае не пользоваться сведениями других врачей и медицинских работников, которые ранее осматривали (освидетельствовали) несовершеннолетнюю. Надо избегать применения при производстве судебно-медицинской экспертизы ошибочных рекомендаций по использованию в экспертном заключении описаний и записей дежурных врачей в медицинских журналах и документах. Использование результатов исследования следов преступления, проведенного иными лицами, в формулировании выводов при составлении заключения эксперта может привести к серьезным экспертным ошибкам и, как одно из последствий, к искажению других элементов криминалистической характеристики преступлений (способ и орудие его совершения, обстановка совершения и др.).

Таким образом, при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних особое значение приобретает установление с помощью судебных экспертиз элементов криминалистической характеристики. Показаны возможности судебных экспертиз в установлении корреляции между следами преступлений, следственными ситуациями и элементами криминалистической характеристики, а также возможности судебных экспертиз в извлечении и исследовании информации, содержащейся в объектах, и в последующем установлении элементов криминалистической

характеристики преступлений с участием несовершеннолетних – информационной базы о совершенном преступлении.

Полагаем, что проведение экспертных исследований, раскрывающих причинно-следственные связи лица, совершившего преступление, способа совершения, обстановки позволяет с большей эффективностью использовать весь комплекс знаний по криминалистическому моделированию для установления всей системы элементов криминалистической характеристики преступлений с участием несовершеннолетнего.

Установлено, что возможности комплексной (интеграционной) ситуационной экспертизы при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних будут успешно реализованы при соблюдении следующих условий: компетентность судебных экспертов разных экспертных специальностей, принимающих участие в такой экспертизе, не только в проводимых ими видах судебных экспертиз, но и в экспертных исследованиях несовершеннолетних и следов, оставляемых ими, проводимых коллегами других экспертных специальностей, участвующими в ситуационной экспертизе; компетентность следователя во всех вопросах назначаемой ситуационной экспертизы; синергичность (однаправленность, интеграционные действия) использования криминалистически значимой информации, полученной в результате проведенной ситуационной экспертизы.

4.2. Проблемы экспертного исследования личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства

Как известно, в сфере борьбы с преступностью личность человека изучается методами различных наук: как индивида – социологией, судебной медициной; как личности – судебной психологией, судебной психиатрией, судебной этикой; как субъекта деятельности – уголовным правом,

криминологией. В российской системе юридических наук исторически сложились следующие виды изучения личности преступника: «криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный, судебно-психологический, пенитенциарный и криминалистический»²⁵⁷. Изучением личности (в основном обвиняемого) в криминалистическом аспекте занимались известные ученые: В.А. Жбанков, М.Г. Коршик, С.С. Степичев, Н.Т. Ведерников, Ф.В. Глазырин, А.С. Кривошеев, И.А. Матусевич, П.П. Цветков и др. Исследованию личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства посвящены работы В.А. Гурьевой²⁵⁸, Р.И. Зайнуллина²⁵⁹, Л.Л. Каневского²⁶⁰, И.А. Макаренко²⁶¹, С.В. Тетюева²⁶² и других ученых. Ими разработаны рекомендации по применению различных методов и средств исследования личности несовершеннолетнего.

Всеми учеными отмечается необходимость изучения личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства (его психологических качеств, психического и эмоционального состояния и др.) для качественного расследования преступлений. Результаты изучения личности несовершеннолетнего служат объективизации выводов следователя (суда) по делам, по которым участником уголовного процесса является

²⁵⁷ Глазырин В.Ф. Криминалистическое изучение личности обвиняемого : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1973. С. 5.

²⁵⁸ Гурьева В.А., Макушкин Е.В. Введение в подростковую судебную психиатрию // Медицинская и судебная психология : курс лекций / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. М., 2004. С. 203–229.

²⁵⁹ Зайнуллин Р.И., Макаренко И.А. Возраст как элемент социального портрета несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22, № 2. С. 362–373 ; Зайнуллин Р.И. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2021. 480 с.

²⁶⁰ Каневский Л.Л. Тактика следственных действий по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. Уфа : Восточный университет, 2001. 140 с.

²⁶¹ Макаренко И.А. Цели и методы исследования информации о личности несовершеннолетнего обвиняемого // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 2 (36). С. 38–41 ; Она же. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007.

²⁶² Тетюев С.В. О доказательственном значении характеристик несовершеннолетних правонарушителей (вопросы теории и практики) // Уголовное право. 2008. № 4. С. 113–118.

несовершеннолетнее лицо. Особенно актуально изучение личности несовершеннолетнего для успешного производства допроса (в целях установления психологического контакта и др.) и ряда других следственных действий. Следовательно (суду) для эффективной работы с несовершеннолетним необходимо знать его психологические особенности, а именно: насколько неадекватна реакция на оценку окружающих; обладает ли несовершеннолетний излишней самоуверенностью, развязностью; насколько эмоционально неустойчиво его поведение; игнорирование общепринятых норм и т. д.

Принято считать, что методы (приемы, способы) изучения личности несовершеннолетнего можно разделить на непосредственные (на основе личного наблюдения следователя, судьи за поведением лица) и опосредованные (на основе привлечения специалистов, судебных экспертов, характеристик, полученных от иных лиц, применяющих специальные технические средства, и т. д.). Путем непосредственного наблюдения следователем (судьей) трудно узнать психологические особенности, интересы, мотивы, цели действий несовершеннолетнего, возникают сложности в их объективной оценке. Конечно, можно получить сведения о несовершеннолетнем участнике уголовного судопроизводства (семье, распорядке дня, качестве обучения (работы) и т. д.) с использованием формальных методов изучения личности (справок, характеристик с мест учебы, работы, жительства и др.), но полученная информация будет носить в большей степени субъективный характер.

Мы согласны с М.В. Лифановой в том, что «опосредованные приемы получения информации о личности несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого наиболее объективны»²⁶³ (это относится и к информации о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей). Из всех

---

²⁶³ Лифанова М.В. Теоретические основы расследования групповых преступлений несовершеннолетних : монография. Уфа : РИЦ БашГУ, 2011. С. 25.

опосредованных приемов получения информации о личности (интервьюирование родителей, педагогов, сверстников, изучение дневников, записных книжек несовершеннолетнего и др.) полагаем, что личность несовершеннолетнего как субъекта начальной стадии социализации (хотя причиной совершения преступления может являться не возраст, а деформация личности, искажения в социальном развитии²⁶⁴) лучше будет изучена с использованием специальных знаний, а именно в результате проведения судебных экспертиз (судебно-медицинских, психологических, психиатрических, этиковедческих и др.).

Полагаем необходимым разделить проблемы экспертного исследования личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства на два принципиально важных направления:

- а) судебно-экспертное исследование личности предполагаемого (неустановленного) несовершеннолетнего участника судопроизводства;
- б) судебно-экспертное исследование конкретного несовершеннолетнего участника судопроизводства.

О личности неустановленного на момент исследования несовершеннолетнего участника можно получить информацию в результате экспертного исследования материальных следов преступления (в основном обнаруженных и изъятых в ходе осмотра места происшествия). Так, при исследовании следов рук можно приблизительно определить возраст человека.

Поскольку кора головного мозга и эпидермис ладонной поверхности сформировались из одного зародышевого листа, по типу папиллярного узора на ногтевых фалангах пальцев рук и ряду других признаков можно определить генетически заложенные умственные способности, энергетический потенциал и другие свойства человека. Например, людям, у которых преобладают

---

²⁶⁴ Букаев Н.М., Мальцев В.В. Расследование преступлений несовершеннолетних. Ростов н/Д. : Феникс, 2006. С. 43.

папиллярные узоры дугового типа (более чем на пяти пальцах рук), свойственны прямолинейность, ярко выраженное стремление к лидерству, выражающееся в карьеризме, грубости в отношении равных или нижестоящих по должности, отсутствие музыкального слуха. Как правило, умственный потенциал у таких лиц невысокий²⁶⁵.

По следу ладони можно выдвинуть предположения о социальной среде, сформировавшей оставившего этот след. Так, ладонь человека, с детства занимающегося физическим трудом, как правило, более широкая, квадратной формы, по сравнению с ладонью представителя интеллигенции, имеющей более узкую, прямоугольную или овальную форму.

Установление указанных характеристик личности проводится с использованием криминалистической дерматоглифики – направления «дактилоскопии, которое ставит перед собой задачу определения характеристик личности преступников и подозреваемых в совершении преступления по папиллярным узорам»²⁶⁶. Также дерматоглифику определяют как «раздел трасологии, представляющий системы научных положений и разрабатываемых на их основе специальных средств и методов исследования дерматоглифических узоров в целях раскрытия и расследования преступлений»²⁶⁷. К сожалению, не все криминалисты-практики знакомы с научно-методическими положениями этой отрасли знаний, многие не владеют навыками использования криминалистической дерматоглифики при расследовании преступлений.

---

²⁶⁵ Аминев Ф.Г., Янбердин Р.А. Предварительное исследование трасологических следов на месте происшествия и использование полученных результатов в раскрытии преступлений по горячим следам : методические рекомендации. Уфа : Тип. им. Ф.Э. Держинского, 2011. С. 6.

²⁶⁶ Эджубов Л.Г., Богданов Н.Н. Введение в папилляроскопию // Папиллярные узоры: идентификация и определение характеристик личности (дактилоскопия и дерматоглифика). М., 2002. С. 28.

²⁶⁷ Исютин-Федотков Д.В., Каразей О.Г., Мухин Г.Н. Криминалистическая дерматоглифика (история, современность, перспективы развития) : монография / под общ. ред. Д.В. Исютина-Федоткова. М. : Юрлитинформ, 2011. С. 60.

При экспертном исследовании следов босых ног можно установить приблизительный возраст человека²⁶⁸.

В ходе экспертного исследования следов орудий взлома можно определить силу давления, произведенного преступником, его возможный возраст, рост, степень физического развития, а также наличие или отсутствие профессиональных навыков владения инструментом²⁶⁹, а в ходе исследования следов зубов – характеристики зубного аппарата, возраст лица²⁷⁰.

По следам губ можно установить их размер (ширину, длину), возраст лица, оставившего след, диагностировать возможные кожные заболевания (герпес и др.), наличие шрамов или иных повреждений²⁷¹.

По следу кожного покрова без папиллярных узоров диагностируется участок тела, оставившего след (локоть, колено, лоб, губы, уши и др.), наличие складок, морщин, кожных заболеваний, а также приблизительный возраст. Так, «высокому человеку соответствуют следы кончика носа высотой более 20 мм, для низкого роста – 10–12 мм. У худощавого человека многочисленные мелкие бороздки направлены вертикально (от нижней губы к свободному краю подбородка)»²⁷². По волосам можно установить пол и возраст²⁷³. По запаховым следам человека в результате производства их судебной экспертизы (одорологической) возможно установление пола, возраста, специфических заболеваний неустановленного участника²⁷⁴ и т. д.

---

²⁶⁸ Маликов С.В., Савенков А.Н. Руководство по военно-полевой криминалистике. М., 2011. С. 199.

²⁶⁹ Майлис Н.П. Руководство по трасологической экспертизе. М. : Шит-М, 2007. С. 82.

²⁷⁰ Там же. С. 138.

²⁷¹ Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М. : Норма, 2020. С. 323–324.

²⁷² Аминев Ф.Г., Янбердин Р.А. Указ. соч. С. 7.

²⁷³ Вещественные доказательства: информационные технологии процессуального доказывания / под общ. ред. В.Я. Колдина. М. : Норма, 2002. С. 506–507.

²⁷⁴ Старовойтов В.И., Шамонова Т.Н. Запах и ольфакторные следы человека. М. : Лекс Эст, 2003. 128 с.

При проведении судебно-медицинской экспертизы эксперт по количеству повреждений, характеру их нанесения, виду и глубине проникновения орудия преступления в тело может сделать (чаще всего, в предположительной форме) выводы о возрасте, физических аномалиях, личностных качествах лица²⁷⁵, нанесшего телесные повреждения: цинизме, жестокости, садизме, дерзости и др.

По тексту изъятой рукописи, выполненной несовершеннолетним, может быть назначена судебная почерковедческая экспертиза с диагностическими задачами. В ходе ее производства устанавливается тип высшей нервной деятельности, пол, возраст, психологические характеристики личности²⁷⁶. Например, эмоциональную неустойчивость можно установить по комплексу признаков почерка: слабый неравномерный нажим, переменный наклон, несвязный или частично связный почерк, волнообразная или ступенчатая форма строк, переменный размер почерка, первые буквы не соединены со словом, переменный размер почерка²⁷⁷ и др.

Выявленное резкое изменение почерка может свидетельствовать о серьезном воздействии на писавшего внешнего или внутреннего факторов. Можно согласиться с А.А. Гайворонской, что «почерк может рассматриваться в качестве имманентной характеристики индивидуального сознания»²⁷⁸.

²⁷⁵ Самищенко С.С. О некоторых возможностях судебной медицины при расследовании убийств // Криминалистика и судебная медицина: вопросы теории и практики : сборник научных трудов / под ред. И.О. Перепечиной и А.М. Багмета. М. : ООО «Буки Веди», 2018. С. 230–231.

²⁷⁶ Гайворонская А.А. Подходы к анализу психологических характеристик // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве. Вып. 6. С. 96.

²⁷⁷ Шуванов И.Б., Новиков С.С. // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве. Вып. 6. С. 244–245.

²⁷⁸ Гайворонская А.А. Почерк как одна из имманентных характеристик индивидуального сознания // Актуальные вопросы судебной психологической экспертизы и комплексной экспертизы с участием психолога. Перспективы научного и прикладного исследования почерка : сборник материалов III международной научно-практической конференции. Калуга, 2019. С. 21–27.

При проведении психологического анализа почерка выявляются значимые свойства человека: склонность к суициду, способность отдавать отчет своим действиям (склонность решать конфликты насильственным образом), акцентуированные характеристики личности, болезненные состояния и др.²⁷⁹

Известно, что почерк имеет признаки, обусловленные не только процессом интериоризации, но и экстериоризации, когда система письменно-двигательного навыка, сформированная за счет комплекса физических, психических, физиологических и иных свойств человека, отображает эти многочисленные свойства (проявляется вовне). Например, исследователями установлен значительный коэффициент корреляции (более 0,81) для эпилептоидного типа личности общего признака почерка «малый размер букв (до 0,2 мм); для циклоидного типа общего признака почерка «неравномерный размер букв»²⁸⁰ и т. д.

Путем диагностического психологического анализа почерка совместно с экспертом-психологом в ходе комплексной психолого-почерковедческой экспертизы выявляются индивидуальные особенности лица, осуществляется объективное изучение личности, результаты которого позволяют следователю (судье) правильно определить тактику следственных действий с участием этого несовершеннолетнего (к сожалению, следователи нечасто назначают такое комплексное диагностическое экспертное исследование).

При производстве судебной автороведческой экспертизы можно установить приблизительный возраст, уровень грамотности, этническую, религиозную принадлежность автора текста.

---

²⁷⁹ Аувяэрт Л. О перспективах применения психологического анализа почерка в Эстонской Республике // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве. Вып. 6. С. 37–38.

²⁸⁰ Ахмедшин Р.Л. О некоторых взаимосвязях акцентуированного типа личности и признаков почерка // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве. Вып. 6. С. 42.

В результате молекулярно-генетической экспертизы потожировых следов можно определить следующие диагностические характеристики человека: пола, возраст, давность образования потожирового следа, некоторые патологические особенности и состояния человека (например, хронические заболевания кожи, нервно-психические расстройства, наркомания).

Благодаря накопленным за последние годы знаниям о геномах стало возможным реконструировать по особенностям ДНК в следах биологического происхождения, изъятых с мест происшествий, внешний облик оставившего их человека, то есть провести ДНК-фенотипирование. В настоящее время путем ДНК-анализа успешно устанавливаются цвет волос и глаз, пигментация кожи, расовая принадлежность, облик человека и др. Результаты анализа научных исследований и следственной практики показывают, что «ДНК-фенотипирование способствует... поиску преступников или установлению облика человека по его останкам»²⁸¹.

При отсутствии другой криминалистически значимой информации ДНК-фенотипирование позволяет реконструировать облик преступника или его жертвы, включая их географическое происхождение, что способствует сужению круга подозреваемых, установлению их личностей и задержанию.

Все рассмотренные методы диагностического исследования личности неустановленного несовершеннолетнего преступника при их комплексном использовании позволяют провести криминалистическое моделирование и составить модель личности этого лица. Так, утром 20 сентября Н-го года на крыльце профессионально-технического училища, расположенного в п. Ч. Чишминского района Республики Башкортостан, был обнаружен конверт, внутри которого находился порошок белого цвета²⁸². На лицевой и обратной

---

²⁸¹ Чемерис А.В., Халиуллина А.Ф., Макаренко И.А., Галяутдинов Р.Р., Аминев Ф.Г. Использование ДНК-фенотипирования при расследовании преступлений: криминалистический и этический аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 5. С. 525.

²⁸² Напомним, что в постсоветский период конверты с угрозами физического уничтожения и содержащие порошки со спорами опасных инфекционных болезней

стороне конверта имелись рисунки в виде многоэтажных домов, перечеркнутых крестообразно, а также тексты на английском и арабском языках. Конверт был направлен в Экспертно-криминалистический центр МВД по Республике Башкортостан. В результате глубокого комплексного экспертного исследования текстов и рисунков с привлечением почерковедов, психологов, лингвистов была составлена криминалистическая модель неустановленного лица (внутри конверта оказался известковый порошок). Среди особенностей этого лица были отмечены следующие: мужского пола, возраст 15–17 лет, неполное среднее образование, слабое владение английским языком (только со словарем), полное невладение арабским (текст, состоящий из арабских букв, переписан из Корана), ярко выраженная обидчивость и т. д. Правоохранительные органы были сориентированы на поиск лица с указанными признаками, и через два дня оно было установлено и задержано. Им оказался местный житель в возрасте 16 лет, исключенный из училища за неуспеваемость и недисциплинированное поведение, который таким образом решил отомстить за исключение из учебного заведения²⁸³.

Из сказанного следует, что для успешного расследования, в ходе которого выдвигается версия о совершении преступления с участием несовершеннолетнего, имеется настоятельная необходимость в установлении фактических данных о свойствах личности этого участника – пола, уровня интеллекта, возраста, национальности, профессии, телосложения, физического и психического развития, речевых особенностей, внешнего облика, длины и цвета волос и др. – с целью сужения круга подозреваемых, организации целенаправленного их поиска и последующего задержания.

(сибирской язвы, чумы, сапа и др.) разбрасывали в общественных местах представители террористических организаций.

²⁸³ Аминев Ф.Г. и др. Справка о предварительном исследовании конверта, обнаруженного на крыльце ГПТУ в п. Ч. Чишминского района Республики Башкортостан. Уфа : ЭКЦ МВД по РБ, 2003.

Но в криминалистическом моделировании личности неустановленного несовершеннолетнего преступника с дальнейшим составлением модели этого лица, которое можно получить в результате проведения комплекса судебных экспертиз, имеется ряд проблем.

1. Проблема понимания необходимости проведения судебно-экспертных исследований не только в целях идентификации лица, оставившего следы преступления, но и диагностики свойств и характеристик лица, совершившего преступление в условиях неочевидности и остающегося неустановленным. Для оптимизации процесса установления и задержания преступника должны своевременно проводиться диагностические исследования обнаруженных и изъятых следов преступления, что позволит сузить круг подозреваемых. Для решения этой проблемы следователи (судьи) должны ставить на разрешение экспертам не только идентификационные, но и диагностические задачи. Так, по изъятым следам рук при назначении судебной дактилоскопической экспертизы следует поставить вопрос: каковы рост, пол и возраст человека, оставившего следы?

2. В случае необходимости установления всего круга несовершеннолетних, причастных к совершению преступлений, следы рук необходимо исследовать экспертам и других специальностей. В этом случае проводятся комплексная криминалистическая и судебно-медицинская экспертизы следов рук в целях определения, какими особенностями строения руки обладает лицо, оставившее следы на объекте (отсутствие пальцев, наличие шрамов, уродств кисти руки и т. д.).

3. Отдельно проводится судебная физико-химическая экспертиза веществ, содержащихся в следах рук, устанавливающая, каким веществом (если краситель, то какой именно) образованы данные следы, судебная биологическая экспертиза веществ, содержащихся в следах рук, устанавливающая групповую принадлежность потожировых выделений, которыми образованы следы, является ли вещество, которым образован след руки, кровью.

В области диагностических исследований следов рук с целью установления психофизиологических и физических свойств человека плодотворно работают ученые-криминалисты: Т.Ф. Абрамова, Т.М. Никитина, С.С. Самищенко, О.А. Соколова, Л.Г. Эджубов и др. Так, установлено, что «в случае обнаружения следов рук с большим количеством папиллярных узоров дугового типа можно с большой вероятностью предположить, что человек, оставивший данные следы, не вынослив, у него низка скорость и сила, он прямолинейный. У лиц, имеющих большое количество межпапиллярных линий, отмечается способность к длительной "мелкой" работе и т. д.»²⁸⁴.

Возможности судебных экспертиз для исследования личности неустановленного несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства могут быть еще весомей, если бы не совершались типичные деятельностные экспертные ошибки:

- исследование непригодных объектов;
- отсутствие достаточного объема специальных знаний в конкретных отраслях науки, техники, искусства и ремесла;
- нарушение правил получения экспериментальных следов;
- применение непроверенных и научно не обоснованных методов исследования и т. д.

Проведение судебно-экспертного исследования установленного несовершеннолетнего участника связано с необходимостью выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию, а именно: время, место, способ совершения преступления, мотивы, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, и др.

Экспертное изучение личностных качеств несовершеннолетнего обеспечивает следователя (дознателя) сведениями о таких характеристиках

---

²⁸⁴ Аминев Ф.Г. Назначение судебных экспертиз при расследовании преступлений : учебное пособие. Уфа : РИЦ БашГУ, 2020. С. 39.

личности (открытость к общению, тактичность или, наоборот, замкнутость, вспыльчивость и др.), которые необходимо знать для установления психологического контакта во время проведения следственных действий (допроса, обыска, предъявления для опознания и др.) с несовершеннолетним.

Главной проблемой, которую необходимо решить следствию при помощи экспертного исследования личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства, является определение его возраста, с которым связаны все анатомические (морфологические), физиологические, психологические, психические особенности конкретного индивида. Трудности возникают в первую очередь в налаживании спокойного, доверительного общения из-за того, что несовершеннолетний в силу малого жизненного опыта, повышенной эмоциональности воспринимает любые попытки коммуникации с ним взрослого как вторжение в его «внутренний мир», агрессию в непонятных для него целях, вследствие чего несовершеннолетний оказывает сопротивление. Поэтому при производстве судебных экспертиз, объектом которых является несовершеннолетний (судебных психологических, психиатрических), эксперт (в случае контакта с объектом исследования) должен применить весь арсенал подходящих к конкретной ситуации тактических приемов и установить психологический контакт.

Как известно, при задержании несовершеннолетнего без документов, удостоверяющих его личность, назначаются судебно-медицинские экспертизы. В ходе нее, используя антропометрические, рентгенографические методы. «Судебно-медицинский эксперт на основании совокупности показателей роста, веса, состояния костей головы, конечностей, зубов, волос, вторичных половых признаков и других частей тела устанавливает возраст несовершеннолетнего»²⁸⁵. Но в этих исследованиях остается нерешенной

---

²⁸⁵ Букаев Н.М., Мальцев В.В. Расследование преступлений несовершеннолетних. Ростов н/Д. : Феникс, 2006. С. 127.

проблема точности определения абсолютного возраста в связи с постоянной эволюцией демографических, антропологических и иных процессов.

В результате экспертного исследования личности конкретного несовершеннолетнего участника устанавливаются особенности характера, физического, психического, умственного, культурного развития личности, а также психофизиологические особенности. Полученные сведения о личности несовершеннолетнего помогают во всем комплексе действий следователя по расследованию и профилактике преступлений несовершеннолетних, имеют значение для расследования преступления в целом.

Методика изучения личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства предполагает анализ следующих характеристик личности (включая уголовно-правовую характеристику):

«1. Наследственно-биологические факторы: патологическая беременность; алкоголизм, наркомания родителей; предрасположенность к нервным и психическим заболеваниям и т. д.

2. Социально-демографические особенности: пол, возраст, наличие семьи и иных родственников, уровень образования, место работы и т. д.

3. Психологические факторы: особенности характера и темперамента (конфликтность, придирчивость, склонность к ссорам, скандалам и дракам, мстительность, озлобленность, злопамятство, агрессивность и др.), ценностные ориентации, уровень притязаний и т. д.

4. Социально-ролевые факторы: отношение несовершеннолетнего к учебе или работе, его статус в малых социальных группах и т. д.

5. Уголовно-правовая характеристика личности: отношение к праву, правоохранительным органам и совершенному преступлению, наличие криминального опыта»²⁸⁶ и т. д.

---

²⁸⁶ Лифанова М.В. Теоретические основы расследования групповых преступлений несовершеннолетних : монография. Уфа : РИЦ БашГУ, 2011. С. 12–13.

Названные и другие характеристики личности несовершеннолетнего подлежат изучению в ходе всего предварительного расследования, завершается их анализ с принятием окончательного судебного решения.

Отметим, что многие из перечисленных характеристик личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства устанавливаются только в результате судебных экспертиз.

Так, у подростков трудно установить внешние признаки таких умственных заболеваний, как слабоумие (олигофрения), иные болезненные состояния (психопатия, психофизический инфантилизм и др.). Л.Л. Каневский особое внимание рекомендовал уделять экспертной диагностике психопатии, которая внешне «проявляется по-разному: повышенной раздражительностью, драчливостью, агрессивностью к окружающим, физической и психической невыносливостью, повышенной внушаемостью и, вместе с тем, детским упрямством»²⁸⁷. При выявлении признаков психопатии назначается судебно-психиатрическая экспертиза, которая должна проводиться в соответствии с ч. 1 ст. 10 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и общепринятыми международными стандартами. В результате производства этой судебной экспертизы должны быть получены ответы на вопросы о наличии у несовершеннолетнего психического заболевания, возможности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них правильные показания, патологической склонности к фантазированию и псевдологии и др.

Если в результате судебно-психиатрической экспертизы психическое заболевание не диагностировано (не установлено отставание в психическом развитии), то назначается судебно-психологическая экспертиза. Такая экспертиза назначается и при обнаружении признаков умственной отсталости (несовершеннолетний проявляет неспособность к усвоению учебного

---

²⁸⁷ Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. С. 230.

материала начальной школы, тяготеет к интересам, свойственным лицам более младшего возраста и т. д.), ее объектом является психика человека. В ходе проведения экспертизы устанавливаются психологические свойства и состояние человека: наличие у несовершеннолетнего признаков умственной отсталости, не связанных с психическим заболеванием; возможность осознавать значение своих действий; мера руководства своими действиями; особенности психологического развития несовершеннолетнего (малолетнего); возможность несовершеннолетнего (малолетнего), с учетом его психологического развития, давать правильные показания по делу и др. Перечисленные задачи решаются в результате судебно-психиатрических и судебно-психологических экспертиз, проводимых в отношении всех несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства.

При необходимости проведения судебно-психологической экспертизы по установлению состояния конкретного участника судопроизводства, например, несовершеннолетней потерпевшей по делу об изнасиловании, такой экспертизой решаются следующие вопросы:

- могла ли потерпевшая, учитывая особенности ее психического развития, эмоциональное состояние и объективно сложившуюся ситуацию, понимать характер и значение действий обвиняемого;
- могла ли потерпевшая, учитывая особенности ее психического развития, эмоциональное состояние и объективно сложившуюся ситуацию, оказывать сопротивление преступнику?²⁸⁸.

В ряде случаев по результатам экспертных исследований личности конкретного несовершеннолетнего возникает необходимость расширить круг участников следственного действия. Например, если установлено, что несовершеннолетний участник отстает в психическом развитии, то следовательно нужно обеспечить участие в допросе специалиста-психолога.

---

²⁸⁸ Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. С. 233.

Участие этого специалиста необходимо и при производстве других вербальных следственных действий с несовершеннолетним, имеющим аналогичные вышеназванному заболевания.

Изучение следственной и судебно-экспертной практики показало, что для успешного проведения экспертного исследования личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства необходимо решить ряд проблем.

1. Проблема выбора субъекта (судебно-экспертной организации или лица, обладающего специальными знаниями) для производства судебной экспертизы. Сложность данного вопроса заключается в том, что по уголовным делам с участием несовершеннолетних проводятся не только судебные экспертизы, перечень которых закреплен приказами ведомств, но и судебные экспертизы по экспертным специальностям, которые либо отсутствуют в перечне проводимых ведомством экспертиз, либо уровень конкретных экспертов и их возможности не соответствуют требованиям, необходимым для решения поставленной следователем (судом) задачи. Среди сотрудников правоохранительных органов преобладает мнение, что при наличии эксперта соответствующей экспертной специальности в штате государственной судебно-экспертной организации (независимо от уровня его компетентности, опыта работы и других характеристик) судебные экспертизы чаще всего будут назначаться в эти организации. Несмотря на такое мнение, большая часть судебных экспертиз назначается и проводится вне государственных судебно-экспертных организаций, причиной чего, по справедливому мнению, А.А. Эксархопуло, «могут стать сомнения в незаинтересованности либо независимости государственных экспертов, состоящих в штате подчиненного правоохранительному органу экспертного учреждения»²⁸⁹. Проведение судебных экспертиз вне государственных судебно-экспертных организаций

---

²⁸⁹ Эксархопуло А.А. Криминалистика: теоретические проблемы и практические решения : учебное пособие. 2-е изд., изм. и доп. Уфа, 2019. С. 382–383.

может быть поручено высококвалифицированным лицам, имеющим как опыт практической работы, так и научные достижения в конкретных научных направлениях.

Сведущим лицам, занятым судебно-экспертной деятельностью вне государственных судебно-экспертных организаций, по делам с участием несовершеннолетних чаще всего назначаются судебно-психологические, судебные психолого-психиатрические и иные виды судебных экспертиз. Так, судебно-психологические экспертизы назначаются преподавателям кафедр педагогики и психологии вузов, научным сотрудникам в области психологии, работающим в научно-исследовательских институтах, штатным психологам психиатрических больниц и диспансеров, опытным учителям, прошедшим соответствующий курс подготовки в области детской и юношеской психологии.

Однако не все сведущие лица, работающие вне государственных судебно-экспертных организаций, обладают компетентностью судебного эксперта, решающего задачи, поставленные перед ним в процессе судопроизводства. Особенно наглядно эксперта невысокий уровень методологической подготовки таких экспертов виден в их заключениях.

Для решения этой проблемы следует разработать и утвердить в заинтересованных ведомствах (Министерстве внутренних дел, Следственном комитете, Министерстве здравоохранения, Министерстве юстиции и др.) методические рекомендации по проведению судебных экспертиз несовершеннолетних и организовать их изучение всеми экспертами, принимающими участие в их производстве, с последующей сдачей экзаменов.

2. Проблема неоправданного ограничения исследования личности несовершеннолетнего только материалами независимых характеристик (с места учебы, работы и места жительства, из спортивных секций, клубов и др.). Из-за возможного увеличения сроков расследования следователь (суд) не назначает судебные экспертизы, а направляет запросы по месту учебы (работы) или в муниципальные психологические центры. Работающие в этих

центрах психологи со стажем практической деятельности могут, используя методы анкетирования, интервью, метод патохарактерологической диагностики достаточно быстро составить характеристику несовершеннолетнего. Но в сложных случаях, если несовершеннолетний отстаёт в умственном развитии или страдает психическим расстройством, следует не ограничиваться такой характеристикой, а назначить судебную психиатрическую или психолого-психиатрическую экспертизы²⁹⁰. Мы рекомендуем не ограничиваться запросом независимых характеристик несовершеннолетних, а назначать судебные экспертизы психологам специализированных муниципальных психологических центров

3. Проблема правильного формулирования и постановки вопроса на разрешение судебного эксперта-психолога. Естественно, следователь (суд) сформулирует вопрос точнее и правильнее, если обратится за помощью к специалисту, а в некоторых случаях – к тому эксперту, кому будет назначена судебная экспертиза. Так, в целях правильного формулирования вопросов для производства психологических экспертиз желательно проконсультироваться с педагогом или психологом. Ещё Л.Л. Каневский в ранних своих работах, исследуя психофизиологическое развитие подростка, его характер, потребности и интересы, в целях проверки возможного отставания в психофизическом развитии несовершеннолетнего рекомендовал назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу, проконсультировавшись со специалистом²⁹¹.

4. Проблема подготовки объектов, направляемых на судебно-экспертное исследование при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних. Следователь (суд) должен обладать высоким уровнем

---

²⁹⁰ Тетюев С.В. О доказательственном значении характеристик несовершеннолетних правонарушителей (вопросы теории и практики) // Уголовное право. 2008. № 4. С. 116.

²⁹¹ Каневский Л.Л. Особенности изучения личности несовершеннолетнего обвиняемого на предварительном следствии // Актуальные вопросы предварительного следствия. Уфа, 1976. С. 101.

специальных знаний в той научной отрасли, по которой будет назначена судебная экспертиза. Например, для получения образцов для сравнительного исследования необходимо знать, в каких условиях были получены образцы и, исходя из этого, создать те же условия (включая обстановку, материалы, температуру воздуха, время образования следа и т. д.). Иначе возможны экспертные ошибки, заключающиеся в выводах, полученных в результате сравнительного исследования, несопоставимого по механизму, условиям и времени образования исследуемых следов, иных объектов с образцами.

Кроме того, на исследование необходимо направлять только объекты, которые не вызывают сомнений в их происхождении и процессуальном закреплении и могут быть признаны допустимыми. Так, недопустимыми для производства судебно-психологических, судебно-психиатрических и других экспертиз являются протоколы допроса участников уголовного процесса (свидетелей, потерпевших, подозреваемых и др.), так как ранее допрошенные участники судопроизводства могут изменять показания, что влечет недостоверность выводов судебных экспертиз, сделанных на основании показаний, отраженных в протоколе.

Недопустимыми объектами для производства судебных экспертиз по делам с участием несовершеннолетних, по нашему мнению, являются заключения специалистов, в которых содержатся сведения, полученные вне экспертных процедур, поскольку заключение специалиста является лишь представленным в письменном виде суждением, а не полноценным исследованием на базе использования судебно-экспертных методик.

5. Проблема необходимости комплексного экспертного исследования (изучения) несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства. Эта проблема рассматривалась многими учеными (А.Д. Кудряшовым²⁹², В.Е.

---

²⁹² Кудряшов Д.А. Теория и практика комплексной судебной экспертизы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

Лапшиным²⁹³, Ж.А. Успановой²⁹⁴, М.С. Шуваевой²⁹⁵ и др.). Комплексной экспертизой является совместное исследование и решение единой задачи экспертами разных специальностей, которую отдельно экспертом отдельной специальности решить невозможно.

В результате проведения комплексных исследований несовершеннолетнего участника судопроизводства устанавливаются сведения, дающие основания для определения обстоятельств, позволяющих правильно квалифицировать совершенные уголовные деяния, устанавливать условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, степень влияния на него взрослых.

Для установления пограничных состояний вменяемости/невменяемости несовершеннолетнего в сложных ситуациях скрытого течения психических болезней и психологических особенностей необходимы комплексные судебно-экспертные исследования. Так, они проводятся при исследовании обстоятельств смерти несовершеннолетнего в условиях неочевидности, когда остается невыясненным главный вопрос: имел место суицид, несчастный случай или убийство с инсценировкой самоубийства. Путем экспертного анализа признаков почерка (психологического анализа почерка) в предсмертной записке, других рукописных текстах (в дневнике учащегося, переписках с одноклассниками и др.) выясняется вероятная возможность добровольных/недобровольных намерений совершить самоубийство²⁹⁶. Например, отмечаются следующие признаки в рукописи лица, находящегося в состоянии депрессии: опускающиеся строки, маленький размер букв с

---

²⁹³ Лапшин В.Е. Место происхождения как объект экспертного исследования : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.

²⁹⁴ Успанова Ж.А. Комплексные экспертизы при расследовании преступлений, связанных со взрывами на промышленных объектах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994.

²⁹⁵ Шуваева М.С. Правовые и организационные основы назначения и производства комплексной экспертизы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

²⁹⁶ Казарян Г.А., Тер-Степанян А.Г., Егиазарян А.А. Особенности психологического анализа текстов при судебно-психологической экспертизе // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве. Вып. 6. С. 111.

нестабильной формой, небрежные угловатые буквы, общая перегруженность²⁹⁷. Вместе с тем не всегда полученные в результате психолого-почерковедческого анализа рукописного текста признаки предсуицидального состояния несовершеннолетнего однозначно свидетельствуют о таком состоянии. Поэтому для объективизации и правильной интерпретации выводов проводятся комплексные научные исследования таких почерковых объектов с использованием специальных знаний в области психологии, почерковедения, психолингвистики и других смежных наук. В результате одного из таких исследований разработана компьютерная программа HSDetect, содержащая 150 признаков почерка, более 700 характеристик почерка и большое число характеристик психологических черт личности, скоррелированных со всеми признаками и характеристиками почерка. Программа позволяет более полно, качественно и быстро провести психолого-психиатрическое исследование почерка²⁹⁸.

В условиях цифровизации общества становятся актуальными комплексные психолого-автороведческие экспертизы текстов SMS-сообщений, электронных писем и т. д.

Стало обычным назначение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, в ходе которой решается один из основных вопросов квалификации совершенного преступления: какая форма отставания и отклонения в психическом развитии (связанная или не связанная с психическим расстройством) несовершеннолетнего имеет место, в чем конкретно это выражается, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, мог ли отдавать отчет своим действиям и руководить ими.

---

²⁹⁷ Chernov Y. Formal Validation of Handwriting Analysis // Handwriting Research. Validation and Quality / ed. by Y. Chernov, M.A. Nauer. Zurich : HIS Books, 2018. P. 37–68.

²⁹⁸ Chernov Y., Caspers C. Formalized Computer-Aided Handwriting Psychology: Validation and Integration into Psychological Assessment // Behavioral Sciences. 2020. Vol. 10, № 1 ; Chernov Y. Formal Validation of Handwriting Analysis // In: Y. Chernov & M.A. Nauer (eds.). Handwriting Research. Validation & Quality. Berlin : Ebupli, 2018. P. 37–68.

Для производства такой комплексной экспертизы рекомендуем привлекать не только эксперта-психолога и эксперта-психиатра, но и других специалистов: психоневрологов, патопсихологов, сексологов. Обязательность их привлечения обусловлена необходимостью использовать как можно более обширный комплекс знаний для установления, например, причин отставания несовершеннолетнего в развитии.

Для решения проблем комплексного исследования объектов, связанных с расследованием преступлений с участием несовершеннолетних, используются специальные знания не только смежных с психологией и психиатрией наук, но и из области искусства. Имеется достаточное количество фактов, свидетельствующих об использовании таких специфических специальных знаний, необходимость их применения ощущается все острее. При этом следует соблюдать важнейшее требование: они должны применяться на строго научной основе, так как только это «обеспечивает достоверность получаемых с ее помощью результатов, дает гарантию, что результаты не являются случайными, а отображают закономерные свойства объектов»²⁹⁹.

Перспективными являются комплексные судебные экспертизы рисунков несовершеннолетних. В то же время мы уверены, что вопрос о проведении такой экспертизы предполагает наличие разработанной и апробированной научно обоснованной экспертной методики. Поддерживая высказывания Л.А. Бегунова в части того, что «рисунки детей – это своеобразная детская речь, их графические рассказы»³⁰⁰, и И.М. Никольской, которая считает, что выполнение ребенком рисунков позволяет понять его

---

²⁹⁹ Участие специалиста в процессуальных действиях : учебник / А.М. Зинин, А.И. Семикаленова, Е.В. Иванова ; под общ. ред. А.М. Зинина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. С. 7.

³⁰⁰ Бегунов Л.А. Психологический анализ почерка надписей рисунков при производстве судебно-психологических экспертиз // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве. Вып. 6. С. 56.

душевную жизнь³⁰¹, все-таки позволим выразить мнение: для проведения судебной экспертизы рисунков детей недостаточно экспертов-психологов, необходимо привлечение квалифицированных художников, имеющих соответствующее образование и опыт (стаж) работы в области изобразительного искусства. Таким образом, для исследования детских рисунков в целях решения вопросов о взаимоотношениях между родителями и детьми, возможном воздействии на ребенка необходимо производство комплексной психолого-художественной экспертизы с участием двух экспертов: эксперта – детского психолога и эксперта-художника. Кроме того, при наличии рисунков с надписями считаем необходимым привлечь к производству комплексной экспертизы и эксперта третьей специальности – по судебной почерковедческой экспертизе.

В случаях отсутствия документов у несовершеннолетнего наиболее рациональным будет воспользоваться рекомендацией И.А. Макаренко и назначить комплексную медико-психолого-психиатрическую экспертизу по установлению соответствия хронологического возраста психологическому возрасту. Результаты такой экспертизы «позволят не только решить формальный вопрос о приблизительном хронологическом возрасте задержанного несовершеннолетнего, а следовательно, и о субъекте преступления, но и с достоверностью установить, насколько развитие данного подростка соответствует его нормативному возрасту, с которого наступает уголовная ответственность, а также определить состояние его психического здоровья»³⁰².

6. Ограничение в применении инструментальных высокотехнологичных методов экспертного исследования

---

³⁰¹ Никольская Н.М. Метод серийных рисунков и рассказов в психологической диагностике и консультировании детей и подростков : учебное пособие. СПб. ; М. : Речь, 2016. С. 56.

³⁰² Макаренко И.А. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Саратов, 2007. С. 11.

несовершеннолетних. Научному сообществу необходимо приложить усилия для правового и научно-методического обеспечения применения голосового анализатора стресса, томографических исследований головного мозга и других средств и методов для изучения физиологических, психофизиологических, когнитивных и других процессов³⁰³. Эти исследования актуальны для анализа психофизиологических механизмов несовершеннолетнего, «ответственных за генерацию ложного и правдивого ответов, имеющих различную, индивидуально специфическую нейрофункциональную организацию, проявляющихся различно в количественных показателях приборов.

Как известно, ложь – это всегда сознательное искажение действительности, осуждаемое общечеловеческой моралью. «Это отражается на эмоциональном восприятии лжи не только теми, кто ее воспринимает, но и теми, кто ее сообщает»³⁰⁴. Любой человек (несмотря на конкретный возраст), скрывающий правдивую информацию и вместо нее сообщаящий заведомо ложную, находится в состоянии нервного напряжения. Для диагностики ложных и правдивых ответов в ходе расследования преступлений используются психофизиологические экспертизы с применением полиграфа, о которых положительно отзывается И.А. Макаренко³⁰⁵. В судебно-экспертной практике также апробируется новая, более совершенная и методически корректная технология изучения активности мозга методом функциональной магнитно-резонансной томографии³⁰⁶. Введен в

---

³⁰³ Исайчев Е.С., Исайчев С.А. Системный подход к анализу умышленно скрываемой информации // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве. Вып. 4. М. : РГУП, 2020. С. 95.

³⁰⁴ Подольный Н.А. Расследование преступлений, составляющих молодежную организованную преступность. М. : Юрлитинформ, 2007. С. 171.

³⁰⁵ Макаренко И.А. Возможности экспертного исследования идеальных следов преступления // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве. Вып. 4. С. 109–117.

³⁰⁶ Ковальчук М.В., Холодный Ю.И. Исследования с применением полиграфа в парадигме сокрытия информации: направления развития // Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и

эксплуатацию проект методики фМРТ-МРТсП-исследования, пригодной для целей нейрокриминалистической диагностики наличия информации о скрываемых событиях прошлого.

Вопросы эксперта-полиграфолога, касающиеся скрываемых обстоятельств дела, вызывают у исследуемого лица реакцию, которая фиксируется полиграфом, она отличается от реакции на нейтральные вопросы. В связи с этим для определения и фиксации закономерных изменений в деятельности нервной системы лица, которые могут быть отражением формирования и передачи ложной информации, необходимы научно обоснованные методические разработки не только при непосредственном психофизиологическом исследовании несовершеннолетнего судебным экспертом (психологом, педагогом и др.), но и при помощи применения инструментальных методов исследования (полиграфа).

Однако в силу отсутствия правового регулирования и неадаптированности этих судебно-экспертных методик, в том числе методики нейрокриминалистической диагностики, к исследованию несовершеннолетних проведение психофизиологической экспертизы несовершеннолетних с применением полиграфа остается дискуссионным. Хотя, если следовать логике высказывания Р.И. Зайнуллина, «поскольку законодатель определил возраст полного осознания несовершеннолетними совершаемых поступков с 16 лет, тем самым оценив подростков, достигших этого возраста, как сознательных и взрослых личностей, то и тактические приемы, применяемые к ним следователями и дознавателями, не должны существенно отличаться от тех, что применяются к взрослым участникам уголовного судопроизводства»³⁰⁷, то в

ДНК-регистрации населения Российской Федерации : материалы Международной научно-практической конференции (МОЭС, г. Новосибирск, 19–20 октября 2023 г.) / отв. ред. Ф.Г. Аминев. Новосибирск, 2023. С. 77–82.

³⁰⁷ Зайнуллин Р.И. Макаренко И.А. Возраст как элемент социального портрета несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. № 22, № 2. С. 368.

отношении несовершеннолетних в возрасте 16–18 лет также можно проводить и судебную психофизиологическую экспертизу с применением полиграфа.

7. Проблема криминалистического исследования личности несовершеннолетнего ребенка-мигранта. «Всего в Российской Федерации находится 638 174 несовершеннолетних ребенка мигрантов, количество их уменьшается. То, что большая часть из них не учится, я думаю, что это не соответствует действительности. Но, наверное, где-то половина точно по каким-то причинам болтается», – сказал заместитель министра внутренних дел России, отвечая на вопрос в Госдуме³⁰⁸. Основная проблема исследования несовершеннолетних из числа мигрантов заключается в слабом знании ими русского языка. Из-за этого многие слова, словосочетания и предложения произносятся ими неправильно или имеют совершенно иное смысловое значение, чем это принято в русском языке. Поэтому к производству судебных психологических, психиатрических, комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз в отношении несовершеннолетних детей-мигрантов необходимо привлекать переводчика.

8. Проблема оценки заключения эксперта по результатам исследования личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства. Выявление неправильной или неточной оценки экспертного исследования личности чаще всего возможно при помощи специалиста соответствующей экспертной специальности. Так, в ходе проведения судебно-медицинской экспертизы по установлению возраста несовершеннолетнего не всегда применяются все рекомендованные методы экспертного исследования, в результате чего может быть установлен ошибочный возраст исследуемого лица. Например, рентгенографические методы исследования позволяют на основании исследования наличия и толщины хрящевых пластин между позвонками, наличия хрящевых прослоек между костями черепной коробки

---

³⁰⁸ В МВД рассказали о сотнях тысяч детей мигрантов, которые не ходят в школу в России [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/aEhzB9EW22ZAVAE9?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 10.06.2025).

более точно установить возраст несовершеннолетнего. Также не следует забывать о применении антропометрических методов исследования признаков возраста. Для выявления таких экспертных ошибок и общей оценки заключения эксперта нужно привлекать специалистов – экспертов соответствующей специальности.

Из изложенного следует, что для исследования личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства используются многочисленные судебные экспертизы (судебные молекулярно-генетические, комплексные психолого-психиатрические, психолого-лингвистические и др.), в проведении которых имеется ряд проблем, решаемых следующим образом:

1) проблема понимания необходимости проведения судебно-экспертных исследований не только в целях идентификации лица, оставившего следы преступления, но и в целях диагностики свойств и характеристик лица, совершившего преступление в условиях неочевидности и остающегося неустановленным, решается путем постановки на разрешение экспертам не только идентификационных, но и диагностических вопросов;

2) проблема выбора компетентного субъекта (судебно-экспертной организации или лица, обладающего специальными знаниями) для производства судебной экспертизы может быть решена путем разработки и утверждения в заинтересованных ведомствах (Министерстве внутренних дел, Следственном комитете, Министерстве здравоохранения, Министерстве юстиции и др.) методических рекомендаций по проведению судебных экспертиз несовершеннолетних, изучения их всеми экспертами, принимающими участие в производстве таких экспертиз, с последующей сдачей экзамена;

3) проблему исследования личности несовершеннолетнего рекомендуем решать, не ограничиваясь запросом материалов независимых характеристик несовершеннолетних, а назначать судебные экспертизы специалистам (психологам, психотерапевтам и т. д.) специализированных «муниципальных психологических центров», к деятельности которых должны привлекаться

психологи, имеющие подготовку по проведению психологических и других исследований несовершеннолетних.

Попытки принятия во внимание комплексных исследований подростков осуществлялись в начале 1990-х годов. В Уфе и других крупных городах были созданы психолого-педагогические (психолого-диагностические) центры, в которых с несовершеннолетними работали опытные психологи, психиатры, психотерапевты и другие специалисты. По результатам изучения несовершеннолетнего они давали рекомендации по вопросам возможной его ресоциализации. Предлагаем принять нормативные правовые акты (федеральный закон, приказы ведомств и др.), в которых регламентировалась бы такая деятельность, а в одном из пунктов такого нормативного документа было бы указано, что психолого-диагностические центры на основе комплексного изучения несовершеннолетнего, материалов дела по нему должны проводить комплексные судебные экспертизы с составлением заключений эксперта. Причем опыт такой работы имеется: «в некоторых зарубежных странах до 80 % приговоров в отношении несовершеннолетних основываются на заключениях психолого-диагностических центров»³⁰⁹;

4) проблема правильного формулирования и постановки вопроса на разрешение судебного эксперта-психолога, проводящего судебно-психологические экспертизы, должна быть решена путем консультации следователя (судьи) с педагогом или психологом, имеющими опыт производства судебно-психологических экспертиз несовершеннолетних;

5) проблема необходимости комплексного экспертного исследования (изучения) несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства является наиболее серьезной и должна быть решена путем проведения дальнейших комплексных научных исследований с использованием специальных знаний в области психологии, почерковедения,

---

³⁰⁹ Каневский Л.Л. Роль законодательной базы в совершенствовании профилактики правонарушений несовершеннолетних // Система законодательства Республики Башкортостан: становление и дальнейшее развитие. Уфа, 1996. С. 104.

психолингвистики и других смежных наук в целях разработки методического обеспечения комплексных экспертиз в отношении несовершеннолетних. В результате проведения комплексных исследований несовершеннолетнего участника, объектов, связанных с совершенным преступлением, устанавливаются сведения, дающие основания для определения обстоятельств, позволяющих правильно квалифицировать совершенные уголовные деяния, устанавливать условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, степень влияния взрослых на его образ жизни и т. д.;

6) проблема снятия ограничений в применении инструментальных высокотехнологичных методов экспертного исследования несовершеннолетних должна быть решена путем правового регулирования и адаптации судебно-экспертных методик, в том числе методики нейрокриминалистической диагностики, к исследованию несовершеннолетних;

7) проблему оценки заключения эксперта по результатам исследования личности несовершеннолетнего участника судопроизводства предлагается решить путем привлечения к ее проведению специалистов, работающих экспертами соответствующих экспертных специальностей.

4.3. Проблемы производства судебных экспертиз при расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных систем

Проблемы расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, рассматриваются в трудах В.Б. Вехова³¹⁰, Ю.В. Гаврилина³¹¹, Д.В. Завьялова³¹², В.А. Мещерякова³¹³, А.Б. Смушкина³¹⁴ и др. Это направление является очень важным в условиях роста преступности в названной сфере. Так, в 2024 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано на 13,1 % больше преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, чем в 2023 г. (удельный вес от общего количества зарегистрированных преступлений увеличился до 40,0 %, раскрываемость составила 22,6 %)³¹⁵.

Влияние информационно-телекоммуникационных систем на несовершеннолетних может быть положительным (расширение кругозора с помощью познавательных интернет-сайтов, образовательных возможностей, приобретения трудовых умений и навыков работы с цифровыми технологиями и т. д.), а при неконтролируемом и неумелом их использовании – отрицательным (распространение экстремистских, порнографических

---

³¹⁰ Вехов В.Б., Ковалев С.А. Компьютерное моделирование при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации : учебное пособие. Волгоград : ВА МВД России, 2014. 77 с. ; Вехов В.Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008.

³¹¹ Гаврилин Ю.В. Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

³¹² Завьялов Д.В. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации: отечественный и зарубежный опыт : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

³¹³ Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001.

³¹⁴ Смушкин А.Б. Цифровизация криминалистической деятельности : учебное пособие / под ред. В.Б. Вехова. М. : КНОРУС, 2024. 208 с.

³¹⁵ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/60248328/> (дата обращения: 24.03.2025).

материалов, незаконная торговая деятельность, попрошайничество, мошенничество, незаконный оборот наркотиков и т. д.).

Особо глубокий смысл заложен в высказывании Н.А. Подольного: «Суть трансформации информации в доказательства состоит в том, что она проверяется процессуальными средствами относительно ее достоверности, а следовательно, решается вопрос о возможности использовать ее в доказывании»³¹⁶. Поэтому крайне необходимо обеспечить производство судебных экспертиз материалов, размещенных несовершеннолетними в информационно-телекоммуникационных системах.

В зависимости от области знаний, применяемых при производстве судебных экспертиз при расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, судебные экспертизы можно разделить на группы:

- а) проводимые с использованием специальных знаний в IT-технологиях;
- б) проводимые с использованием специальных знаний в сфере детской и подростковой психологии;
- в) проводимые с использованием специальных знаний в области речеведения (лингвистические, автороведческие, фоноскопические и др.);
- г) традиционные криминалистические экспертизы (судебно-трасологические, баллистические, портретные и др.);
- д) комплексные экспертизы.

При расследовании преступлений, совершаемых с использованием высокотехнологичных средств и методов (информационно-телекоммуникационных систем) при участии несовершеннолетних, самым распространенным родом назначаемых судебных экспертиз являются компьютерно-технические, отнесенные нами к первой группе. Полагаем, что

---

³¹⁶ Подольный Н.А. Расследование преступлений, составляющих молодежную организованную преступность. М. : Юрлитинформ, 2007. С. 34.

в зависимости от объектов и решаемых задач компьютерно-технические экспертизы можно разделить на 5 видов:

- аппаратно-компьютерную экспертизу (исследование аппаратных средств компьютерной системы);
- программно-компьютерную экспертизу (исследование программного обеспечения компьютерных комплексов);
- информационно-компьютерную экспертизу (поиск, обнаружение и исследование информации, содержащейся в компьютерной системе);
- компьютерно-сетевую экспертизу (исследование сетевых компьютерных систем, связанных с интернет-технологиями);
- компьютерно-техническую экспертизу объектов, связанных с криптографией и защитой информации.

Кроме того, интерес представляют судебные лингвистические экспертизы (входящие в третью группу), проводимые по материалам звучащей или письменной речи, размещенных несовершеннолетними в сети Интернет, связанных с оскорблением, призывами к экстремистским, террористическим действиям, массовым беспорядкам и т. д. Объекты таких исследований представляются на судебную лингвистическую экспертизу в виде видеороликов, фотографий, фонограмм и др. Эти объекты извлекаются из персональных компьютеров, мобильных устройств, информационно-телекоммуникационных сетей. В современных условиях при проведении массовых мероприятий (концерты, спортивные матчи) становятся актуальными лингвистические экспертизы материалов, производимых в сети Интернет, в том числе несовершеннолетними. На разрешение судебной лингвистической экспертизы ставятся следующие вопросы:

«1. Содержатся ли в представленном на исследовании объекте (речевом продукте) специальные признаки побуждения? Если да, то к чему текст побуждает адресата?

2. Имеются ли в представленном на исследовании объекте (речевом продукте), начинающемся словами "... " и заканчивающемся словами "...",

высказывания, обосновывающие (оправдывающие) совершение каких-либо действий? Если да, то каких?

3. Содержатся ли в представленном на исследовании речевом продукте, начинающемся словами "... " и заканчивающемся словами "... ", высказывания, обосновывающие или оправдывающие совершение поджога, взрыва, иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения имущественного ущерба?»³¹⁷

С внушительным распространением информационно-телекоммуникационных ресурсов с использованием сети Интернет (мессенджеров, социальных сетей, электронной почты и др.) возрастает опасность совершения преступлений несовершеннолетними в отношении несовершеннолетних. К сожалению, психика молодых людей неустойчива и податлива к агрессивным формам воздействия радикальных групп, склоняющих подростков к суициду, убийствам, замаскированным под самоубийство, оскорблениям (ст. 130 УК РФ), возбуждению ненависти и вражды, унижению человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), заведомо ложному сообщению об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) и т. д., которые совершаются с помощью информационно-телекоммуникационных технологий. В ходе реализации своих преступных замыслов с помощью таких технологий несовершеннолетние невольно используют порядок изложения текста, который принят при общении на этих ресурсах: обезличенные предложения, искаженная авторская письменная речь, использование псевдонимов, сокращенные привычные речевые конструкции и др. Такие специфические тексты трудно исследовать эксперту только одной экспертной специальности, требует применения комплекса различных специальных знаний. Так, в ходе проведения судебной компьютерно-технической экспертизы по делам, связанным с совершением преступлений

---

³¹⁷ Багмет А.М., Хмелева А.В. Судебная лингвистическая экспертиза // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве. Вып. 6. С. 52.

несовершеннолетними с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, эксперт должен установить следующие индикаторы поведения подростков в информационном пространстве при совершении вышеназванных преступлений:

«– распространение на личной странице в социальной сети информации деструктивного, агрессивного характера;

– использование хештегов, содержащих элементы кода или шифрования, отсылающих к группам, пропагандирующим суицидальный, насильственный и другой деструктивный контент;

– пользование несколькими активными аккаунтами, в том числе фейковыми профилями;

– отсутствие друзей или их незначительное количество, в том числе отсутствие реальных людей в друзьях (только фейковые страницы, имеющие признаки пропаганды агрессивных, насильственных настроений)»³¹⁸.

Следует учесть, что по сведениям Международного центра по делам пропавших эксплуатируемых детей, в 2017 г. более 30 % интернет-пользователей планеты – несовершеннолетние, в сети постоянно находятся не менее 750 000 сексуальных злоумышленников³¹⁹. Несмотря на жесткое наказание за насильственные действия сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетнего лица (п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ), понуждение к таким действиям несовершеннолетнего (ст. 133 УК РФ), половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (ст. 134 УК РФ), развратные действия (ст. 135

---

³¹⁸ Каранова Д.Я. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений против личности, совершаемых несовершеннолетними с использованием информационно-коммуникационных технологий : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. С. 169.

³¹⁹ Online Grooming of Children for Sexual Purposes: Model Legislation & Global Review, 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.icmec.org/wp-content/uploads/2017/09/Online-Grooming-of-Children_FINAL_9-18-17.pdf (дата обращения: 24.03.2025)

УК РФ) и др., количество таких преступлений, в том числе с использованием сети Интернет, не уменьшается.

Как показывает анализ практики, производство комплексных экспертиз (четвертая группа) становится необходимым при экспертном исследовании видеоматериалов и других объектов, демонстрирующих коммуникативные действия в сети Интернет в отношении несовершеннолетних. Так, с помощью комплексной психолого-лингвистической экспертизы устанавливаются содержательные и целевые стороны коммуникативных действий при онлайн-общении. При этом при проведении такой комплексной экспертизы экспертом-лингвистом исследуется тематическая сторона коммуникации и речевые цели коммуникантов (наличие в разговорах тем, связанных с сексуальной сферой), экспертом-психологом – направленность коммуникации, приемов психологического воздействия с целью побуждения адресата к сексуальным действиям (признаки такого психологического воздействия). А в результате комплексного подхода (совместно) эксперты устанавливают: коммуникативные роли участников переписки (инициатор, доминантный участник разговоров), коммуникативную направленность речи каждого коммуниканта, наличие (отсутствие) побуждения к сексуальным действиям, наличие (отсутствие) признаков угрозы³²⁰. Несмотря на то что комплексные психолого-лингвистические экспертизы материалов интернет-общений проводятся давно, остаются нерешенными проблемы отсутствия единой унифицированной терминологии (неоднозначно понимаются судебными экспертами разных судебно-экспертных организаций понятия «побуждение к совершению сексуальных действий», «направленность на удовлетворение сексуального влечения виновного» и др.) и единой судебно-экспертной методики комплексной психолого-лингвистической экспертизы.

---

³²⁰ Секераж Т.Н. Психологическое исследование информационных материалов по делам о нарушении половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершаемом с помощью информационно-телекоммуникационных сетей // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17, № 1. С. 101.

В случае обнаружения следствием сообщений и переписки суицидента по сети Интернет считаем необходимым изъятие таких материалов с помощью специалиста по IT-технологиям и назначение комплексной психолого-лингвистической экспертизы, благодаря которой устанавливаются психологические и лингвистические признаки оказания манипулятивного воздействия, степень оказания манипулятивного воздействия обвиняемого на несовершеннолетнего адресанта путем решения следующих вопросов:

- 1) каковы коммуникативные роли участников переписки?
- 2) содержатся ли в представленной на экспертизу переписке признаки психологического воздействия на несовершеннолетнего?
- 3) содержатся ли в представленной на экспертизу переписке признаки побуждения несовершеннолетнего со стороны лица, именуемого «...», к совершению действий, наносящих вред здоровью? Если да, то какие именно?
- 4) применялись ли участниками «...» какие-либо методики/методы/приемы/манипулятивные технологии психологического воздействия в отношении кого-либо из коммуникантов?

В связи с учащением случаев сексуальных домогательств в сети Интернет (за счет онлайн-общения в социальных сетях, на веб-сайтах, по электронной почте и др.) экспертное сообщество вынуждено было начать разработку методики и производство «нового вида судебной экспертизы по исследованию продуктов противоправного онлайн-взаимодействия на сексуальные темы»³²¹.

Еще одной важной проблемой является проблема производства ряда судебных экспертиз при расследовании преступлений, совершенных в сети Интернет, связанных с побуждением несовершеннолетних к суициду. Так, при проведении комплексной судебной посмертной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетнего потерпевшего на основе психологической реконструкции модели социальной ситуации развития несовершеннолетнего

---

³²¹ Там же. С. 97.

устанавливается причинно-следственная связь внутренних и внешних факторов, оказавших решающее воздействие на психоэмоциональное состояние суицидента³²², и некоторые другие вопросы:

1) в каком психическом (эмоциональном) состоянии находился несовершеннолетний в период, предшествовавший самоубийству (смерти)?

2) какие факторы могли оказать влияние на развитие этого состояния?

3) имеется ли причинно-следственная связь между информацией, полученной несовершеннолетним посредством сети Интернет, и психическим состоянием несовершеннолетнего в период, предшествовавший его самоубийству?

4) имеется ли причинно-следственная связь между действиями обвиняемого, совершенными посредством сети Интернет, и психическим состоянием несовершеннолетнего в период, предшествовавший его самоубийству? и др.

В условиях все большего использования информационно-телекоммуникационных технологий в преступной деятельности несовершеннолетних разрабатываются и новые судебно-экспертные методики. Так, проводятся диагностические судебные экспертизы клавиатурного почерка (первая группа), если имеется текст, набранный при помощи клавиатуры компьютера, который представляет собой поведенческую биометрическую характеристику со следующими параметрами: скорость ввода (количество введенных символов, разделенное на время печатания), динамика ввода (время между нажатиями клавиш и их удержанием), частота возникновения ошибок при вводе³²³ и т. д. В условиях возрастающей

---

³²² Кот Е. А. Расследование преступлений, совершенных в сети Интернет, связанных с побуждением несовершеннолетнего к суициду : дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2022. С. 194–195.

³²³ Шуванов И. Б., Новикова С. С. Особенности почерка как маркеры предрасположенности к эмоциональному выгоранию // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве. Вып. 6. С. 246.

цифровизации преступной деятельности, выражающейся в преступном применении информационно-телекоммуникационных технологий, необходима дальнейшая разработка таких методик с адаптацией исследования клавиатурного почерка несовершеннолетних.

В отдельных случаях к проведению диагностических исследований кратких текстов в виде надписей с призывом к незаконным действиям можно пригласить эксперта-автороведа и использовать разработанные для таких исследований компьютерные программы: «Лингвоанализатор», «Атрибутор», «САМЛТ», «Стилеанализатор», «Авторовед» (на основе применения нейронных сетей)³²⁴. Для исследования специфических текстов малого объема (сообщений), создаваемых в социальных и интернет-сетях, для установления психолингвистических характеристик автора текста применяются экспертные программы Treetagger и Udpipes.

Еще одним направлением повышения эффективности судебных экспертиз, назначаемых при расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных систем, является разработка и внедрение в практику автоматизированных рабочих мест (АРМ) эксперта для исследования цифровых объектов: сервисов распределенного хранения электронных данных, облачных сервисов, мобильных телефонов и др. Так, с помощью таких АРМ составлены алгоритмы и программные комплексы автоматизированного решения задач при исследовании программ, скачанных преступниками в открытом Интернете или в даркнете, которые «как правило, располагаются не на официальных ресурсах, а в замкнутых пиринговых сетях»³²⁵.

---

³²⁴ Бабук А.В. Современные методы судебной автороведческой экспертизы в свете дигитализации и развития компьютерных технологий // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве. Вып. 6. С. 48.

³²⁵ Смушкин А.Б. Указ. соч. С. 65.

Однако у экспертов, проводящих судебные компьютерно-технические экспертизы сервисов распределенного хранения электронных данных при расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных систем при участии несовершеннолетних, крайне ограничены возможности из-за ряда «технических» проблем: стеганографическое сокрытие «криминального файла», трудности проникновения в сеть со стороны (пиринговые сети созданы по технологии F2F) и др. Для их решения рекомендуется заострить внимание на тщательном изучении следующих файлов: конфигурационные файлы, содержащие информацию о сервере; общие диски в сети или интернет-сайты, предоставляющие место для хранения данных вне сети; файлы журналов, отображающих передачу данных и сетевую активность³²⁶, и т. д.

Вместе с тем следует отметить неразработанность АРМ эксперта-компьютерщика по экспертному исследованию облачных сервисов (места хранения информации в виде текстовых файлов, снимков, видеозаписей и др.), связанных с совершением преступлений несовершеннолетними. В настоящее время для производства судебных экспертиз облачных сервисов начато внедрение программы «Мобильный криминалист» с возможностью экспертного анализа только 50 облачных сервисов. Из многочисленных проблем экспертного исследования облачных сервисов наиболее острой является еще одна: сервер с размещенным на нем облачным сервисом может находиться в стране, с которой у Российской Федерации нет договоров о правовой помощи в сфере компьютерной информации, а потому у судебного эксперта отсутствует доступ к удаленному ресурсу. Данную и другие проблемы доступа к информации в облачных сервисах для дальнейшего производства судебных компьютерно-технических экспертиз можно решить путем нормативного закрепления обязательности ответов интернет-провайдеров на запросы правоохранительных органов относительно

---

³²⁶ Там же. С. 67–68.

пользователей, времени изменений файлов, пользовательской информации, указанной при регистрации, и т. д.

Судебная экспертиза мобильных средств связи, которыми активно пользуются при совершении преступлений несовершеннолетние, позволяет установить многие обстоятельства: наличие определенных контактов, включая список номеров телефонов, на которые звонил владелец; частоту общения с лицами, представляющими интерес для расследования; продолжительность и время звонков; могут быть извлечены геоинформационные данные, включая последнее месторасположение мобильного телефона, сетевые соединения владельца и т. д. Исследованием таких приложений, как «Галерея», можно установить места пребывания владельца телефона, а экспертным исследованием приложений «Блокнот», «Записная книжка» – записи о лицах, встречах, планах владельца и т. д. Указанные и другие сведения, содержащиеся в мобильном телефоне (включая удаленные), могут быть установлены с помощью программного обеспечения «Мобильный криминалист» и UFED.

В целях повышения уровня расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных систем при участии несовершеннолетних в условиях все большей цифровизации, просматривается явная необходимость использования технологий искусственного интеллекта, возможности которого сопоставимы с возможностями интеллектуальной деятельности человека. Среди направлений использования искусственного интеллекта в борьбе с преступностью одним из перспективных является использование его в производстве судебной экспертизы. И сразу возникает необходимость решения насущной проблемы – привлечения к разработке методик экспертных исследований с использованием искусственного интеллекта не только экспертов конкретных экспертных специальностей, но и специалистов в сфере программирования, компьютерных технологий и интеллектуальных систем, экспертов-практиков, для работы которых и создаются эти судебно-экспертные методики. Только в такой триединой

интеграции знаний, умений и навыков ученых, практиков и специалистов компьютерных, IT-технологий возможно решение проблем производства судебных экспертиз при расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных систем при участии несовершеннолетних.

Описывая возможности высоких технологий в проведении судебных экспертиз при расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных систем при участии несовершеннолетних, следует сказать несколько слов о перспективах использования искусственного интеллекта для решения диагностических экспертных задач. Так, в практике производства судебных экспертиз уже используются программы «контент- и латентно-семантического анализа, позволяющие на основе содержательного анализа письменных или аудиотекстов определять психологическое состояние их автора, а также скрытые смыслы, заложенные в сообщении»³²⁷. Остается только разработать частную методику проведения судебных психологических экспертиз с применением технологий искусственного интеллекта.

Еще одной проблемой в использовании искусственного интеллекта (на базе обучающихся нейронных сетей) является обеспечение достоверности криминалистически значимой информации, содержащейся в используемых искусственным интеллектом базах данных. Как правильно считает А.Ю. Головин, «именно на работу с таким массивом данных могут быть ориентированы перспективные технологии ИИ»³²⁸. Данная проблема является непростой и может быть решена за счет нормативного ужесточения порядка и достоверности ввода соответствующей криминалистически значимой информации в базы данных.

---

³²⁷ Там же. С. 140.

³²⁸ Головин А.Ю. Технологии искусственного интеллекта в криминалистике: задачи, которые необходимо решить // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 2. С. 31.

Таким образом, для производства судебных экспертиз при расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных систем с участием несовершеннолетних, необходимо решение следующих проблем:

1) в целях исследования видеоматериалов и других объектов, демонстрирующих коммуникативные действия в сети Интернет в отношении несовершеннолетних, необходимо назначение комплексной психолого-лингвистической экспертизы, в результате производства которой устанавливаются содержательные и целевые стороны коммуникативных действий при онлайн-общении: коммуникативные роли участников переписки (инициатор, доминантный участник разговоров), коммуникативная направленность речи каждого коммуниканта, наличие (отсутствие) побуждения к сексуальным действиям; наличие (отсутствие) признаков угрозы;

2) путем производства комплексной судебной посмертной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетнего потерпевшего на основе психологической реконструкции модели социальной ситуации развития несовершеннолетнего устанавливается причинно-следственная связь внутренних и внешних факторов, оказавших решающее воздействие на психоэмоциональное состояние суицидента;

3) в случае обнаружения текста в цифровом виде, набранном при помощи клавиатуры компьютера, предлагаем обязательное производство диагностических судебных экспертиз клавиатурного почерка, который представляет собой поведенческую биометрическую характеристику со следующими параметрами: скорость ввода (количество введенных символов, разделенное на время печатания), динамика ввода (время между нажатиями клавиш и их удержанием), частота возникновения ошибок при вводе;

4) необходимы разработка и внедрение АРМ эксперта для исследования цифровых объектов, используемых несовершеннолетними: сервисов

распределенного хранения электронных данных, облачных сервисов, мобильных телефонов и др.;

5) необходимо привлечь к разработке методик экспертных исследований с использованием искусственного интеллекта не только экспертов конкретных экспертных специальностей (такими разработками заняты Д.В. Бахтеев (Воронков) ³²⁹, А.В. Кокин ³³⁰ и др.), но и специалистов в сфере программирования, компьютерных технологий и интеллектуальных систем, а также экспертов-практиков, для работы которых создаются эти судебно-экспертные методики.

4.4. Возможности использования судебных экспертиз для профилактики преступлений с участием несовершеннолетних

Профилактика преступлений предполагает использование мер предупредительного характера, направленных на выявление и устранение причин преступлений и условий, способствующих их совершению.

Различные аспекты профилактики преступлений несовершеннолетних рассматривали в своих трудах Ю.Н. Аксенова-Сорохтей³³¹, Л.Л. Каневский³³²,

---

³²⁹ Бахтеев Д.В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 33.

³³⁰ Кокин А.В. Машинное обучение в криминалистике и судебной экспертизе: проблемы и перспективы // Современное состояние и тенденции развития судебно-почерковедческого исследования изображений рукописей // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы IX Международной научно-практической конференции. МГЮУ, 26–27 января 2023 г. М. : Блок-Принт. С. 155–156.

³³¹ Аксенова-Сорохтей Ю.Н. Частное криминалистическое учение о профилактике преступлений несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011.

³³² Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. 288 с.

С.А. Куемжиева³³³, Е.В. Кушпель³³⁴, П.Н. Сидорик³³⁵, Н.М. Сидорин³³⁶, О.В. Яценко³³⁷ и др.

Некоторые ученые достаточно обоснованно определяют преступность несовершеннолетних, называя ее будущей преступностью³³⁸. В какой-то мере это определение является резким, но призывающим серьезно отнестись к проблеме. Отсюда следует, что от качества работы по предотвращению преступлений несовершеннолетних и решения проблем, связанных с ними (детская проституция и порнография, детский алкоголизм, детская наркомания, бродяжничество и т. д.), зависит уровень криминогенной обстановки в стране в будущем. Поэтому необходимы активные действия по профилактике преступности несовершеннолетних, минимизации ее всеми имеющимися легитимными средствами и методами. При этом очень важно качественное проведение расследования преступлений, в совершении которых предположительно участвовало несовершеннолетнее лицо, и своевременное выявление этого лица для оказания последующего «нравственно-психологического воздействия на подростка-правонарушителя»³³⁹.

---

³³³ Куемжиева С.А. Методика расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. 264 с.

³³⁴ Кушпель Е.В. Проблемы и специфика расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1999.

³³⁵ Профилактическая деятельность следователя по делам несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1989.

³³⁶ Сидорин Н.М. Расследование и предупреждение преступлений о вовлечении несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1972.

³³⁷ Яценко О.В. Заключение эксперта как один из источников доказательств по уголовным делам о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае : матер. ежегодн. межрегиональн. науч.-практ. конф., посвящ. памяти засл. юриста РФ, д-ра юрид. наук, проф. Е.Н. Тихонова, Барнаул, 21–22 марта 2008 г. Барнаул : Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2008. С. 359–363.

³³⁸ Ермаков В.Д., Крюкова Н.И. Несовершеннолетние преступники в России. М. : ИМПЭ, 1999. С. 7.

³³⁹ Каневский Л.Л. Расследование и профилактика преступлений несовершеннолетних. М. : Юрид. лит., 1982. 111 с.

В числе средств и методов профилактики преступлений одним из важнейших является использование специальных знаний, в частности судебных экспертиз.

Принято считать, что «методика расследования отдельных видов преступлений, представляя собой реактивную структурную систему, начинает функционировать только после получения внешнего сигнала – информационного сообщения о совершенном преступлении. В то же время система методики расследования преступлений несовершеннолетних не всегда активизируется после получения такого информационного сообщения, так как не всегда очевидно, что преступление совершено несовершеннолетним или с его участием»³⁴⁰. Поэтому крайне важным фактором, определяющим начало работы по использованию методики расследования преступлений с участием несовершеннолетних, являются судебные экспертизы диагностического характера (судебно-психологические, судебные психофизиологические, криминалистические и др.), результаты которых позволяют установить факт совершения преступления с участием несовершеннолетнего.

Как известно, в практике расследования преступлений при проведении сложных диагностических экспертиз решаются прямые (установление следствия по результатам исследования причин) и обратные (установление причин по результатам исследования следствия) диагностические задачи.

В профилактике преступлений с участием несовершеннолетних чаще используются судебные экспертизы, решающие обратные сложные диагностические задачи. Наиболее известна ситуационная экспертиза места происшествия. В ходе ее производства с участием судебных экспертов нескольких экспертных специальностей исследуется обстановка места происшествия, в которой имеются следы, отображающие динамику

---

³⁴⁰ Каневский Л.Л. Система криминалистической методики и место в ней методики расследования преступлений несовершеннолетних // Вопросы эффективности борьбы с преступностью и совершенствования законодательства. Уфа, 1975. С. 100–101.

определенного события³⁴¹, моделируется механизм совершения преступления и др. Надо очень ответственно и тщательно проводить такие судебно-экспертные исследования мест происшествий, чтобы в случаях ограничения поиска следов преступлений на сравнительно небольшом участке местности и малого интервала времени не остались необнаруженными значимые сведения обо всех участниках преступного события³⁴².

В ходе такого комплексного экспертного исследования места происшествия можно установить не только количество лиц, принимавших участие в преступном событии, но и их характеристики (возраст, рост, профессиональные навыки), что позволит организовать поиск лиц, оставивших обнаруженные и изъятые с места происшествия следы, и задержать их. Привлечение к производству комплексной экспертизы места происшествия экспертов разных специальностей позволяет исключить ситуацию, когда некоторые виды слабовидимых и невидимых следов (волос, микрочастицы одежды, орудий и др.) остаются не выявленными, не изъятыми и не исследованными.

Изученная следственная и судебно-экспертная практика свидетельствует о том, что, к сожалению, изъятие с мест происшествий малого количества следов и объектов с большим воодушевлением воспринимается сотрудниками следствия и экспертно-криминалистических служб, чем изъятие большого их количества (возможно, до 28 и более видов следов). Причины такого критического отношения к изъятию большого комплекса следов преступления заключаются в неумелом поиске, фиксации и изъятии, нежелании выполнять повышенный объем работы по судебно-экспертному исследованию поступивших на экспертизу многочисленных следов и

---

³⁴¹ Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве : научно-учебное пособие. М. : Проспект, 2016. С. 125.

³⁴² Подольный Н.А. Расследование преступлений, составляющих молодежную организованную преступность. М. : Юрлитинформ, 2007. С. 39.

объектов, хотя требования к такой кропотливой работе регламентированы в ст. 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в которой указано о проведении экспертом исследований объективно, на строго научной и практической основе, всесторонне и в полном объеме. При соблюдении судебными экспертами, участвующими в комплексной экспертизе места происшествия, требований указанного закона могут быть получены полноценные сведения о механизме преступления, личности участников преступного события и др. А это, в свою очередь, сориентирует следователя и позволит провести качественное расследование.

В целях установления всех причастных к совершению преступлений лиц и предотвращения совершения новых преступлений с участием несовершеннолетних необходимо использовать возможности судебных экспертиз по нескольким направлениям:

1) пресечение противоправных деяний несовершеннолетних путем выявления всех лиц, совершивших преступление, в результате проведения судебных экспертиз изъятых следов и иных объектов. Проведением судебных идентификационных дактилоскопических, трасологических и иных экспертиз следов, изъятых с мест происшествий, удастся установить лиц, оставивших эти следы. В ситуациях отрицательного идентификационного вывода по результатам судебных экспертиз следы направляются в систему криминалистической регистрации и при дальнейшей проверке по экспертно-криминалистическим учетам представляется возможность установить лиц, оставивших следы, причастных к совершению преступлений, и т. д.;

2) обеспечение неотвратимости наказания за общественно опасные действия путем производства судебных экспертиз и составления заключений, в последующем используемых в судопроизводстве в качестве доказательств причастности лиц к совершенному преступлению. Вполне понятными являются назначения судебных экспертиз, в результате производства которых удастся на научной основе установить особенности физического состояния,

характера, поведения и другие характеристики несовершеннолетних (наследственно-биологические свойства, нравственно-психологический статус, направленность, социально-ролевые свойства личности, интеллектуальные особенности и др.). Полагаем правильным мнение о том, что «изучение личности несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого необходимо для решения не только уголовно-правовых вопросов или для назначения и исполнения справедливого уголовного наказания»³⁴³, но и для дальнейшей работы по исправлению несовершеннолетнего;

3) использование результатов судебных экспертиз для нравственно-психологического (воспитательного) воздействия на несовершеннолетних. Мы полностью поддерживаем предложение Л.Л. Каневского об организации психодиагностических центров, которые «будут проводить социально-психологическую диагностику подростков»³⁴⁴. Необходимо в эти центры включить высококвалифицированных ученых различных научных направлений (психологов, психиатров, криминалистов и др.), самых компетентных судебных экспертов для производства комплексных судебных экспертиз (психолого-психиатрических и др.). Результаты таких экспертиз позволят следователю при работе с несовершеннолетними, склонными к совершению правонарушений, применить приемы воспитательного воздействия с учетом тех особенностей личности, которые были выявлены в результате проведенных судебных экспертиз, что может оказать положительное профилактическое влияние на несовершеннолетнего;

4) использование судебных экспертиз (особенно судебных психологических и психиатрических, комплексных психолого-психиатрических) в целях установления обстоятельств, внутренних и внешних факторов, способствующих совершению преступлений

---

³⁴³ Лифанова М.В. Теоретические основы расследования групповых преступлений несовершеннолетних : монография. Уфа : РИЦ БашГУ, 2011. С. 8.

³⁴⁴ Каневский Л.Л. Тактика следственных действий по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. Уфа : Восточный университет, 2001. С. 125.

несовершеннолетними. В частности, путем производства судебно-психологических экспертиз устанавливаются психические особенности, исключающие нормальное выполнение профессиональных функций, особенности несовершеннолетнего, которые могли способствовать совершению противоправных действий³⁴⁵, и т. д.

Особое внимание, полагаем, следует уделить производству судебно-психиатрических экспертиз несовершеннолетних, так как своевременное установление психических расстройств у несовершеннолетнего позволит вовремя начать лечение и таким образом предотвратить совершение им новых преступлений.

Возможности воздействия результатов судебных экспертиз на предупреждение преступлений с участием несовершеннолетних кроются и в разработке рекомендаций по устранению выявленных экспертами причин и условий, способствующих совершению ими преступлений. Так, при выявлении в результате производства комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы у несовершеннолетнего обвиняемого отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, судебные эксперты по своей инициативе или следователь (изучив результаты экспертизы) могут составить рекомендации по устранению причин и условий, способствовавших формированию такого состояния. Как правило, эти условия кроются в неблагополучной семье (с систематическими пьяными застольями, унижением членов семьи, побоями и т. д.), в которой несовершеннолетнему не уделяется достаточного внимания (подросток «заброшен» взрослыми членами семьи).

В некоторых ведомствах сложилась положительная практика обязательного изложения профилактических рекомендаций в тексте

---

³⁴⁵ Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М. : Норма, 2020. С. 527.

заключения эксперта³⁴⁶. Представляется необходимым рекомендовать и другим ведомствам, в составе которых функционируют судебно-экспертные организации, формулировать такие же положения об обязательности размещения профилактических предложений по профилактике преступлений в тексте заключения эксперта при производстве судебных экспертиз.

При расследовании уголовных дел, связанных с подменой ребенка, незаконным усыновлением, торговлей несовершеннолетними, а также против половой неприкосновенности, назначаются молекулярно-генетические экспертизы (ДНК-анализ). При этом решаются вопросы:

- является ли конкретное биологическое лицо биологическим (генетическим) ребенком конкретного человека (родительской пары)?
- является ли предполагаемый родитель/родительская пара биологическим родителем/родителями проверяемого лица?
- является ли конкретное биологическое лицо единокровным братом (сестрой, внуком и др.) проверяемого лица?

Результаты молекулярно-генетических экспертиз позволяют установить степень родства несовершеннолетнего с исследуемыми лицами и в случае отрицательных ответов на указанные вопросы предупредить совершение преступлений в отношении несовершеннолетнего (ст. 153, 154 УК РФ и др.).

Сведения, полученные в результате производства судебно-психологических, судебно-психиатрических, судебно-медицинских экспертиз, позволяют проводить более целенаправленную воспитательную, исправительную профилактическую работу с несовершеннолетними обвиняемыми (возможно, в дальнейшем – подсудимыми), которая может способствовать «формированию социально-положительных жизненных перспектив»³⁴⁷ и предотвращению совершения им новых преступлений.

---

³⁴⁶ Основы судебной экспертологии : учебно-методическое пособие. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2023. С. 83.

³⁴⁷ Еникеев М.И. Юридическая психология. М. : Норма, 2005. С. 511.

Эффективные меры профилактики должны учитывать эти групповые аспекты и направляться на изменение социальной среды подростков, развитие у них критического мышления и улучшение шансов на благоприятные социальные связи вне группы. Профилактика должна включать программы расширения социальных навыков, построение позитивных межличностных отношений и создание безопасных условий для общения подростков.

В условиях цифровизации и внедрения высоких технологий в правоохранительную деятельность предлагаем в целях профилактики (предотвращения) преступлений с участием несовершеннолетних разработать и внедрить в практику программно-компьютерный комплекс с использованием искусственного интеллекта на базе анализа больших данных (Big Data), состоящих из результатов всех судебных экспертиз, проведенных при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних. Это позволит получить различные комплексы интеграционных характеристик связи девиантного поведения несовершеннолетних с обстоятельствами, способствующими совершению ими преступлений. В результате анализа таких комплексов можно будет установить причины и условия возникновения таких обстоятельств и разработать профилактические мероприятия, соответственно, по каждому комплексу.

В дополнение к мероприятиям, связанным с реализацией профилактических мер по результатам выполненных судебных экспертиз, предлагаем судебным экспертам самим проводить познавательные беседы (выступления) с несовершеннолетними с информированием их о современных возможностях судебно-экспертных исследований, особенно с использованием высоких технологий. В результате таких бесед у несовершеннолетних слушателей будет формироваться убеждение о неотвратимости наказания за совершение преступлений.

Из изложенного следует, что имеются возможности использования судебных экспертиз для профилактики преступлений несовершеннолетних, которые заключаются в следующем:

1) в результате проведенных судебных экспертиз (трасологических, молекулярно-генетических и др.) выявляется весь круг лиц, причастных к совершению преступления, что позволяет провести их задержание и пресечь совершение других противоправных деяний;

2) обеспечение неотвратимости наказания за общественно опасные действия путем производства судебных экспертиз и составления заключений экспертов, в последующем используемых в судопроизводстве в качестве доказательств причастности лица к совершенному преступлению;

3) использование результатов судебных экспертиз (особенно психолого-психиатрических, диагностических дактилоскопических) для нравственно-психологического (воспитательного) воздействия на несовершеннолетних. Так, в результате производства дерматоглифической экспертизы, предметом которой являются «кросскорреляционные связи различных органов и систем, создающих различные психологические модели поведения психотипов»³⁴⁸, по системе связей и корреляции «морфология мозга – функции мозга – дерматоглифика – поведение» можно установить «психический статус человека, вероятность развития у него наследственных психических заболеваний, а также появление в неблагоприятных или стрессовых условиях болезненных и неадекватных состояний»³⁴⁹. Своевременная диагностика таких заболеваний позволит пресечь возможную опасную деятельность несовершеннолетнего (например, работа несовершеннолетнего на производстве, связанном с электрооборудованием, на высоте или на водоемах, с колюще-режущим оружием и т. д.) и предотвратить совершение им преступлений;

---

³⁴⁸ Бадиков К.Н. Психодерматоглифический метод комплексного исследования рук в криминалистике: понятия, методики, перспективы развития : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 80.

³⁴⁹ Исютин-Федотков Д.В. Основы криминалистического изучения личности : монография. М. : Проспект, 2024. С. 155.

4) использование судебных экспертиз (особенно судебных психологических и психиатрических) в целях установления обстоятельств, внутренних и внешних факторов, способствующих совершению преступлений несовершеннолетними.

Так, общеизвестным является факт использования несовершеннолетними информационно-коммуникационных технологий для совершения преступлений, в частности для совершения кибермошенничества, мошенничество в сфере компьютерной информации, экстремистских, террористических и других антисоциальных правонарушений. Для организации предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, необходимо выявить и установить несовершеннолетних лиц, их подготавливающих и совершающих. А для этого следует организовать производство на высоком уровне судебных компьютерно-технических экспертиз и судебных экспертиз по исследованию продуктов преступного применения искусственного интеллекта.

Результаты производства таких судебных экспертиз (с выявлением сайтов в сети Интернет, содержащих информацию деструктивного характера, установление пользователей, осуществляющих распространение такой информации, установление взаимосвязи между преступником и жертвой и др.) позволят выявить и пресечь действия несовершеннолетних, склонных к совершению преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий, и организовать «проведение воспитательно-предупредительной деятельности с данными лицами, в том числе воспитательной деятельности с лицами, уже совершившими подобные действия»³⁵⁰.

---

³⁵⁰ Каранова Д.Я. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений против личности, совершаемых несовершеннолетними с использованием информационно-коммуникационных технологий : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. С. 156.

Кроме того, рекомендуем ведомствам, в составе которых функционируют судебно-экспертные организации, сформулировать в нормативных документах положения об обязательности размещения профилактических предложений по предупреждению преступлений в тексте заключения эксперта при производстве судебных экспертиз.

Таким образом, значительна роль судебных экспертиз в профилактике преступлений с участием несовершеннолетних, она осуществляется по двум направлениям:

- своевременное установление причастности несовершеннолетних к совершению преступлений в результате производства судебных экспертиз (с дальнейшим пресечением их преступной деятельности правоохранными органами);

- своевременное выявление причин и условий совершения преступлений несовершеннолетними в результате производства судебных экспертиз (с дальнейшим устранением этих причин и условий правоохранными органами).

12. Для производства судебных экспертиз при расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных систем с участием несовершеннолетних, необходимо решение следующих проблем:

- в целях исследования видеоматериалов и других объектов, демонстрирующих коммуникативные действия в сети Интернет в отношении несовершеннолетних, необходимо назначение комплексной психолого-лингвистической экспертизы, в результате производства которой устанавливаются содержательные и целевые стороны коммуникативных действий при онлайн-общении: коммуникативные роли участников переписки (инициатор, доминантный участник разговоров), коммуникативная направленность речи каждого коммуниканта, наличие (отсутствие) побуждения к сексуальным действиям; наличие (отсутствие) признаков угрозы;

– путем производства комплексной судебной посмертной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетнего потерпевшего на основе психологической реконструкции модели социальной ситуации развития несовершеннолетнего устанавливается причинно-следственная связь внутренних и внешних факторов, оказавших решающее воздействие на психоэмоциональное состояние суицидента;

– в случае обнаружения текста в цифровом виде, набранном при помощи клавиатуры компьютера, предлагаем обязательное производство диагностических судебных экспертиз клавиатурного почерка, который представляет собой поведенческую биометрическую характеристику со следующими параметрами: скорость ввода (количество введенных символов, разделенное на время печатания), динамика ввода (время между нажатиями клавиш и их удержанием), частота возникновения ошибок при вводе;

– необходимы разработка и внедрение АРМ эксперта для исследования цифровых объектов, используемых несовершеннолетними: сервисов распределенного хранения электронных данных, облачных сервисов, мобильных телефонов и др.;

– необходимо привлечь к разработке методик экспертных исследований с использованием искусственного интеллекта не только экспертов конкретных экспертных специальностей, но и специалистов в сфере программирования, компьютерных технологий и интеллектуальных систем, а также экспертов-практиков, для работы которых создаются эти судебно-экспертные методики.

13. В целях установления всех причастных к совершению преступлений лиц и предотвращения совершения новых преступлений с участием несовершеннолетних необходимо использовать возможности судебных экспертиз по нескольким направлениям:

– пресечение противоправных деяний несовершеннолетних путем выявления всех лиц, совершивших преступление, в результате проведения судебных экспертиз изъятых следов и иных объектов. Проведением судебных идентификационных дактилоскопических, трасологических и иных экспертиз

следов, изъятых с мест происшествий, удастся установить лиц, оставивших эти следы. В ситуациях отрицательного идентификационного вывода по результатам судебных экспертиз следы направляются в систему криминалистической регистрации и при дальнейшей проверке по экспертно-криминалистическим учетам представляется возможность установить лиц, оставивших следы, причастных к совершению преступлений, и т. д.;

– обеспечение неотвратимости наказания за общественно опасные действия путем производства судебных экспертиз и составления заключений, в последующем используемых в судопроизводстве в качестве доказательств причастности лиц к совершенному преступлению. Вполне понятными являются назначения судебных экспертиз, в результате производства которых удастся на научной основе установить особенности физического состояния, характера, поведения и другие характеристики несовершеннолетних (наследственно-биологические свойства, нравственно-психологический статус, направленность, социально-ролевые свойства личности, интеллектуальные особенности и др.);

– использование результатов судебных экспертиз для нравственно-психологического (воспитательного) воздействия на несовершеннолетних. Необходимо организовать психодиагностические центры, в которых необходимо включать высококвалифицированных ученых различных научных направлений (психологов, психиатров, криминалистов и др.), самых компетентных судебных экспертов для производства комплексных судебных экспертиз (психолого-психиатрических и др.). Результаты таких экспертиз позволят следователю при работе с несовершеннолетними, склонными к совершению правонарушений, применить приемы воспитательного воздействия с учетом тех особенностей личности, которые были выявлены в результате проведенных судебных экспертиз, что может оказать положительное профилактическое влияние на несовершеннолетнего;

- использование судебных экспертиз (особенно судебных психологических и психиатрических, комплексных психолого-

психиатрических) в целях установления обстоятельств, внутренних и внешних факторов, способствующих совершению преступлений несовершеннолетними. В частности, путем производства судебно-психологических экспертиз устанавливаются психические особенности, исключающие нормальное выполнение профессиональных функций, особенности несовершеннолетнего, которые могли способствовать совершению противоправных действий, и т. д.

Особое внимание, полагаем, следует уделить производству судебно-психиатрических экспертиз несовершеннолетних, так как своевременное установление психических расстройств у несовершеннолетнего позволит вовремя начать лечение и таким образом предотвратить совершение им новых преступлений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного исследования представляется возможным сформулировать ряд выводов-положений, отражающих авторские предложения и рекомендации по вопросам криминалистического учения об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних.

1. Формируясь на основе двух уже достаточно зрелых криминалистических учений – о специальных знаниях в уголовном судопроизводстве и о личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства – это учение отличается междисциплинарным характером и занимает особое место в системе общей теории криминалистики.

2. Необходимость выделения в криминалистической науке самостоятельного учения – об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних – обусловлена комплексом научных и практических предпосылок:

- возникающей по мере развития науки потребностью в теоретических обобщениях и систематизации накопленных знаний, в том числе в целях совершенствования практики использования специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних;

- использованием достижений научно-технического прогресса, требующих интеграции научных знаний в целях повышения эффективности расследования преступлений с участием несовершеннолетних;

- невозможностью познания некоторых обстоятельств преступлений с участием несовершеннолетних без обращения к помощи лиц, сведущих в отдельных отраслях науки, техники, искусства, ремесла;

- отсутствием комплексного подхода к изучению личности несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, требующих разработки соответствующих методов и средств их познания;

– увеличивающимся количеством подростков с аномальной личностной незрелостью, требующих особого подхода к ним с привлечением специальных знаний;

– необходимостью обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства.

3. Представление о сущности криминалистической теории не может быть полным без уяснения основных элементов ее системы.

Первый элемент криминалистической теории – абстрактные объекты. Теория, в отличие от эмпирического знания, отображает действительность не непосредственно, а опосредованно, исследуя реальные явления и процессы по их идеализированным, то есть очищенным от всего лишнего и несущественного, моделям. Такие идеализированные модели, лежащие в основании научной теории, строятся путем абстрагирования и мысленного моделирования реальных объектов, познаваемых теорией и составляющих ее предмет. Поэтому, строго говоря, теория имеет дело не с самими явлениями, а с их образами, не со свойствами изучаемых объектов и процессов, а с отображающими их признаками, не с закономерностями действительности, а с их описанием, то есть с законами.

Второй компонент научной теории – понятия, принципы и законы. Научная теория в познании сущности явлений не может обойтись без собственного, специфического для конкретной теории понятийного аппарата и научных категорий. С помощью понятий, категорий и терминов научной теории осуществляется систематизированное описание и самой идеализированной модели познаваемой теорией действительности, и сети ее абстрактных объектов, и их взаимодействий. Все они должны включаться в структуру научной теории в качестве ее компонентов.

Основным компонентом разрабатываемого нами учения, как и любого другого, является его предмет. Предметом учения об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних являются закономерности применения системы знаний

и навыков в определенной области науки, техники, искусства, ремесла, необходимых для обнаружения, исследования и использования криминалистически значимой информации о личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства.

Объектом рассматриваемого учения является деятельность по использованию специальных знаний сведущими лицами в целях обнаружения, изъятия и исследования криминалистически значимой информации о личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства для применения полученной информации в процессе расследования.

Третий структурный элемент научной теории – логические следствия и выводы, которые вытекают из законов и принципов. Это следует понимать как то, что в логических следствиях, выводимых из научной теории, раскрываются основные формы применения теоретического знания, его функции и значение для практики, которой проверяется истинность теории.

4. Система учения об использовании специальных знаний по делам несовершеннолетних, построенная на основе описанных горизонтальных и вертикальных связей, будет, на наш взгляд, с максимальной полнотой отражать специфику познаваемого объекта (идеализированной модели действительности). В качестве такого объекта выступают отдельные аспекты следственной работы, обусловленные используемыми в этих целях специальными познавательными средствами, такими как знания и навыки сведущих лиц, привлекаемых в интересах следствия к расследованию преступлений, участниками которых являются несовершеннолетние.

5. Необходимо внести изменения и дополнения в те статьи УПК РФ, которыми сегодня регламентируется деятельность специалистов и экспертов. В частности, ст. 57 и 58 должны начинаться словами: «Эксперт (специалист) – это сведущее лицо, привлеченное для участия в следственных действиях, для производства специальных исследований и дачи заключения...». Обладая одинаковыми функциями, специалисты и эксперты будут различаться только правовым положением участников уголовного судопроизводства, которых

закон наделит правом обращаться к сведущим лицам за решением возникающих специальных вопросов.

6. Требования к сведущим лицам, определяющие общую допустимость их участия в расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел о преступлениях с участием несовершеннолетних, и специальные (дополнительные) требования, предъявляемые к отдельным категориям сведущих лиц, должны формулироваться с учетом как минимум трех факторов: специфики расследования данного вида преступлений, особенностей личности несовершеннолетнего, в зависимости от выполняемых сведущими лицами функций и процессуальной сферы применения специальных знаний – в рамках запланированных процессуальных действий, проводимых следователем (судом), или в рамках назначенной судебной экспертизы. Следователю, дознавателю и суду, принимающим решение о привлечении сведущих лиц, необходимо самим быть осведомленными о достижениях судебной экспертизы. Тем более что они лучше любого эксперта знают обстоятельства расследуемого события, которые могут потребовать дополнительной компетенции сведущего лица, а значит и обладания дополнительными качествами и знаниями, обусловленными этими обстоятельствами.

Только знакомые с достижениями судебно-экспертной науки и практики следователи и судьи могут проверить уровень компетентности назначаемого ими специалиста или эксперта, оценить их осведомленность, удостовериться во владении ими соответствующими методиками.

Трудности в проведении проверки компетентности сведущего лица могут возникнуть не только в связи с необходимостью искать нужную информацию, но и с ее оценкой, по результатам которой устанавливается субъективная его компетенция, достаточная для решения стоящей перед ним задачи. Особенно сложно давать такую оценку сведущим лицам, использующим новые научно-технические методы, методики или технические средства, которые еще не получили широкого распространения.

Между тем оценка компетентности сведущих лиц, как субъективной, так и объективной, может вызвать трудности не только в силу эксклюзивности используемых ими методов и методик, но и в силу ограниченности знаний самих субъектов обращения к сведущим лицам. Чтобы оценить компетентность того или иного сведущего лица, нужно самому быть осведомленным в специальных вопросах. Поэтому, осуществляя проверку, следователям и судьям часто приходится полагаться на авторитет тех, кто может оценить профессиональные качества сведущего лица, прежде всего его коллег по работе.

7. Реестр сведущих лиц мог бы стать не только источником информации о наиболее компетентных его представителях, но и помочь в организации профессионального взаимодействия представителей экспертного сообщества при решении многих вопросов, представляющих общий интерес. В частности, при выборе приоритетной тематики и проведении ими научных исследований, обмене информацией и обсуждении новых законов, касающихся судебно-экспертной деятельности, обобщении передовой практики использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве и т. д. При этом сам факт включения сведущего лица в такой реестр можно было бы рассматривать в качестве подтверждения его профессиональной репутации как добросовестного и компетентного. В этой связи считаем необходимым на законодательном уровне установить, что только сведущие лица, сведения о которых имеются в реестре, допускаются к производству по конкретному уголовному делу без предварительной проверки их соответствия требуемым качествам, разгрузив тем самым тех участников уголовного судопроизводства, на которых возложена обязанность такую проверку проводить.

8. Круг проблем, возникающих при принятии решений об использовании специальных знаний по делам о преступлениях с участием несовершеннолетних, можно свести к их разновидностям, разделенным на группы по разным основаниям:

– проблема выбора правовой формы участия сведущих лиц, имеющих разную профессиональную подготовку (разную специализацию). Решая вопрос о специализации привлекаемых сведущих лиц и о правовой форме их участия в производстве по уголовному делу, в первую очередь следует руководствоваться характером самого вопроса, требующего разрешения. В разных случаях такой выбор может быть либо однозначным, предусмотренным законом, либо альтернативным, требующим от следователя обоснования и принятия оптимального решения;

– проблема выбора между процессуальными действиями, в равной мере позволяющими ответить на возникающий специальный вопрос и требующими привлечения сведущих лиц, обладающих одинаковой профессиональной подготовкой, но имеющих разный процессуальный статус (специалист или эксперт). Если следователю предстоит делать выбор между сведущими лицами, которые в силу своей профессиональной подготовки могут выполнить его задание, но имеют разный процессуальный статус, то ему приходится руководствоваться иными, дополнительными для осознания сущности поставленного вопроса критериями. В частности, исходить из пределов полномочий сведущих лиц, установленных законом (ст. 57 и 58 УПК РФ), либо из критериев, рекомендуемых наукой, позволяющих отдавать предпочтение тем или иным сведущим лицам;

– проблема выбора между разными по своему процессуальному статусу сведущими лицами, решающими одни и те же вопросы по делам о преступлениях, совершаемых с участием несовершеннолетних. Выбирая наиболее предпочтительный статус сведущего лица, следователи чаще исходят не из разнообразия функций экспертов и специалистов, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, а из сугубо прагматических соображений;

– проблема выбора между сведущими лицами, привлекаемыми к производству по делам несовершеннолетних, имеющими один и тот же

правовой статус и сходные полномочия, но разную профессиональную подготовку.

9. Спектр специальных знаний, которые могут быть востребованы на стадии возбуждения уголовного дела о преступлениях, совершаемых с участием несовершеннолетних, может быть достаточно широким, определяемым прежде всего теми обстоятельствами и их особенностями, которые подлежат установлению в процессе доследственной проверки, а также мерами по установлению достоверности получаемых сведений. Среди них:

- факт совершения преступления (его объективная сторона). Для этого могут потребоваться знания сведущих лиц, обладающих профессиональной подготовкой в разных отраслях, прежде всего в области криминалистики;
- данные о личности несовершеннолетнего преступника;
- меры по проверке достоверности сведений, полученных на стадии возбуждения уголовного дела.

10. Проведение экспертных исследований, раскрывающих причинно-следственные связи лица, совершившего преступление, способа совершения, обстановки, позволяет с большей эффективностью использовать весь комплекс знаний по криминалистическому моделированию для установления всей системы элементов криминалистической характеристики преступлений с участием несовершеннолетнего.

Установлено, что возможности комплексной (интеграционной) ситуационной экспертизы при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних будут успешно реализованы при соблюдении следующих условий: компетентность судебных экспертов разных экспертных специальностей, принимающих участие в такой экспертизе, не только в проводимых ими видах судебных экспертиз, но и в экспертных исследованиях несовершеннолетних и следов, оставляемых ими, проводимых коллегами других экспертных специальностей, участвующими в ситуационной экспертизе; компетентность следователя во всех вопросах назначаемой

ситуационной экспертизы; синергичность (однонаправленность, интеграционные действия) использования криминалистически значимой информации, полученной в результате проведенной ситуационной экспертизы.

11. Для исследования личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства используются многочисленные судебные экспертизы (судебные молекулярно-генетические, комплексные психолого-психиатрические, психолого-лингвистические и др.), в проведении которых имеется ряд проблем, решаемых следующим образом:

- проблема понимания необходимости проведения судебно-экспертных исследований не только в целях идентификации лица, оставившего следы преступления, но и в целях диагностики свойств и характеристик лица, совершившего преступление в условиях неочевидности и остающегося неустановленным, решается путем постановки на разрешение экспертам не только идентификационных, но и диагностических вопросов;

- проблема выбора компетентного субъекта (судебно-экспертной организации или лица, обладающего специальными знаниями) для производства судебной экспертизы может быть решена путем разработки и утверждения в заинтересованных ведомствах (Министерстве внутренних дел, Следственном комитете, Министерстве здравоохранения, Министерстве юстиции и др.) методических рекомендаций по проведению судебных экспертиз несовершеннолетних, изучения их всеми экспертами, принимающими участие в производстве таких экспертиз, с последующей сдачей экзамена;

- проблема исследования личности несовершеннолетнего, которую рекомендуем решать, не ограничиваясь запросом материалов независимых характеристик несовершеннолетних, а назначать судебные экспертизы специалистам (психологам, психотерапевтам и т. д.) специализированных муниципальных психологических центров, к деятельности которых должны

привлекаться психологи, имеющие подготовку по проведению психологических и других исследований несовершеннолетних;

– проблема правильного формулирования и постановки вопроса на разрешение судебному эксперту-психологу, проводящему судебно-психологические экспертизы, должна быть решена путем консультации следователя (судьи) с педагогом или психологом, имеющими опыт производства судебно-психологических экспертиз несовершеннолетних;

– проблема необходимости комплексного экспертного исследования (изучения) несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства является наиболее серьезной и должна быть решена путем проведения дальнейших комплексных научных исследований с использованием специальных знаний в области психологии, почерковедения, психолингвистики и других смежных наук в целях разработки методического обеспечения комплексных экспертиз в отношении несовершеннолетних. В результате проведения комплексных исследований несовершеннолетнего участника, объектов, связанных с совершенным преступлением, устанавливаются сведения, дающие основания для определения обстоятельств, позволяющих правильно квалифицировать совершенные уголовные деяния, устанавливать условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, степень влияния взрослых на его образ жизни и т. д.;

– проблема снятия ограничений в применении инструментальных высокотехнологичных методов экспертного исследования несовершеннолетних должна быть решена путем правового регулирования и адаптации судебно-экспертных методик, в том числе методики нейрокриминалистической диагностики, к исследованию несовершеннолетних;

– проблема оценки заключения эксперта по результатам исследования личности несовершеннолетнего участника судопроизводства, которую предлагаем решать путем привлечения к ее производству специалистов, работающих экспертами соответствующих экспертных специальностей.

12. Для производства судебных экспертиз при расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных систем с участием несовершеннолетних, необходимо решение следующих проблем:

- в целях исследования видеоматериалов и других объектов, демонстрирующих коммуникативные действия в сети Интернет в отношении несовершеннолетних, необходимо назначение комплексной психолого-лингвистической экспертизы, в результате производства которой устанавливаются содержательные и целевые стороны коммуникативных действий при онлайн-общении: коммуникативные роли участников переписки (инициатор, доминантный участник разговоров), коммуникативная направленность речи каждого коммуниканта, наличие (отсутствие) побуждения к сексуальным действиям; наличие (отсутствие) признаков угрозы;

- путем производства комплексной судебной посмертной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетнего потерпевшего на основе психологической реконструкции модели социальной ситуации развития несовершеннолетнего устанавливается причинно-следственная связь внутренних и внешних факторов, оказавших решающее воздействие на психоэмоциональное состояние суицидента;

- в случае обнаружения текста в цифровом виде, набранного при помощи клавиатуры компьютера, предлагаем обязательное производство диагностических судебных экспертиз клавиатурного почерка, который представляет собой поведенческую биометрическую характеристику со следующими параметрами: скорость ввода (количество введенных символов, разделенное на время печатания), динамика ввода (время между нажатиями клавиш и их удержанием), частота возникновения ошибок при вводе;

- необходимы разработка и внедрение АРМ эксперта для исследования цифровых объектов, используемых несовершеннолетними: сервисов

распределенного хранения электронных данных, облачных сервисов, мобильных телефонов и др.;

– необходимо привлекать к разработке методик экспертных исследований с использованием искусственного интеллекта не только экспертов конкретных экспертных специальностей, но и специалистов в сфере программирования, компьютерных технологий и интеллектуальных систем, а также экспертов-практиков, для работы которых создаются эти судебно-экспертные методики.

13. В целях установления всех причастных к совершению преступлений лиц и предотвращения совершения новых преступлений с участием несовершеннолетних необходимо использовать возможности судебных экспертиз по нескольким направлениям:

– пресечение противоправных деяний несовершеннолетних путем выявления всех причастных лиц в результате проведения судебных экспертиз изъятых следов и иных объектов. Проведением судебных идентификационных дактилоскопических, трасологических и иных экспертиз следов, изъятых с мест происшествий, удастся установить лиц, оставивших эти следы. В ситуациях отрицательного идентификационного вывода по результатам судебных экспертиз следы направляются в систему криминалистической регистрации и при дальнейшей проверке по экспертно-криминалистическим учетам представляется возможность установить лиц, оставивших следы, причастных к совершению преступлений, и т. д.;

– обеспечение неотвратимости наказания за общественно опасные действия путем производства судебных экспертиз и составления заключений, в последующем используемых в судопроизводстве в качестве доказательств причастности лиц к совершенному преступлению. Вполне понятным является назначение судебных экспертиз, в результате производства которых удастся на научной основе установить особенности физического состояния, характера, поведения и другие характеристики несовершеннолетних (наследственно-биологические свойства, нравственно-психологический статус,

направленность, социально-ролевые свойства личности, интеллектуальные особенности и др.);

– использование результатов судебных экспертиз для нравственно-психологического (воспитательного) воздействия на несовершеннолетних. Необходимо организовать психодиагностические центры, в штат которых включать высококвалифицированных ученых различных научных направлений (психологов, психиатров, криминалистов и др.), самых компетентных судебных экспертов для производства комплексных судебных экспертиз (психолого-психиатрических и др.). Результаты таких экспертиз позволят следователю при работе с несовершеннолетними, склонными к совершению правонарушений, применять приемы воспитательного воздействия с учетом тех особенностей личности, которые были выявлены по результатам экспертиз, что может оказать положительное профилактическое влияние на несовершеннолетнего;

– использование судебных экспертиз (особенно судебных психологических и психиатрических, комплексных психолого-психиатрических) в целях установления обстоятельств, внутренних и внешних факторов, способствующих совершению преступлений несовершеннолетними. В частности, путем производства судебно-психологических экспертиз устанавливаются психические особенности, исключающие нормальное выполнение профессиональных функций, особенности несовершеннолетнего, которые могли способствовать совершению противоправных действий, и т. д.

Особое внимание, полагаем, следует уделить производству судебно-психиатрических экспертиз несовершеннолетних, так как своевременное установление психических расстройств у несовершеннолетнего позволит вовремя начать лечение и таким образом предотвратить совершение им новых преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020] // Российская газета. – 2020. – № 144.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : [Федер. закон : принят Гос. Думой 18.12.2001 : по сост. на 01.09.2024] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Уголовный кодекс Российской Федерации. Особенная часть : [Федер. закон : принят Гос. Думой 13.06.1996 : по сост. на 08.04.2024] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России : [приказ МВД России от 11.01.2009 № 7] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О судебной экспертизе по уголовным делам : [постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.03.1971 № 1] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О судебной экспертизе по уголовным делам : [постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28] // Российская газета. – 2010. – № 296.

7. О судебной экспертизе по уголовным делам : [постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 : ред. от 29.06.2021] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Материалы судебной практики

8. Архив Кировского районного суда Республики Башкортостан. Уголовное дело № 1-102/2021.

9. Архив Демского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. Уголовное дело № 1-35/2022.

10. Архив Кировского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. Уголовное дело № 1-49/2025.

11. Архив Кировского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. Уголовное дело № 1-103/2021.

12. Архив Кировского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. Уголовное дело № 1-85/2024.

13. Архив Советского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. Уголовное дело № 1-16/2024.

14. Архив Советского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. Уголовное дело № 1-56/2021.

15. Архив Калининского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. Уголовное дело № 1-48/2023.

Научные и учебные издания

16. IT-справочник следователя / под ред. С.В. Зуева. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 227 с.

17. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т.В. Аверьянова. – Москва : Норма, 2006. – 479 с.

18. Аминев Ф.Г. Назначение судебных экспертиз при расследовании преступлений : учебное пособие / Ф.Г. Аминев. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2020. – 159 с.

19. Аминев Ф.Г. Предварительное исследование трасологических следов на месте происшествия и использование полученных результатов в раскрытии преступлений по горячим следам : методические рекомендации / Ф.Г. Аминев, Р.А. Янбердин. – Уфа, 2011. – 107 с.

20. Арсеньев В.Д. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела / В.Д. Арсеньев, В.А. Заблоцкий. – Красноярск, 1986. – 152 с.
21. Бадиков К.Н. Психодерматоглифический метод комплексного исследования рук в криминалистике: понятия, методики, перспективы развития : монография / К.Н. Бадиков. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 278 с.
22. Баев О.Я. Следователь (основы теории и практики деятельности) : научно-практическое пособие / О.Я. Баев. – Москва : Прометей, 2017. – 478 с.
23. Белкин Р.С. Избранные труды / Р.С. Белкин. – Москва : Норма, 2008. – 767 с.
24. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики / Р.С. Белкин. – Москва, 1999. – 486 с.
25. Белкин Р.С. Криминалистика и доказывание / Р.С. Белкин, А.И. Винберг. – Москва, 1969. – 216 с.
26. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории / Р.С. Белкин. – Москва : Юридическая литература, 1987. – 270 с.
27. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике / Р.С. Белкин. – Москва : Юридическая литература, 1988. – 302 с.
28. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. – 2-е изд., доп. – Москва, 2000. – 333 с.
29. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. – Москва : БЕК, 1997. – 339 с.
30. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации / Р.С. Белкин. – Москва : Юрист 1997. – 478 с.
31. Божченко А.П. Дерматоглифика при идентификации личности / А.П. Божченко, В.Л. Попов, Г.И. Заславский. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2008. – 191 с.

32. Букаев Н.М., Мальцев В.В. Расследование преступлений несовершеннолетних / Н.М. Букаев, В.В. Мальцев. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2006. – 191 с.
33. Ваганов П.А. Нейтроны и криминалистика / П.А. Ваганов, В.А. Лукницкий. – Ленинград : ЛГУ, 1981. – 192 с.
34. Валькирия Н.И. Концептуальные основы криминалистического изучения неизвестного преступника / Н.И. Валькирия. – Москва : Проспект, 2025. – 288 с.
35. Вещественные доказательства: информационные технологии процессуального доказывания / под общ.ред. В.Я. Колдина. – Москва : Норма, 2002. – 742 с.
36. Винберг А.И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы / А.И. Винберг. – Москва, 1949. – 132 с.
37. Владимиров Л.Е. Психологическое исследование в уголовном суде / Л.Е. Владимиров. – Москва, 1901. – 291 с.
38. Владимиров Л.Е. Психологическое исследование в уголовном суде / Л.Е. Владимиров. – Москва, 1901. – 291 с.
39. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. – Тула : Автограф, 2000. – 462 с.
40. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия : монография / Т.С. Волчецкая ; под ред. Н.П. Яблокова. – Москва, 1997. – 245 с.
41. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений / В.К. Гавло. – Томск, 1985. – 333 с.
42. Герц Г. Марксистская философия и естествознание / Герц Г. – Москва, 1982. – 448 с.
43. Громов В.И. Дознание и предварительное следствие / В.И. Громов // Методика расследования преступлений. Осмотр места происшествия : сборник научных трудов. – Москва : ЛексЭст, 2003. – 519 с.

44. Громов С.А. Краткое изложение судебной медицины для академического и практического употребления (1832 г.) / С.А. Громов. – Санкт-Петербург : Тип. Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1832. – 554 с.

45. Гросс. Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. / Г. Гросс. – Москва : ЛексЭст, 2002. – 1046 с.

46. Гуковская Н.И. Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях несовершеннолетних / Н.И. Гуковская, А.И. Долгова, Г.М. Миньковский. – Москва : Юридическая литература, 1974. – 208 с.

47. Гурьева В.А. Введение в подростковую судебную психиатрию / В.А. Гурьева, Е.В. Макушкин // Медицинская и судебная психология : курс лекций. – Москва, 2009. – С. 183–205.

48. Дриль Д.А. Уголовное право. Лекции, читанные в Санкт-Петербургском политехническом институте в 1907/8 учебном году / Д.А. Дриль. – Санкт-Петербург : Изд. студенческой кассы взаимопомощи СПб Политехникума, 1908. – 461 с.

49. Екатеринославский Ю.Ю. Управленческие ситуации. Анализ и решение / Ю.Ю. Екатеринославский. – Москва : Экономика, 1988. – 191 с.

50. Еникеев М.И. Юридическая психология : учебник для вузов / М.И. Еникеев. – Москва : Норма, 2005. – 639 с.

51. Ермаков В.Д. Несовершеннолетние преступники в России / В.Д. Ермаков, Н.И. Крюкова. – Москва : ИМПЭ, 1999. – 255 с.

52. Зинин А.М. Участие специалиста-криминалиста в процессуальных действиях : учебник / А.М. Зинин. Москва : Проспект, 2011. – 254 с.

53. Зотов Д.В. Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве: от легализации к процессуальной регламентации / Д.В. Зотов. – Воронеж : Изд. дом ВГУ, 2015. – 84 с.

54. Зуев Е.И. О понятии специальных познаний в уголовном процессе / Е.И. Зуев // Вопросы теории криминалистики и судебной экспертизы :

материалы научной конференции. Декабрь 1969 г. Вып. 1. – Москва, 1969. – 92 с.

55. Изучение развития и поведения детей / под ред. Л.П. Липситта и Ч.К. Спайкера : пер. с англ. – Москва : Просвещение, 1966. – 324 с.

56. Исютин-Федотков Д.В. Криминалистическая дерматоглифика (история, современность, перспективы развития) : монография / / Д.В. Исютин-Федотков, О.Г. Каразей, Г.Н. Мухин ; под общ. ред. Д.В. Исютина-Федоткова. – Москва : Юрлитинформ, 2011. – 147 с.

57. Исютин-Федотков Д.В. Основы криминалистического изучения личности : монография / Д.В. Исютин-Федотков. – Москва : Проспект, 2024. – 288 с.

58. Ищенко П.П. Специалист в следственных действиях. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты / П.П. Ищенко. – Москва : Юридическая литература, 1990. – 157 с.

59. Каминский М.К. Введение в криминалистику и криминалистическое образование / М.К. Каминский. – Москва ; Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2015. – 44 с.

60. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних / Л.Л. Каневский. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. – 288 с.

61. Каневский Л.Л. Расследование и профилактика преступлений несовершеннолетних / Л.Л. Каневский. – Москва : Юридическая литература, 1982. – 111 с.

62. Каневский Л.Л. Тактика следственных действий по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними / Л.Л. Каневский. – Уфа : Восточный университет, 2001. – 140 с.

63. Карпович В.Н. Проблема, гипотеза, закон / В.Н. Карпович. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1980. – 175 с.

64. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. Т. VII. Специальные курсы (продолжение) / В.О. Ключевский. – Москва : Мысль, 1989. – 508 с.

65. Комиссарова Я.В. Полиграф в России и США: проблемы применения / Я.В. Комиссарова, Н.И. Мягких, А.Б. Пеленицын. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 222 с.
66. Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве / Я.В. Комиссарова. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 365 с.
67. Криминалистика / под ред. А.В. Дулова. – Минск, 1996. – 415 с.
68. Криминалистика / под ред. Н.П. Яблокова. – Москва, 1995. – 689 с.
69. Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. – 2-е изд. – Москва, 2012. – 943 с.
70. Криминалистика. – Москва, 1959. – 511 с.
71. Крылов И.Ф. Были и легенды криминалистики / И.Ф. Крылов. – Ленинград : ЛГУ, 1987. – 216 с.
72. Крылов И.Ф. В мире криминалистики / И.Ф. Крылов. – Ленинград : ЛГУ, 1989. – 327 с.
73. Крылов И.Ф. Избранные труды по криминалистике / И.Ф. Крылов. – Санкт-Петербург : Изд. дом СПбГУ, 2006. – 998 с.
74. Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014. – 416 с.
75. Кудрявцева А.В. Понятие «специальные знания» / А.В. Кудрявцева // Экспертно-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : учебное пособие / под ред. Ф.Г. Аминова. – Уфа : УЮИ МВД РФ, 2010. – 107 с.
76. Куемжиева С.А. Методика расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних : монография / С.А. Куемжиева. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 257 с.
77. Кустов А.М. Несовершеннолетние в наркобизнесе: методика расследования преступлений : монография / А.М. Кустов, В.Г. Енгибарян ; под ред. А.М. Кустова. – Москва : Юрлитинформ, 2024. – 222 с.

78. Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / В.А. Линовский. – Одесса : Тип. Л. Нитче, 1849. – 262 с.

79. Лифанова М.В. Теоретические основы расследования групповых преступлений несовершеннолетних : монография / М.В. Лифанова. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2011. – 117 с.

80. Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений / И.М. Лузгин. – Москва : Юридическая литература, 1981. – 152 с.

81. Майлис Н.П. Руководство по трасологической экспертизе / Н.П. Майлис. – Москва : Шит-М, 2007. – 344 с.

82. Макаренко И.А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования / И.А. Макаренко. – Москва : Юрлитинформ, 2006. – 347 с.

83. Маликов С.В., Савенков А.Н. Руководство по военно-полевой криминалистике / С.В. Маликов, А.Н. Савенков. – Москва, 2011. – 654 с.

84. Махов В.Н. Избранные научные труды по уголовному процессу / В.Н. Махов. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 531 с.

85. Махов В.Н. Использование специальных познаний сведущих лиц при расследовании преступлений / В.Н. Махов. – Москва, 2000. – 295 с.

86. Медицинская и судебная психология : курс лекций / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. – Москва, 2004. – 606 с.

87. Мещеряков Ю.В. Формы уголовного судопроизводства : учебное пособие / Ю.В. Мещеряков. – Ленинград, 1990. – 91 с.

88. Михайленко А.Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / А.Р. Михайленко. – Саратов, 1975. – 150 с.

89. Никольская Н.М. Метод серийных рисунков и рассказов в психологической диагностике и консультировании детей и подростков : учебное пособие / Н.М. Никольская. – Санкт-Петербург ; МОСКВА : Речь, 2016. – 54 с.

90. Николук В.В. Стадия возбуждения уголовного дела. (В вопросах и ответах) / В.В. Николук, В.В. Кальницкий, П.Г. Марфицин. – Омск, 1995. – 108 с.
91. Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника / В.А. Образцов. – Москва : Юристъ, 1997. – 333 с.
92. Образцов В.А. Основы криминалистики / В.А. Образцов. – Москва, 1996. – 158 с.
93. Ожегов С.А. Толковый словарь русского языка / С.А. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 1997. – 939 с.
94. Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам) : учебное пособие / Ю.К. Орлов. – Москва : Юристъ, 1995. – 64 с.
95. Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам / Ю.К. Орлов. – Москва, 1995. – 64 с.
96. Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве : научно-учебное пособие / Ю.К. Орлов. – Москва : Проспект, 2016. – 213 с.
97. Основы судебной экспертологии : учебно-методическое пособие. – Москва : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2023. – 383 с.
98. Палиашвили А.Я. Экспертиза в суде по уголовным делам / А.Я. Палиашвили – Москва, 1973. – 142 с.
99. Печенкин А.А. Функции научной теории. Философия. Методология. Наука / А.А. Печенкин. – Москва : Наука, 1972. – 240 с.
100. Пленк И.Я. Наставление по судебной медицине / И.Я. Пленк // Громов С.А. Краткое изложение судебной медицины. – Санкт-Петербург : Изд. дом СПбГУ, 2004. – 431 с.
101. Подольный Н.А. Расследование преступлений, составляющих молодежную организованную преступность / Н.А. Подольный. – Москва : Юрлитинформ, 2007. – 292 с.

102. Попов А.Н. Правоведение. Производство по делам о преступлениях несовершеннолетних : учебное пособие / А.Н. Попов. – Красноярск, 2004. – 123 с.
103. Потапов С.М. Введение в криминалистику / С.М. Потапов. – Москва, 1946. – 23 с.
104. Россинская Е.Р. Профессия – эксперт. (Введение в юридическую специальность) / Е.Р. Россинская. – Москва : Юристъ, 1999. – 190 с.
105. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Россинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2008. – 688 с.
106. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Россинская. – Москва : Норма, 2020. – 576 с.
107. Рузавин Г.И. Научная теория: логико-методологический анализ / Г.И. Рузавин. – Москва, 1978. – 244 с.
108. Самищенко С.С. Атлас необычных папиллярных узоров / С.С. Самищенко. – Москва : Юриспруденция, 2001. – 307 с.
109. Самищенко С.С. Судебная медицина / С.С. Самищенко. – Москва, 1996. – 361 с.
110. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий / Н.А. Селиванов. – Москва, 1982. – 150 с.
111. Селина Е.В. Доказывание с использованием специальных познаний по уголовным делам / Е.В. Селина ; под ред. А.А. Хмырова. – Москва : Юрлитинформ, 2003. – 127 с.
112. Скорченко П.Т. Криминалистика. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений / П.Т. Скорченко. – Москва, 1999. – 270 с.
113. Смушкин А.Б. Цифровизация криминалистической деятельности : учебное пособие / А.Б. Смушкин ; под ред. В.Б. Вехова. – Москва : Кнорус, 2024. – 208 с.

114. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств. В связи с судоустройством и судопроизводством / В.Д. Спасович. – Москва : ЛексЭст, 2001. – 93 с.

115. Старовойтов В.И., Шамонова Т.Н. Запах и ольфакторные следы человека / В.И. Старовойтов, Т.Н. Шамонова. – Москва : Лекс Эст, 2003. – 127 с.

116. Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) / под ред. Е.Р. Россинской, Е.И. Галяшиной. – Москва : Проспект, 2017. – 269 с.

117. Тарасов А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России : монография / А.А. Тарасов. – Москва : Проспект, 2017. – 125 с.

118. Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений / Т.Д. Телегина. – Москва : Юрлитинформ, 2011. – 148 с.

119. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юридическая литература, 1973. – 736 с.

120. Торвальд Ю. Век криминалистики / Ю. Торвальд. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. – 541 с.

121. Торвальд Ю. Криминалистика сегодня. Развитие судебной серологии / Ю. Торвальд. – Москва : Юридическая литература, 1980. – 200 с.

122. Уголовно-процессуальный кодекс России. Ч. 1. Официальные тексты / отв. ред. В.А. Панюшкин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1998. – 453 с.

123. Участие специалиста в процессуальных действиях : учебник / А.М. Зинин, А.И. Семикаленова, Е.В. Иванова ; под общ. ред. А.М. Зинина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2020. – 288 с.

124. Фармагей А.И. Диагностика акцентуаций личности по почерку / А.И. Фармагей. – Киев, 2010. – 198 с.

125. Халиуллина А.Ф. Особенности расследования насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении

несовершеннолетних : монография / А.Ф. Халиуллина. – Москва : Проспект, 2022. – 136 с.

126. Хрусталеv В.Н. Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях / В.Н. Хрусталеv, Р.Ю. Трубицын. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 211 с.

127. Центров Е.Е. Криминалистическое учение о потерпевшем / Е.Е. Центров. – Москва, 1988. – 159 с.

128. Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс / М.А. Чельцов-Бебутов. – 2-е изд., перераб. – Москва : Юридическая литература, 1951. – 510 с.

129. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений : монография / В.С. Шадрин. – Волгоград : ВЮИ МВД России, 1997. – 224 с.

130. Шевченко Б.И. Научные основы современной трасеологии / Б.И. Шевченко. – Москва, 1947. – 54 с.

131. Шиканов В.И. Использование специальных познаний при расследовании убийств / В.И. Шиканов. Иркутск, 1976. – 88 с.

132. Шопенгауэр А. Афоризмы и истины / А. Шопенгауэр. – Москва : Эксмо-Пресс, 1999. – 733 с.

133. Эджубов Л.Г. Введение в папилляроскопию / Л.Г. Эджубов, Н.Н. Богданов // Папиллярные узоры: идентификация и определение характеристик личности (дактилоскопия и дерматоглифика). – Москва, 2002. – С. 11–34.

134. Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научные обоснования / А.А. Эйсман. – Москва, 1967. – 152 с.

135. Эксархопуло А.А. Криминалистика : учебник / А.А. Эксархопуло. – Санкт-Петербург : Лема, 2009. – 902 с.

136. Эксархопуло А.А. Криминалистика: теоретические проблемы и практические решения / А.А. Эксархопуло. – 2-е изд., изм. и доп. – Уфа : Башкирский гос. ун-т, 2019. – 393 с.

137. Эксархопуло А.А. Криминалистика: теоретические проблемы и практические решения : учебное пособие / А.А. Эксархопуло. – 2-е изд., изд., перераб. и доп. – Уфа, 2019. – 393 с.

138. Эксархопуло А.А. Криминалистическая экспертиза материалов уголовных дел / А.А. Эксархопуло. – Москва : Юрайт, 2021. – 395 с.

139. Эксархопуло А.А. Основы криминалистической теории / А.А. Эксархопуло. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 1992. – 116 с.

140. Эксархопуло А.А. Специальные знания и их применение в исследовании материалов уголовного дела / А.А. Эксархопуло. – Санкт-Петербург : Изд. дом СПбГУ, 2005. – 277 с.

141. Эксархопуло А.А. Учение о специальных познаниях, используемых в уголовном судопроизводстве / А.А. Эксархопуло // Криминалистика. Теоретический курс / Ф.Г. Аминев и др. – Москва : ИНФРА-М, 2022. – 277 с.

142. Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. проф. Т.А. Аверьяновой и Е.Р. Россинской. – Москва, 1999. – 551 с.

143. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. / И.Н. Якимов. – Москва : ЛексЭст, 2003. – 430 с.

Статьи

144. Алигаева Н.Н. Индивидуальные особенности почерка лиц, совершивших общественно описанные деяния / Н.Н. Алигаева // Актуальные вопросы судебно-психологической экспертизы и комплексной экспертизы с участием психолога. Перспективы научного и прикладного исследования почерка : сборник материалов III международной научно-практической конференции. – Калуга, 2019. – С. 144–150.

145. Аминев Ф.Г. О некоторых проблемах экспертных ситуаций при производстве судебных экспертиз / Ф.Г. Аминев // Развитие ситуационного подхода в криминалистике: вопросы теории и практики : материалы

всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию Л.Я. Драпкина. 7 ноября 2014. – Екатеринбург : Изд. дом УрГЮУ, 2015. – С. 81–86.

146. Аминев Ф.Г. О проблемах решения экспертных ситуаций в условиях цифровизации / Ф.Г. Аминев // Ситуационные аспекты раскрытия и расследования преступлений : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 1 ноября 2024 г.) / отв. ред. Д.В. Бахтеев. – Екатеринбург : АНО «КримЛиб», 2024. – С. 6–12.

147. Аминев Ф.Г. О современных возможностях ситуационного подхода в судебно-экспертной деятельности / Ф.Г. Аминев // Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию научной школы криминалистической ситуалогии БФУ им. И. Канта (Калининград, 20–21 октября 2017 г.). – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2017. – С. 229–232.

148. Ароцкер Л.Е. Права, обязанности и роль специалистов при производстве следственных и судебных действий / Л.Е. Ароцкер // Вопросы криминалистики. Вып. 6-7. – Москва, 1962. – С. 46–54.

149. Аувяэрт Л. О перспективах применения психологического анализа почерка в Эстонской Республике / Л. Аувяэрт // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве : сборник трудов конференции. Вып. 6. – Москва, 2022. – С. 37–38.

150. Ахмедшин Р.Л. О некоторых взаимосвязях акцентуированного типа личности и признаков почерка / Р.Л. Ахмедшин // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве : сборник трудов конференции. Вып. 6. – Москва, 2022. – С. 39–42.

151. Бабук А.В. Современные методы судебной автороведческой экспертизы в свете дигитализации и развития компьютерных технологий /

А.В. Бабук // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве : сборник трудов конференции. Вып. 6. – Москва, 2022. – С. 42–49.

152. Багмет А.М., Хмелева А.В. Судебная лингвистическая экспертиза / А.М. Багмет, А.В. Хмелева // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве : сборник трудов конференции. Вып. 6. – Москва, 2022. – С. 49–54.

153. Баранова М.В., Колоколов Н.А. Уголовная ответственность за рекламирование порнографических материалов или предметов: состояние, проблемы, эффективность применения / М.В. Баранова, Н.А. Колоколов // Реклама и право. – 2005. – № 1. – С. 20–25.

154. Бегунов Л.А. Психологический анализ почерка надписей рисунков при производстве судебно-психологических экспертиз / Л.А. Бегунов // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве. Вып. 6. С. 54–56.

155. Белкин Р.С. К вопросу о природе, тактических целях и разновидностях следственного эксперимента / Р.С. Белкин // Советское государство и право. – 1958. – № 1. – С. 95–97.

156. Быховский И.Е., Ратинов А.Р. Проверка показаний на месте / И.Е. Быховский, А.Р. Ратинов // Вопросы криминалистики. – 1962. – № 5. – С. 186–193.

157. Винберг А.И. Специалист в процессе предварительного расследования / А.И. Винберг // Социалистическая законность. – 1961. – № 3. – С. 30–34.

158. Волчецкая Т.С. Судебная экспертиза как форма использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве / Т.С. Волчецкая // Использование специальных знаний в судопроизводстве : сборник научных трудов / под ред Т.С. Волчецкой. – Калининград : Изд-во КГУ, 2005. – С. 12–21.

159. Гайворонская А.А. Подходы к анализу психологических характеристик / А.А. Гайворонская // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве. Вып. 6. С. 95–97.

160. Гайворонская А.А. Почерк как одна из имманентных характеристик индивидуального сознания / А.А. Гайворонская // Актуальные вопросы судебной психологической экспертизы и комплексной экспертизы с участием психолога. Перспективы научного и прикладного исследования почерка : сборник материалов III международной научно-практической конференции. Калуга, 2019. – С. 21–27.

161. Головин А.Ю. Технологии искусственного интеллекта в криминалистике: задачи, которые необходимо решить / А.Ю. Головин // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2024. – № 2. – С. 25–33.

162. Гребеньков А.Б. Процессуальное различие заключения эксперта и заключения специалиста / А.Б. Гребеньков // Актуальные вопросы судебной медицины и экспертной практики. Вып. 9. – Новосибирск, 2004. – С. 27–34.

163. Гуревич С.А. Ответственность юных преступников по русскому законодательству / С.А. Гуревич // Дети-преступники : сборник статей / под ред. М.Н. Гернета. – Москва, 1912. – С. 7–20.

164. Зайнуллин Р.И. Возраст как элемент социального портрета несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства / Р.И. Зайнуллин, И.А. Макаренко // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2022. – Т. 2, № 22. – С. 362–373.

165. Иванов Л.Н. Современные проблемы исследования личности и уголовно-процессуальное регулирование участия специалиста в уголовном судопроизводстве / Л.Н. Иванов // Российский следователь. – 2007. – № 5. – С. 34–40.

166. Иванова А.А., Холопова Е.Н. Актуальные проблемы назначения и проведения комплексной психолого-искусствоведческой экспертизы

порнографической продукции / А.А. Иванова, Е.Н. Холопова // Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики : материалы 2-й международной научно-практической конференции. – Москва, 2012. – С. 367–370.

167. Исайчев Е.С. Системный подход к анализу умышленно скрываемой информации / Е.С. Исайчев, С.А. Исайчев // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве. Вып. 4. – Москва : РГУП, 2020. – С. 94–96.

168. Казарян Г.А. Особенности психологического анализа текстов при судебно-психологической экспертизе // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве / Г.А. Казарян, А.Г. Тер-Степанян, А.А. Егиазарян. Вып. 6. – С. 110–118.

169. Каневский Л.Л. Криминалистическая характеристика преступлений несовершеннолетних и особенности их расследования / Л.Л. Каневский // Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений. – Свердловск : УрГУ, 1978. – С. 128–135.

170. Каневский Л.Л. Криминалистическая характеристика преступления, криминальные и следственные ситуации и их значение в раскрытии и расследовании преступлений несовершеннолетних / Л.Л. Каневский // Вопросы совершенствования борьбы с преступностью несовершеннолетних. – Уфа, 1983. – С. 71–82.

171. Каневский Л.Л. Психологические основы деятельности следователя по делам несовершеннолетних / Л.Л. Каневский // Л.Л. Каневский. Избранные труды. – Уфа, 2019. – С. 89–92.

172. Каневский Л.Л. Пути совершенствования профессиональной и нравственной подготовки следователей по делам несовершеннолетних / Л.Л. Каневский // Л.Л. Каневский. Избранные труды. – Уфа, 2019. – С. 50–56.

173. Каневский Л.Л. Система криминалистической методики и место в ней методики расследования преступлений несовершеннолетних / Л.Л.

Каневский // Вопросы эффективности борьбы с преступностью и совершенствования законодательства. – Уфа, 1975. – С. 92–105.

174. Карнович Г.Б. Возникновение и развитие института вещественных доказательств в дореволюционной России / Г.Б. Карнович // Советская криминалистика на службе следствия : сборник статей. Вып. 6. – Москва, 1955. – С. 57–103.

175. Когосов А.П. Получение заключений и показаний специалиста как одна из форм использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве / А.П. Когосов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2011. – № 6. – С. 46–48.

176. Кокин А.В. Машинное обучение в криминалистике и судебной экспертизе: проблемы и перспективы / А.В. Кокин // Современное состояние и тенденции развития судебно-почерковедческого исследования изображений рукописей // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы IX Международной научно-практической конференции. МГЮУ, 26–27 января 2023 г. – Москва : Блок-Принт. С. 152–156.

177. Комаринец Б.М. Работа экспертов-криминалистов в качестве специалистов при проведении следственных действий / Б.М. Комаринец // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы : сборник второй. – Душанбе, 1962. – С. 28–35.

178. Лазарева Л.В. Некоторые вопросы заключения и показаний специалиста / Л.В. Лазарева // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. – № 1. – С. 242–244.

179. Майлис Н.П. О функциях общей теории судебной экспертизы и о ситуационной экспертизе / Н.П. Майлис // Вестник криминалистики. – 2009. – Вып. 1 (29). – С. 6–11.

180. Макаренко И.А. Возможности экспертного исследования идеальных следов преступления / И.А. Макаренко // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве. Вып. 4. С. 109–117.

181. Махмудова К.Т. Актуальность и значение психологического анализа почерка в Республике Узбекистан / К.Т. Махмудова // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве : сборник статей. Вып. 6. Актуальные вопросы судебно-экспертного исследования документов / отв. за вып.: Т.Ф. Моисеева, В.В. Устинов. – Москва : РГУП, 2022. С. 162–170.

182. Махов В. Участие специалиста в расследовании преступлений / В. Махов // Социалистическая законность. – 1969. – № 5. – С. 24–27.

183. Пионтковский А.А. К вопросу о теоретических основах советской криминалистики / А.А. Пионтковский // Советская криминалистика на службе следствия : сборник статей. Вып. 6. – Москва : Юридическая литература, 1955. – С. 3–44.

184. Полянский Н.Н. Основные формы построения уголовного процесса / Н.Н. Полянский // Ученые записки Московского университета. Труды юридического факультета. Вып. 145, кн. 4. – Москва, 1949. – С. 51–84.

185. Ратинов А.Р. Экспериментальные исследования психологии свидетельских показаний (вопросы методики) / А.Р. Ратинов, Н.И. Гаврилова // Вопросы борьбы с преступностью. 1977. – № 27. – С. 71–90.

186. Россинская Е.Р. Ревизия определения предмета криминалистики: за и против / Е.Р. Россинская // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4 (5). – С. 328–335.

187. Самищенко С.С. О некоторых возможностях судебной медицины при расследовании убийств / С.С. Самищенко // Криминалистика и судебная медицина: вопросы теории и практики : сборник научных трудов / под ред. И.О. Перепечиной и А.М. Багмета. – Москва : ООО «Буки Веди», 2018. – С. 229–233.

188. Секераж Т.Н. Психологическое исследование информационных материалов по делам о нарушении половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершаемом с помощью информационно-

телекоммуникационных сетей / Т.Н. Секераж // Теория и практика судебной экспертизы. – 2022. – Т. 17, № 1. – С. 96–106.

189. Степичев С. Выезд на место как тактический прием проверки доказательств / С. Степичев // Социалистическая законность. – 1955. – № 12. – С. 28–31.

190. Степутенкова В.К. Значение судебной экспертизы для уголовно-правовой оценки исследуемого события / В.К. Степутенкова // Правовые и методологические проблемы судебной экспертизы : сборник научных трудов. Вып. 10. – Москва, 1974. – С. 83–106.

191. Тарасов А.А. Новое в правовых формах использования специальных знаний в доказывании по уголовным делам / А.А. Тарасов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2004. – № 4 (17). – С. 79–87.

192. Тетюев С.В. О доказательственном значении характеристик несовершеннолетних правонарушителей (вопросы теории и практики) / С.В. Тетюев // Уголовное право. – 2008. – № 4. – С. 113–118.

193. Халиков А.Н. Допустимость тактических комбинаций при расследовании преступлений / А.Н. Халиков // Развитие научных идей профессора Р.С. Белкина в условиях современных вызовов (к 100-летию со дня рождения) : сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции «63-и криминалистические чтения» (Москва, 20 мая 2022 г.) : в 2 ч. – Москва : Академия управления МВД России, 2022. – Ч. 1. – С. 272–273.

194. Чемерис А.В. Использование ДНК-фенотипирования при расследовании преступлений: криминалистический и этический аспекты / А.В. Чемерис, А.Ф. Халиуллина, И.А. Макаренко, Р.Р. Галяутдинов, Ф.Г. Аминев // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 5. – С. 522–532.

195. Шавер Б.М. Предмет и метод советской криминалистики / Б.М. Шавер // Социалистическая законность. – 1938. – № 6. – С. 56–82.

196. Шейфер С.А. Обновление правовой регламентации доказывания по УПК: шаг вперед? / С.А. Шейфер // Государство и право. – 2004. – № 12. – С. 35–42.

197. Штерн В. Психология свидетельских показаний (экспериментальные исследования верности воспоминания) / В. Штерн // Вестник права. – 1902. – № 2-3. – С. 107–131.

198. Шуванов И.Б., Новиков С.С. Особенности почерка как маркеры предрасположенности к эмоциональному выгоранию // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве. Вып. 6. С. 242–246.

199. Эксархопуло А.А. Материалы уголовного дела как объект применения специальных знаний / А.А. Эксархопуло // Вестник криминалистики. – 2004. – Вып. 4 (12). – С. 20–22.

200. Яблоков Н.П. Оценка судом и следователями заключений автотехнической экспертизы / Н.П. Яблоков // Вопросы судебной экспертизы : материалы научной конференции 28 июня – 2 июля 1960 г. – Ленинград, 1960. – С. 103–108.

201. Яценко О.В. Заключение эксперта как один из источников доказательств по уголовным делам о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений / О.В. Яценко // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае : материалы ежегодной межрегиональной. научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Е.Н. Тихонова. Барнаул, 21–22 марта 2008 г. – Барнаул : Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2008. – С. 359–363.

202. Chernov Y. Formal Validation of Handwriting Analysis / Y. Chernov // Handwriting Research. Validation and Quality / ed. by Y. Chernov, M.A. Nauer. – Zurich : HIS Books, 2018. – P. 37–68.

203. Chernov Y., Caspers C. Formalized Computer-Aided Handwriting Psychology: Validation and Integration into Psychological Assessment / Y. Chernov, C. Caspers // Behavioral Sciences. – 2020. – Vol. 10, № 1. – P. 21–32.

Авторефераты диссертаций, диссертации

204. Аксенова-Сорохтей Ю.Н. Частное криминалистическое учение о профилактике преступлений несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю.Н. Аксенова-Сорохтей. – Воронеж, 2011. – 213 с.

205. Бадоян С.М. Методика расследования изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / С.М. Бадоян. – Тула, 2023. – 286 с.

206. Бахтеев Д.В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / Д.В. Бахтеев. – Екатеринбург, 2022. – 41 с.

207. Бычков А.Н. Участие педагога в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Н. Бычков. – Ижевск, 2007. – 227 с.

208. Галимов О.Х. Проблемы правового регулирования уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.Х. Галимов. – Омск, 1997. – 233 с.

209. Гаврилин Ю.В. Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю.В. Гаврилин. – Москва, 2000. – 206 с.

210. Галинская А.Е. Использование специальных знаний в судопроизводстве сторонами и их представителями : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / А.Е. Галинская. – Москва, 2017. – 158 с.

211. Глазырин В.Ф. Криминалистическое изучение личности обвиняемого : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В.Ф. Глазырин. – Свердловск, 1973. – 34 с.

212. Дьяконова О.Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств – членов ЕАЭС: теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / О.Г. Дьяконова. – Москва, 2021. – 647 с.

213. Завьялов Д.В. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации: отечественный и зарубежный опыт : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Д.В. Завьялов. – Москва, 2022. – 242 с.

214. Зайнуллин Р.И. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / Р.И. Зайнуллин. – Уфа, 2022. – 480 с.

215. Иванова Е.В. Концептуальные основы использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / Е.А. Иванова. Москва, 2016. – 468 с.

216. Каранова Д.Я. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений против личности, совершаемых несовершеннолетними с использованием информационно-коммуникационных технологий : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Д.Я. Каранова. – Москва, 2025. – 227 с.

217. Ким О.Д. Проблемы и пути совершенствования расследования дорожно-транспортных происшествий на основе научных знаний : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О.Д. Ким. – Воронеж, 1998. – 38 с.

218. Кокурин И.П. Актуальные проблемы расследования дел о преступлениях несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.П. Кокурин. – Москва, 1997. – 168 с.

219. Комиссарова Я.В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / Я.В. Комиссарова. – Москва, 2013. – 684 с.

220. Кот Е.А. Расследование преступлений, совершенных в сети Интернет, связанных с побуждением несовершеннолетнего к суициду : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Е.А. Кот. – Калининград, 2022. – 326 с.

221. Крылов И.Ф. Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в ее историческом развитии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И.Ф. Крылов. – Ленинград, 1966. – 35 с.

222. Кудряшов Д.А. Теория и практика комплексной судебной экспертизы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Д.А. Кудряшов. – Москва, 2018. – 264 с.

223. Кушпель Е.В. Проблемы и специфика расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е.В. Кушпель. – Волгоград, 1999. – 231 с.

224. Лазарева Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Л.А. Лазарева. – Владимир, 2011. – 470 с.

225. Ланцман Р.М. Использование возможностей кибернетики в криминалистической экспертизе и некоторые проблемы уголовно-судебного доказывания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Р.М. Ланцман. – Москва, 1970. – 30 с.

226. Лапшин В.Е. Место происшествия как объект экспертного исследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.Е. Лапшин. – Нижний Новгород, 2003. – 28 с.

227. Лапшин В.Е. Место происшествия как объект экспертного исследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.Е. Лапшин. – Нижний Новгород, 2005. – 193 с.

228. Лутфуллина Г.Р. Криминалистическое обеспечение расследования корыстно-насильственных преступлений с участием несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Г.Р. Лутфуллина. – Уфа, 2024. – 207 с.

229. Макаренко И.А. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук : 12.00.09 / И.А. Макаренко. – Саратов, 2007. – 42 с.

230. Макаренко И.А. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / И.А. Макаренко. – Саратов 2007. – 404 с.

231. Мамкин А.М. Применение судебно-бухгалтерских знаний в практике выявления экономических преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.М. Мамкин. – Нижний Новгород, 1999. – 27 с.

232. Мацун Е.А. Процессуальное положение специалиста в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е.А. Мацун. – Челябинск, 2013. – 23 с.

233. Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В.А. Мещеряков. – Воронеж, 2001. – 386 с.

234. Михалева Н.В. Правовые и организационные аспекты использования специальных знаний в целях установления ущерба, причиненного экологическим правонарушением : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Н.В. Михалева. – Москва, 2016. – 26 с.

235. Нестер И.С. Использование специальных знаний в стадии возбуждения уголовного дела (по материалам Республики Беларусь) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / И.С. Нестер. – Москва, 2018. – 201 с.

236. Сидорик П.Н. Профилактическая деятельность следователя по делам несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / П.Н. Сидорик. – Минск, 1989. – 209 с.

237. Сидорин Н.М. Расследование и предупреждение преступлений о вовлечении несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.00 / Н.М. Сидорин. – Саратов, 1972. – 268 с.

238. Соколовский З.М. Проблема использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний для установления причинной связи явлений : дис. ... д-ра юрид. наук / З.М. Соколовский. – Харьков, 1968. – 518 с.

239. Сорокотягин И.Н. Криминалистические проблемы использования специальных познаний в расследовании преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / И.Н. Сорокотягин. – Москва, 2005. – 419 с.

240. Трапезникова И.И. Специальные знания в уголовном процессе России (понятие, признаки, структура) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.И. Трапезникова. – Челябинск, 2004. – 22 с.

241. Успанова Ж.А. Комплексные экспертизы при расследовании преступлений, связанных со взрывами на промышленных объектах : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ж.А. Успанова. – Москва, 1994. – 239 с.

242. Цветков В.Л. Психология деятельности сотрудников органов внутренних дел по профилактике и преодолению асоциального поведения малолетних : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.03 / В.Л. Цветков. – Москва, 2005. – 391 с.

243. Шапиро Л.Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Л.Г. Шапиро. – Саратов, 2008. – 497 с.

244. Шувалова М.А. Участие психолога и педагога в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.А. Шувалова. – Санкт-Петербург, 2019. – 252 с.

245. Шувапева М.С. Правовые и организационные основы назначения и производства комплексной экспертизы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.С. Шувапева. – Москва, 2006. – 198 с.

246. Эксархопуло А.А. Криминалистическая теория: формирование и перспективы развития в условиях НТР : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Эксархопуло. – Санкт-Петербург, 1993. – 263 с.

Интернет-ресурсы

247. В МВД рассказали о сотнях тысяч детей мигрантов, которые не ходят в школу в России [Электронный ресурс]. – URL: https://dzen.ru/a/aEhzB9EW22ZAVAE9?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 10.06.2025).

248. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/> (дата обращения: 24.03.2025).

249. Online Grooming of Children for Sexual Purposes: Model Legislation & Global Re-view, 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.icmec.org/wp-content/uploads/2017/09/Online-Grooming-of-Children_FINAL_9-18-17.pdf (дата обращения: 24.03.2025)

ПРИЛОЖЕНИЯ

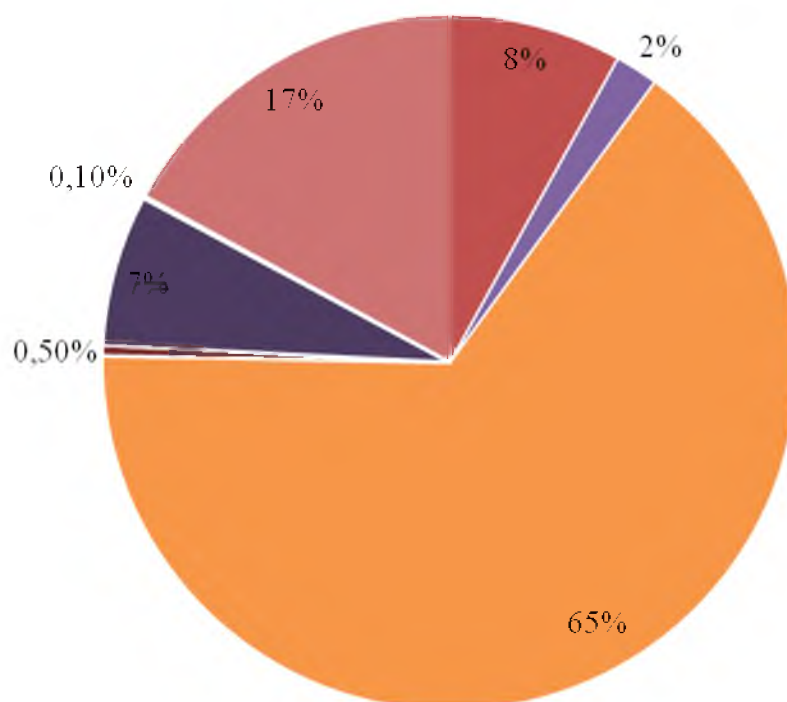
Приложение 1

**Результаты изучения уголовных дел по вопросам использования
специальных знаний в ходе расследования преступлений с участием
несовершеннолетних**

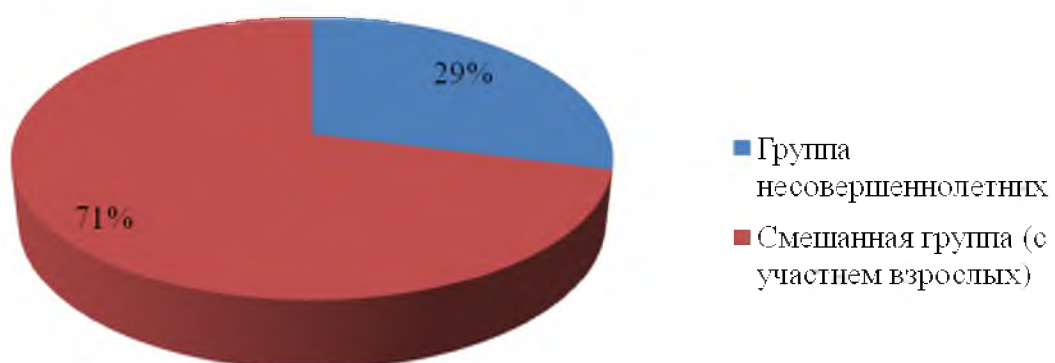
Количество преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних в 2024 году

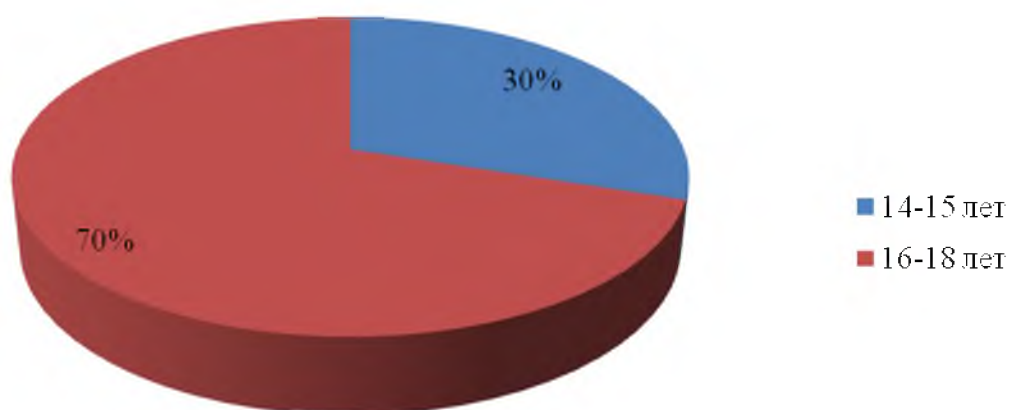
- Против жизни и здоровья (ст.ст. 105-125 УК РФ)
- Против семьи (ст. 156 УК РФ)
- Против семьи (ст. 157 УК РФ)
- Против несовершеннолетних (ст. 150 УК РФ)
- Против собственности (ст.ст.158-167 УК РФ)
- Против здоровья населения и общественной нравственности (ст. 230 УК РФ)

Преступление совершено в группе

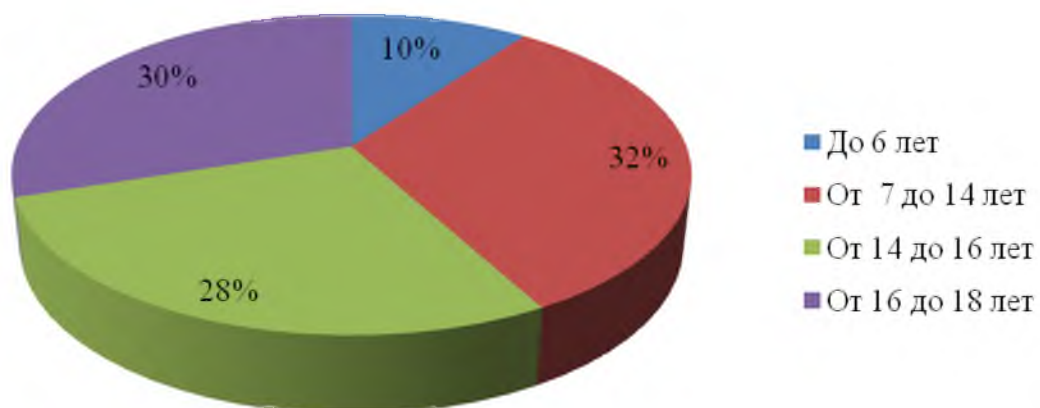
■ Да ■ Нет

Состав группы

**Возраст несовершеннолетних подозреваемых
(обвиняемых)**

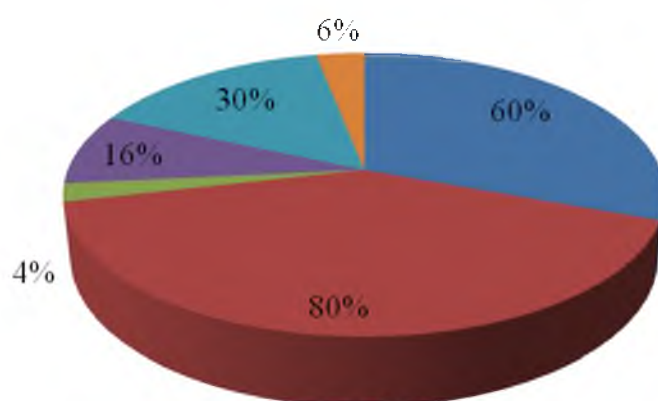

Возраст несовершеннолетних потерпевших

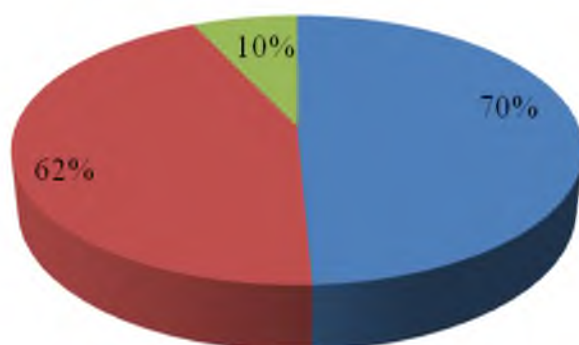
**В ходе расследования специальные знания
использовались в виде**

- Участия специалиста в следственных действиях
- Судебной экспертизы
- Допроса эксперта
- Привлечения специалиста для дачи заключения или показаний
- исследования материальных объектов, в т.ч документов, трупов
- проведение документальных проверок, ревизий

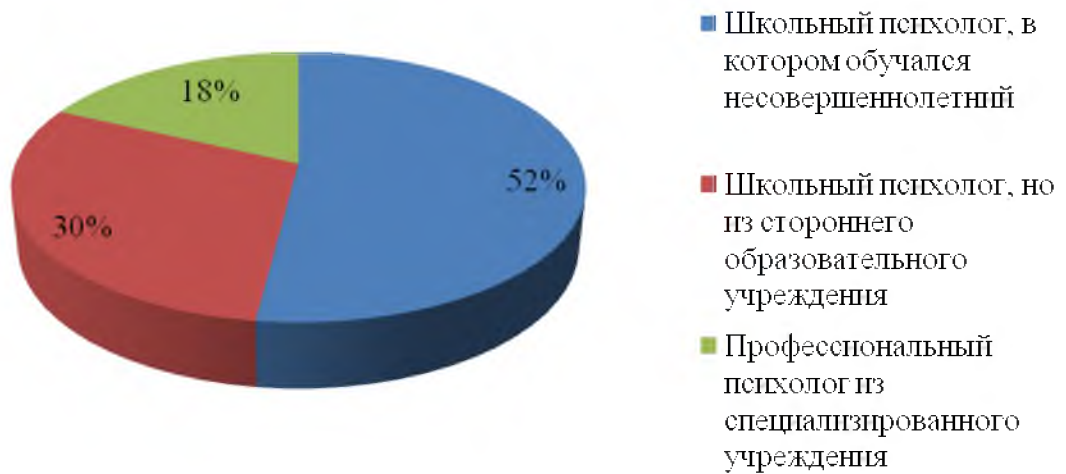

**С какой целью специалист участвовал в
следственных действиях**

- Применение технических средств
- Оказание содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов
- Постановки вопросов эксперту

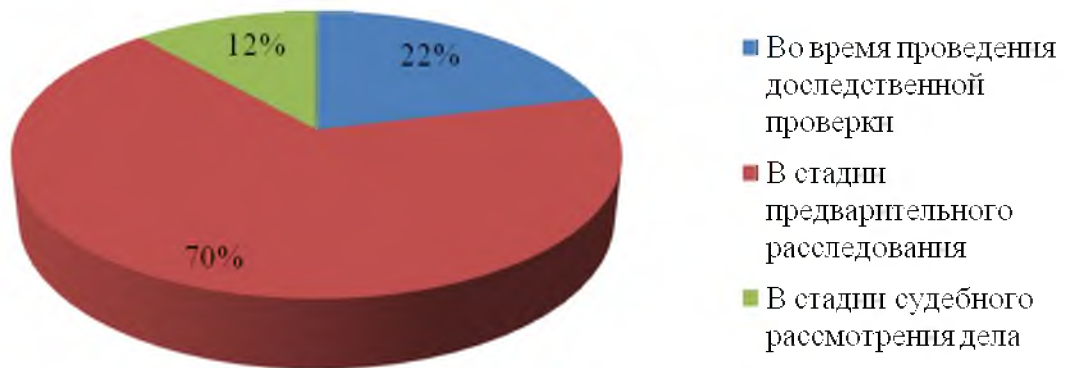
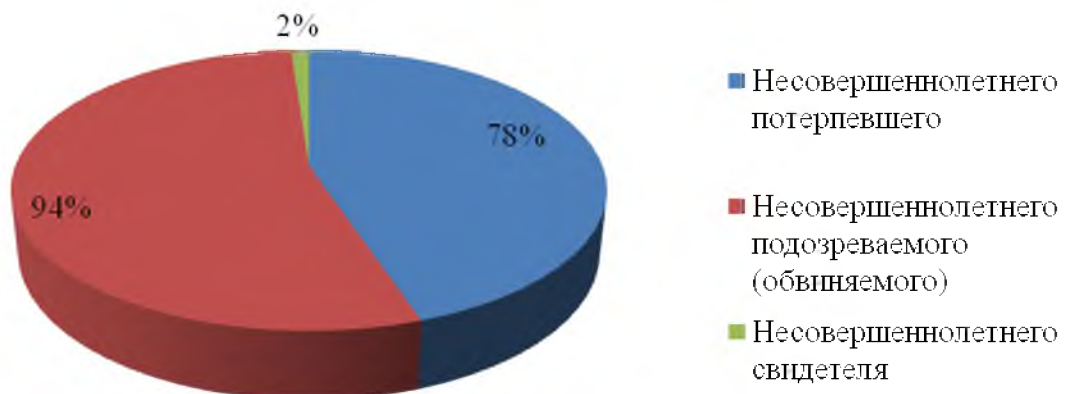

Какой психолог участвовал в следственных действиях

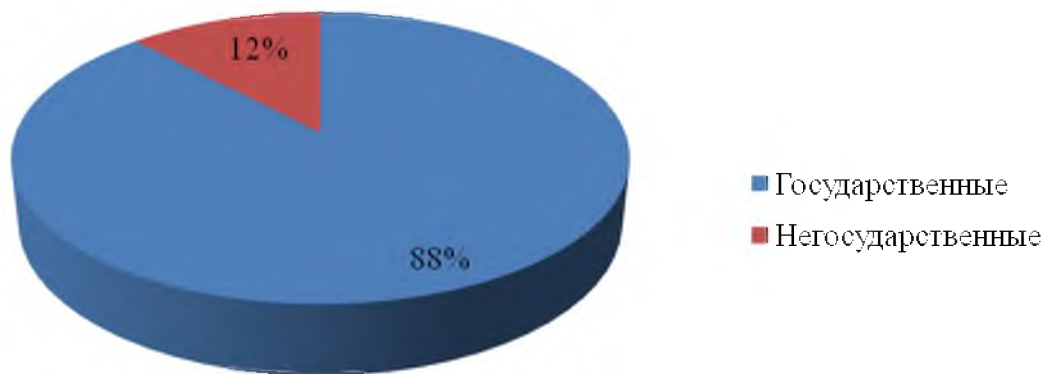

Какой педагог участвовал в следственных действиях

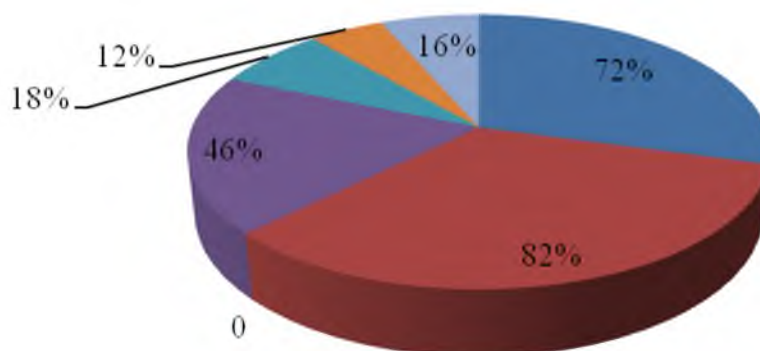
Судебная экспертиза была назначена**В отношении кого была назначена экспертиза**

В какую судебно-экспертную организацию назначались экспертизы

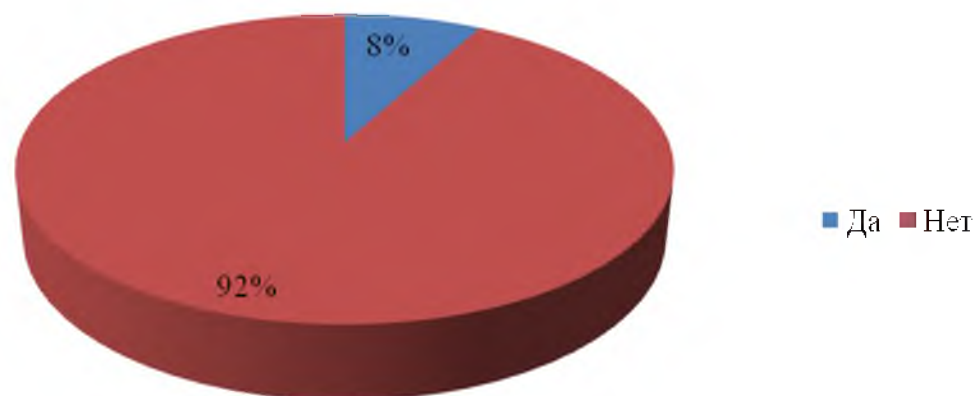

Какие экспертизы проводились по уголовному делу

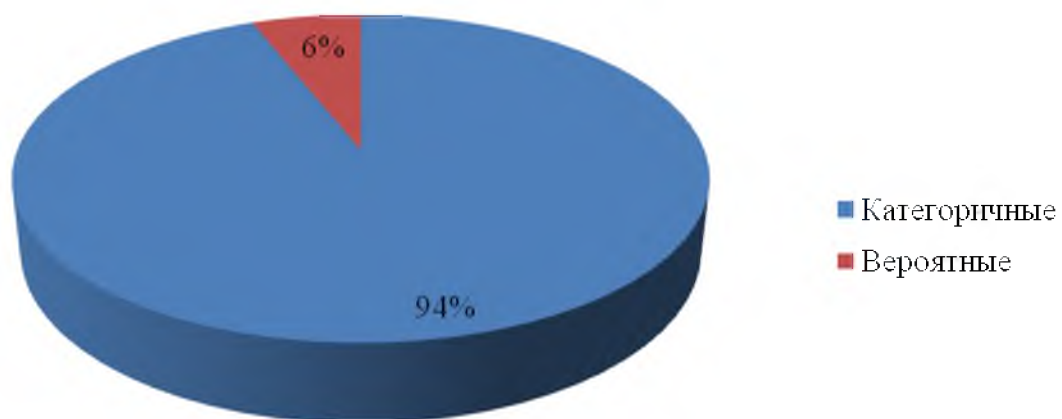
- Судебно-медицинские
- Психолого-психиатрические
- Компьютерно-технические
- Криминалистические (трасологические в т.ч. дактилоскопические, почерковедческие, КЭМВИ, фоноскопические, фотопортретные и др.).
- Психолого - лингвистические
- Психолого - Искусствоведческие

Присутствовал ли следователь при производстве экспертизы

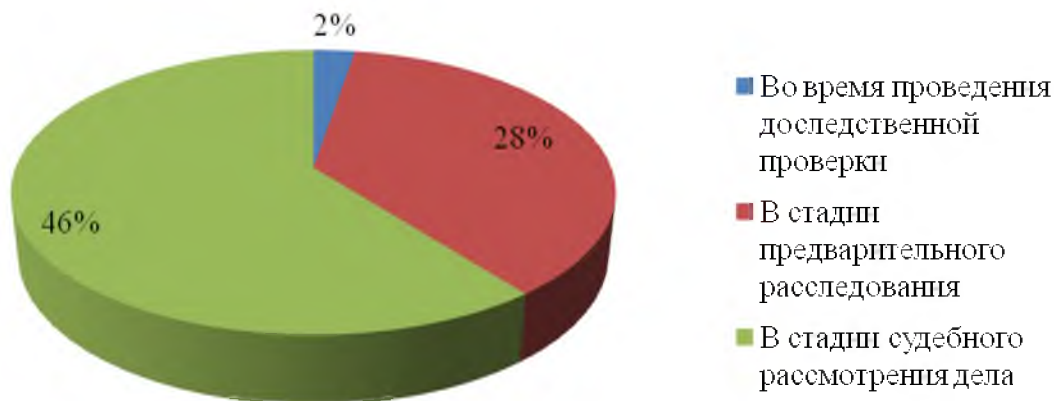

Какие выводы получены в результате проведения экспертного исследования

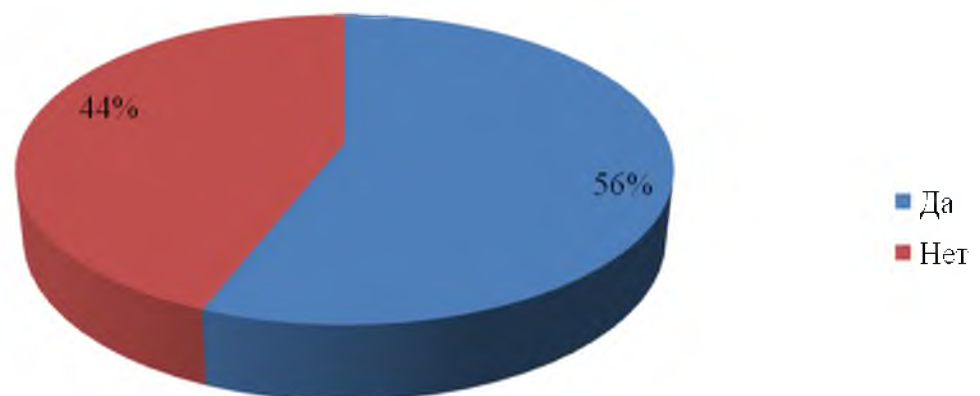

**Обращалась ли сторона защиты о проведении
судебной экспертизы**

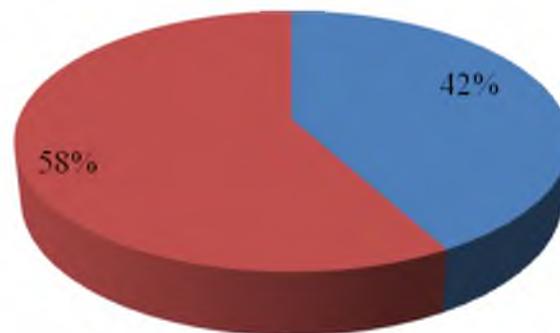
**Использовались ли научно-технические средства в
ходе производства по уголовному делу?**

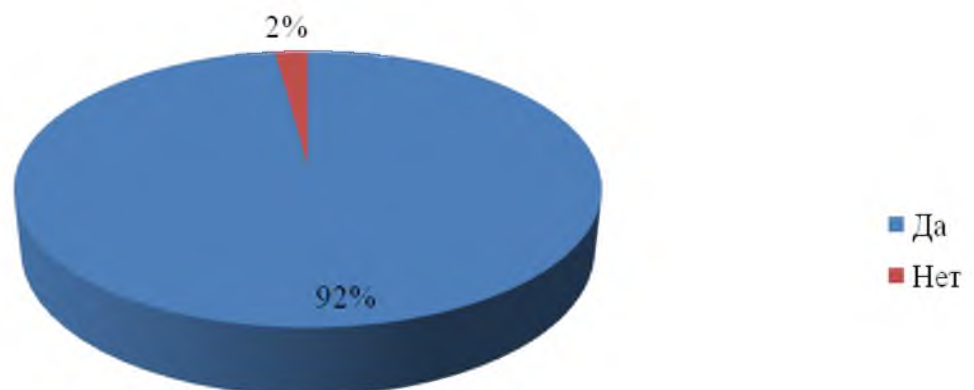
Результаты анкетирования сотрудников органов предварительного следствия и дознания

Под специальными знаниями понимают

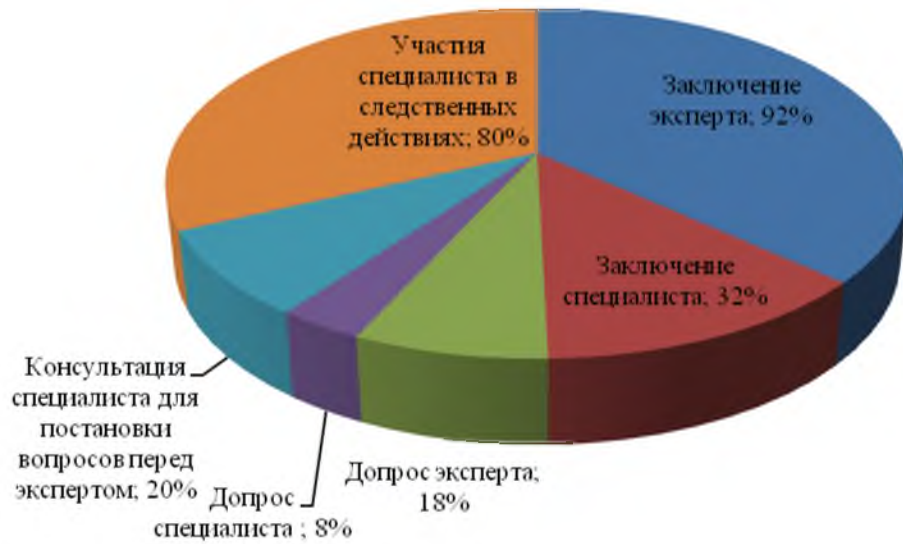
- Знания в области науки, техники, искусства, ремесла
- Знания, которыми сами опрошенные не обладают

Привлекаете ли Вы специалиста к участию в процессуальных действиях, при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних, если сами обладаете определенными специальными знаниями

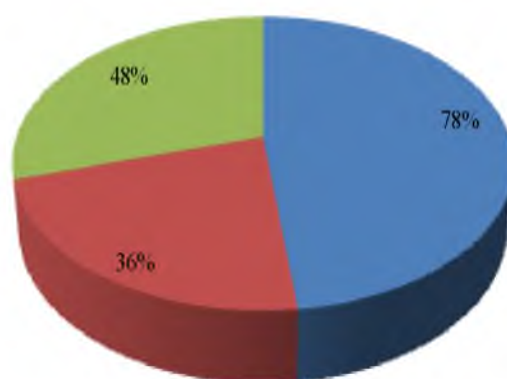
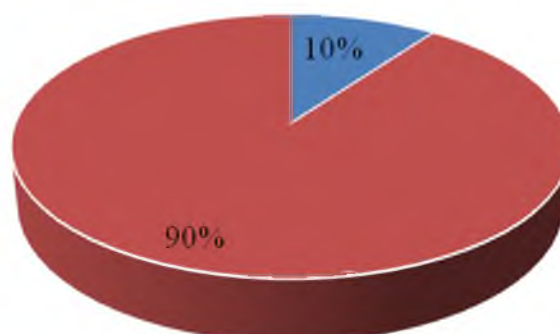

Какие виды использования специальных знаний Вы применяете в ходе расследования преступлений, совершенных с участием несовершеннолетних

Каким образом оцениваете компетентность эксперта (специалиста)

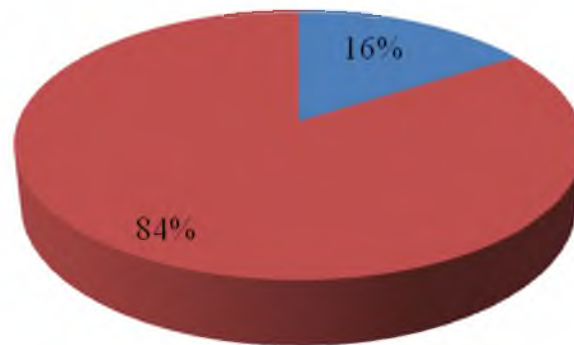
- Наличие диплома
- Наличие практического опыта по специальности
- Полагаются на опыт авторитетных коллег, которые ранее обращались к сведующим лицам

Оцениваете ли экспертное заключение с точки зрения научной обоснованности

- Пытаются оценить
- Не оценивают

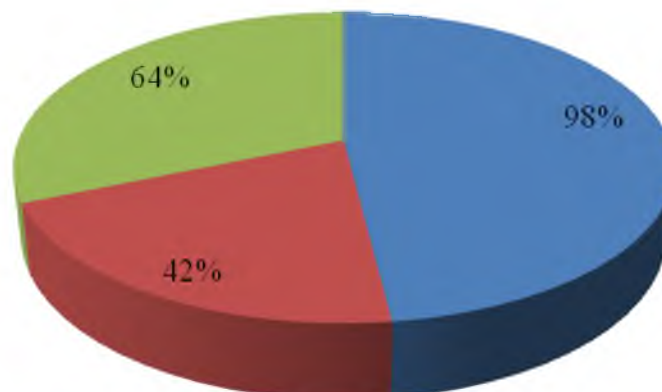
Знакомы ли Вы с последними изданиями и разработками науки судебной экспертологии

■ Да ■ Нет

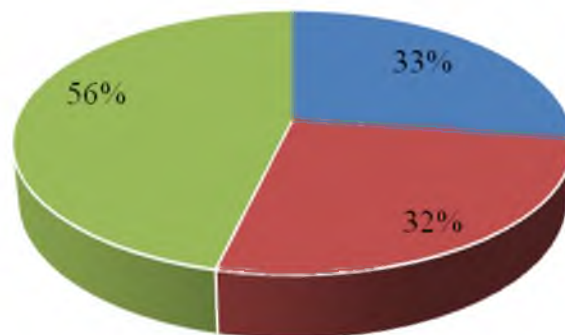

Какими компетенциями должны обладать педагог или психолог, привлекаемые к расследованию преступлений с участием несовершеннолетних

- Компетентность в собственной специальной области знания
- Знание основ уголовного и уголовно-процессуального права
- Знание юридической психологии и основ ювенальной юстиции

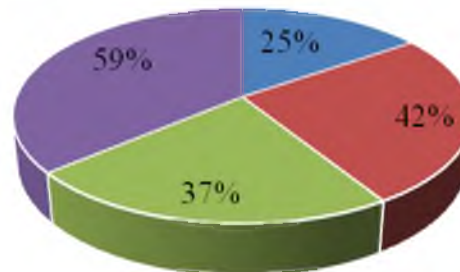

Сведения какого характера содержались в заключениях специалистов?

■ Исследование   ■ Сведения справочного характера   ■ Выводы

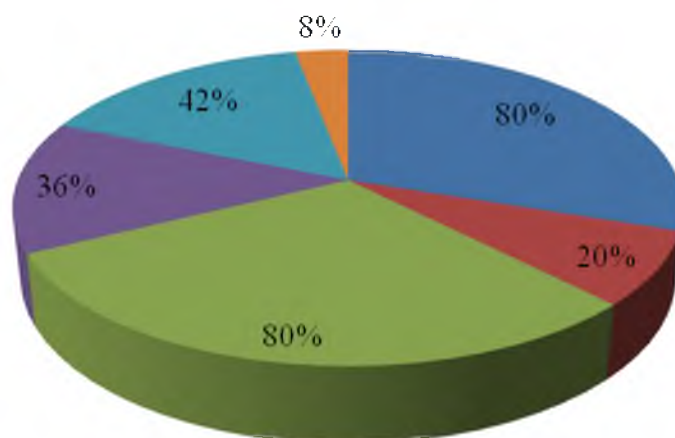
Представляла ли сторона защиты заключения специалиста? Если да, то в какой форме данные заключения приобщались к делу?

- В приобщении представленного стороной защиты заключения специалиста было отказано
- Сторона защиты представляла заключения специалистов
- Заключения специалистов приобщались к материалам дела в качестве иных документов
- Не представляла

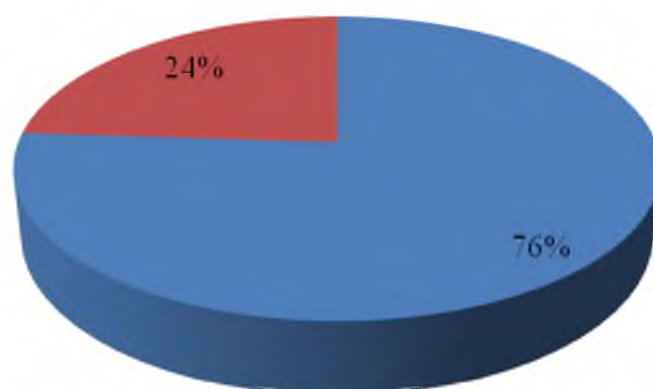
**Каких специалистов привлекали в ходе проведения
доследственной проверки по делам, в которых
принимали участие несовершеннолетние**

- Специалист – криминалист
- Специалист – трасолог
- Специалист в сфере IT-технологий
- Специалист-медик

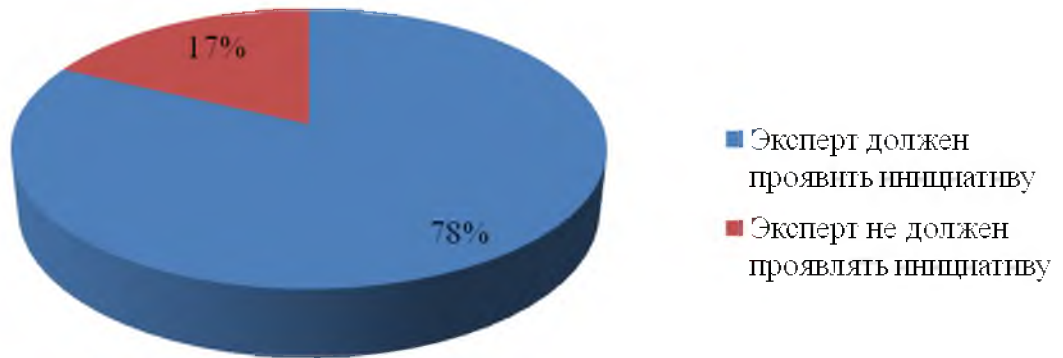

**Считаете ли Вы, что участие психолога
эффективнее, чем участие педагога ?**

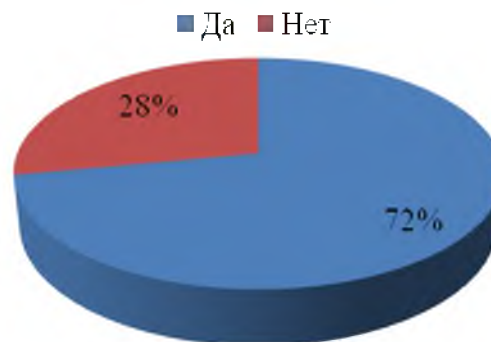
- Да
- Нет

Считаете ли Вы, что эксперт должен проявить инициативу, если видит, что следователь поставил не все вопросы, которые можно решить по представленным материалам?

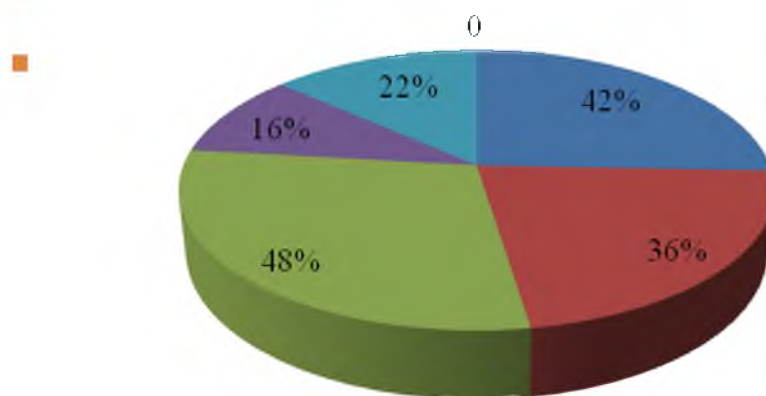
Приходилось ли Вам расследовать преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных систем при участии несовершеннолетних?

Какими факторами обусловлены сложности расследования преступлений, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных систем при участии несовершеннолетних (возможен множественный выбор)

- Сложности взаимодействия с администрацией социальных сетей
- Отсутствуют квалифицированные специалисты в сфере информационно-телекоммуникационных систем
- Сложности с обнаружением, фиксацией и изъятием цифровых следов
- Отсутствие методик расследования преступлений этой категории
- Недостаточность опыта расследования указанных преступлений

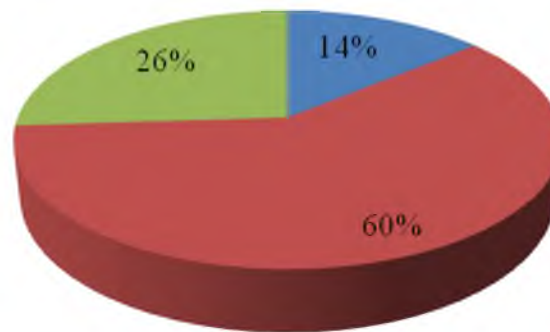
Возникают ли у Вас сложности с выбором экспертов необходимых специальностей, при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних ?

- Возникают сложности
- Не возникают

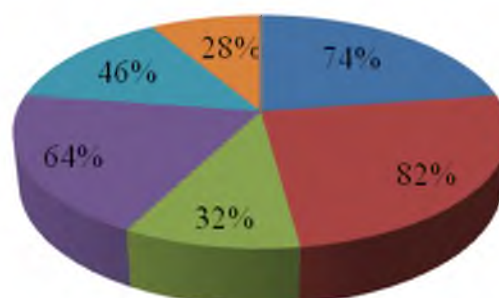
Испытываете ли Вы трудности при постановке вопросов эксперту?

- 1. Да, испытываю
- Пользуясь справочником о назначении экспертиз, в которых приводятся перечни вопросов по каждому из видов экспертиз
- Нет, не испытываю

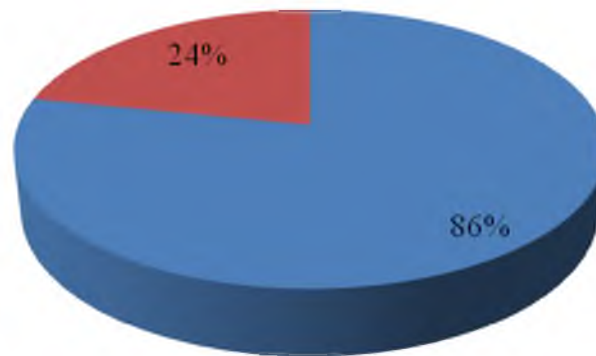
Какие экспертизы назначались при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних?

- Судебно-медицинские
- Психолого-психиатрическая
- Психолого-искусствоведческие
- Криминалистические (трасологические в т.ч. дактилоскопические, почерковедческие, КЭМВИ, фоноскопические, фотопортретные и др.)
- Компьютерно-техническая

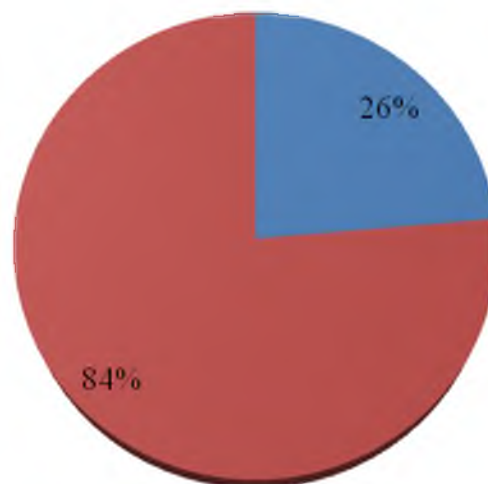
**Считаете ли заключение и показания специалиста
альтернативой судебной экспертизе?**

- Заключение и показания специалиста не являются альтернативой судебной экспертизе, т.к. результаты экспертизы имеют большее доказательственное значение, поскольку основаны на исследованиях

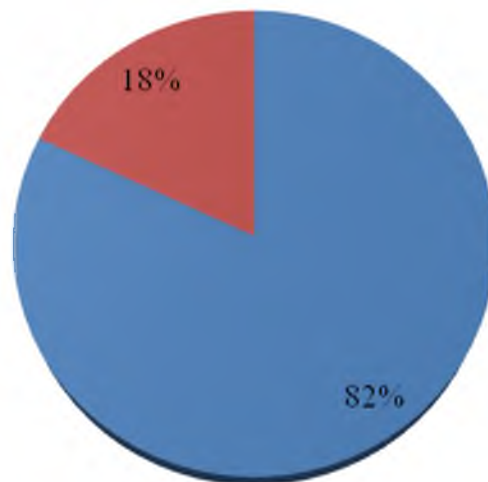
**Присутствовали ли Вы при проведении судебной
экспертизы. Если да, с какой целью?**

- Присутствовали хотя бы раз при производстве судебной экспертизы. Цель – получать у эксперта разъяснения по поводу проводимых им действий, в случае необходимости самому дать эксперту пояснения

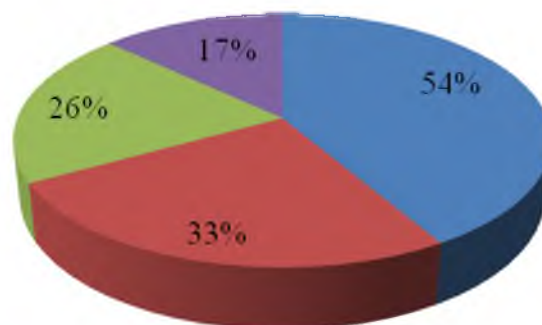
В какие судебно-экспертные учреждения назначаете производство судебных экспертиз, при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних?

- Государственные экспертные учреждения
- В негосударственные экспертном учреждении

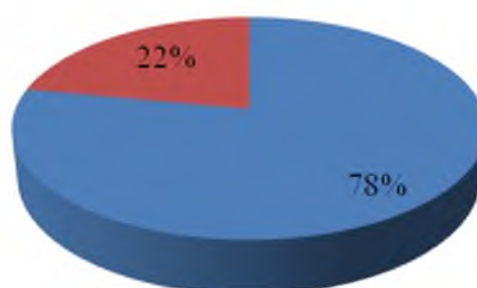
Что влияет на повышение эффективности использования спец. знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних?

- Быстрое развитие науки и техники
- Возрастающие потребности практики
- Качественные изменения преступности
- Интеграция и дифференциация научных знаний

**Как Вы относитесь к тому, чтобы ст. 144 дополнить
правилом о допустимости приостанавливать сроки
принятия решения, для завершения
запланированных проверочных
мероприятий, которые проводятся с помощью
сведущих лиц?**

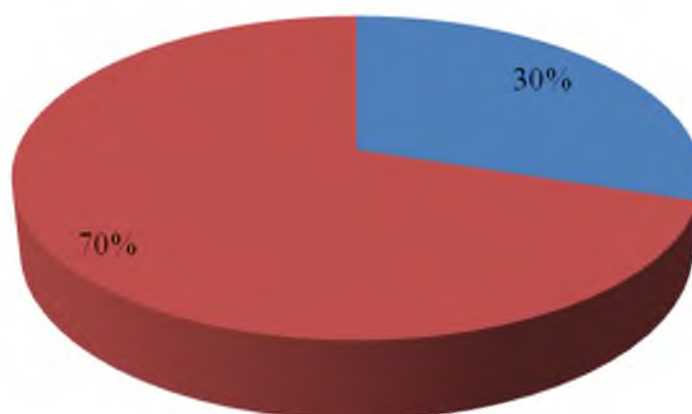
■ Положительно ■ Отрицательно

Результаты анкетирования судебных экспертов

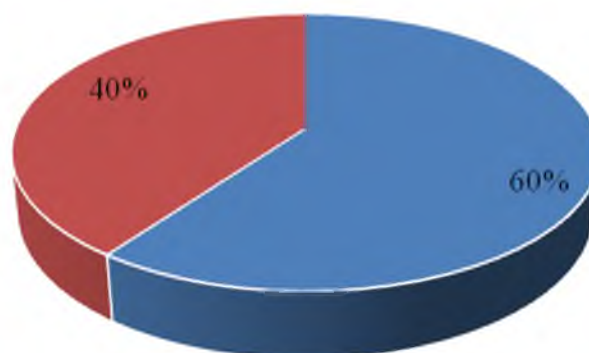
Участвуете ли в научных конференциях, семинарах с целью повышения квалификации?

■ Да ■ Нет

Приходилось ли проводить судебные экспертизы с участием несовершеннолетних?

■ Да ■ Нет

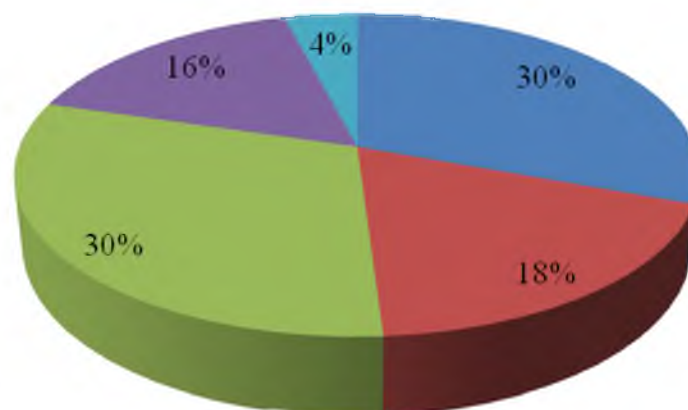
Участвовали ли Вы в производстве комплексных экспертиз ?

■ Участвовали ■ Не участвовали

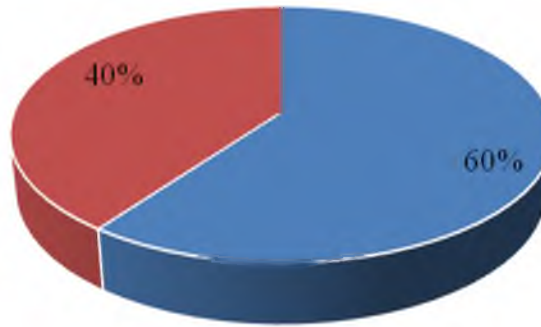

Какие сложности возникают в производстве судебных экспертиз назначенных в отношении несовершеннолетних?

- Отсутствие разработанной методики
- Перед экспертами ставятся вопросы, не входящие в компетенцию эксперта
- Недостаточность представленных на экспертизу материалов
- некорректно сформулированные вопросы
- Иное

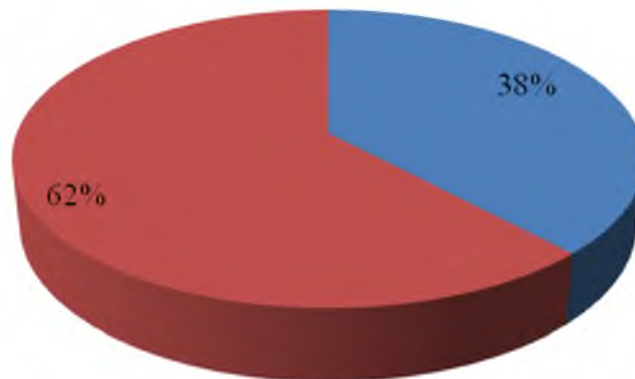
Требуются ли специальные методические рекомендации для производства судебных экспертиз в отношении несовершеннолетних?

■ Да ■ Нет

Входит ли в компетенцию эксперта профилактическая работа с несовершеннолетними?

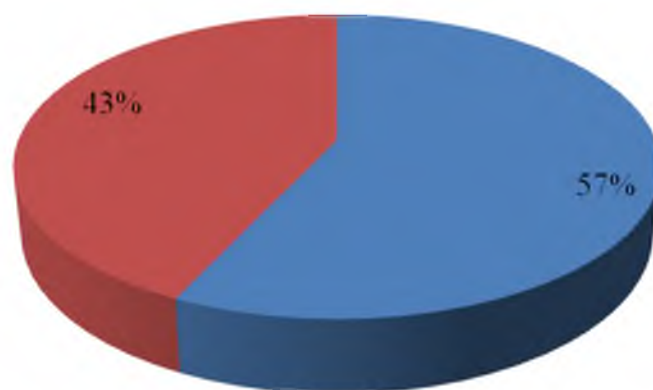
■ Нет ■ Да

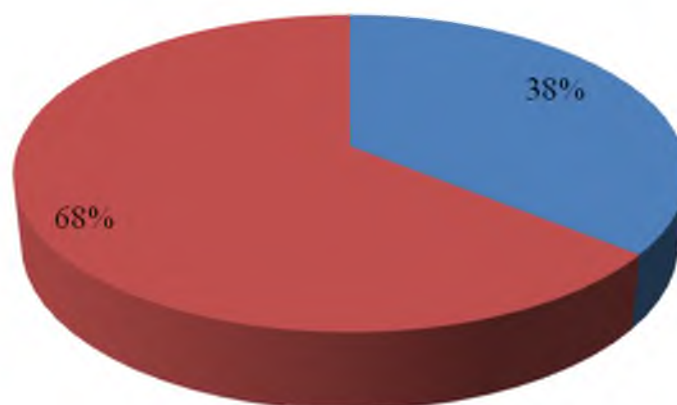
Имелись ли случаи, когда в ходе проведения экспертизы судебные эксперты устанавливали обстоятельства, имеющие значение для дела, но по поводу которых не были поставлены вопросы? Если да, то указывали ли судебные эксперты на это в своем заключении?

■ Да, эксперты указывали на это в своем заключении ■ Нет

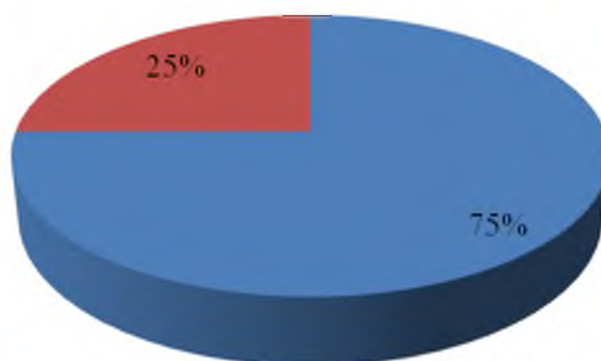
Обращаются ли к судебным экспертам следователи за консультацией при необходимости правильно сформулировать вопросы или определить вид экспертизы; при решении вопроса о целесообразности назначения той или иной экспертизы?

■ Крайне редко ■ Не обращаются

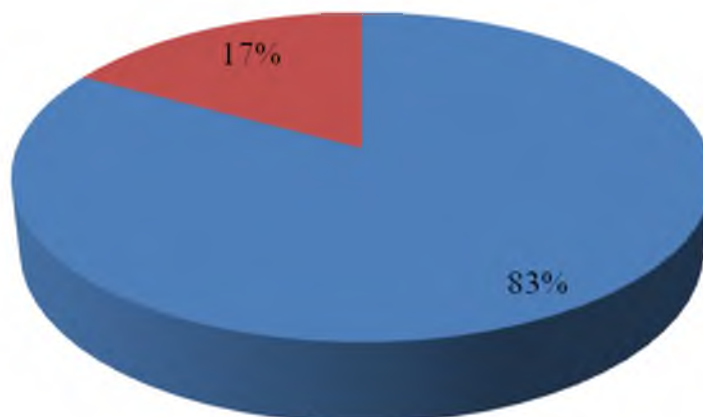
Эксперт должен проявить инициативу, если видит, что следователь поставил не все вопросы, которые можно решить по представленным материалам?

■ Да ■ Нет

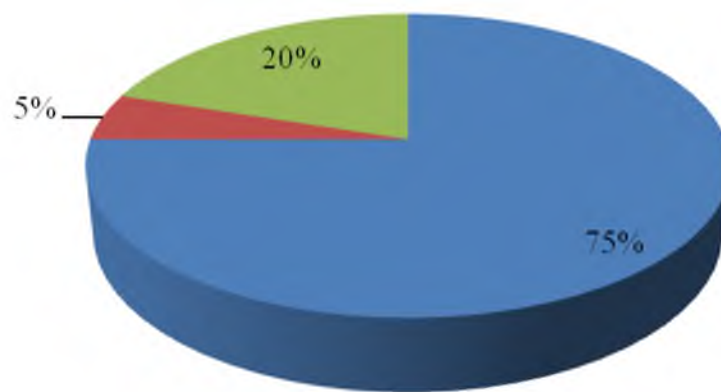
Влияет ли, по Вашему мнению, ведомственное подчинение экспертных учреждений на независимость эксперта? Если да, то каким образом (положительно, отрицательно)?

- Влияет отрицательно — ведомственное подчинение снижает независимость эксперта (существует множество способов давления на эксперта или руководство экспертного учреждения)

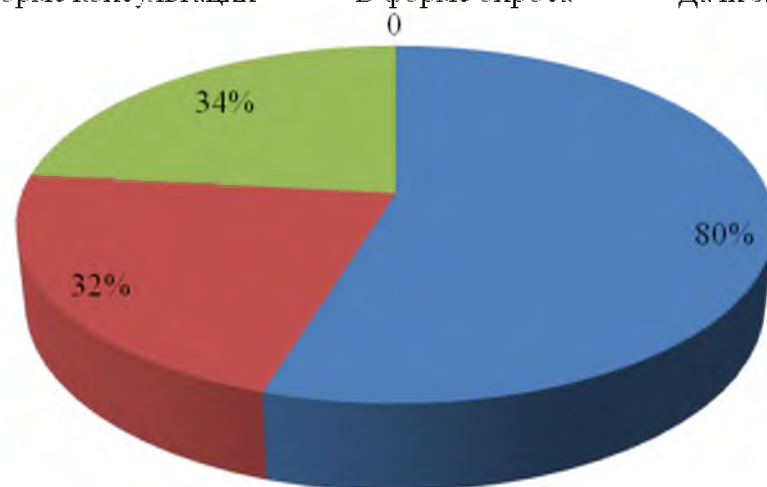

Результаты анкетирования адвокатов**Привлекали ли Вы в своей деятельности специалистов?**

■ Часто ■ Изредка ■ Не обращались

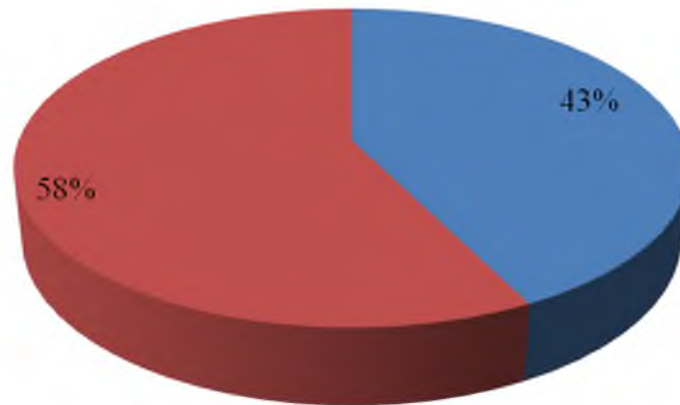
В какой форме Вы используете помощь сведущих лиц?

■ В форме консультаций ■ В форме опроса ■ Дачи заключений

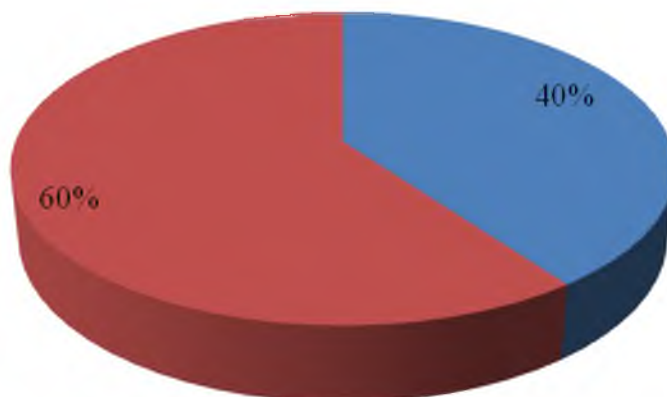
Обращались ли Вы с ходатайством к следователю о привлечении специалиста?

■ Обращались ■ Не обращались

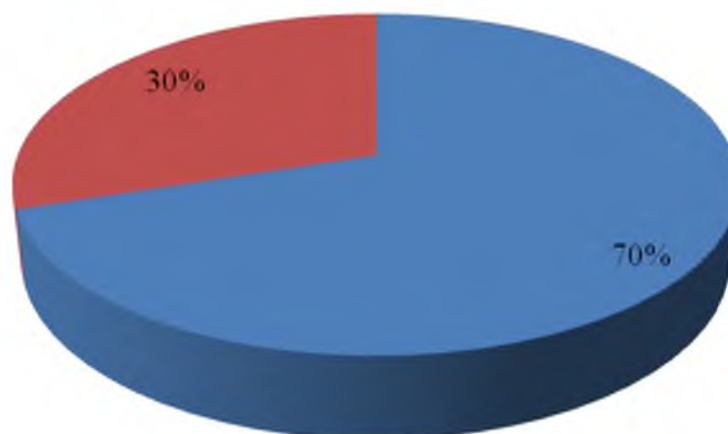
Представляли ли Вы заключение специалиста следователю, суду?

■ Представляли
■ Не представляли

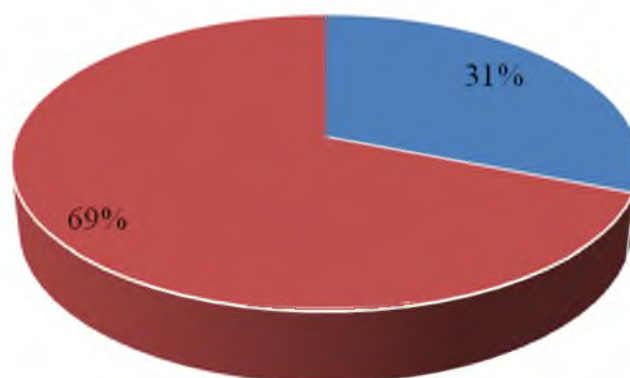
Знакомит ли вас следователь с постановлением о назначении экспертизы?

- Знакомит
- Ознакомление происходит одновременно с заключением эксперта

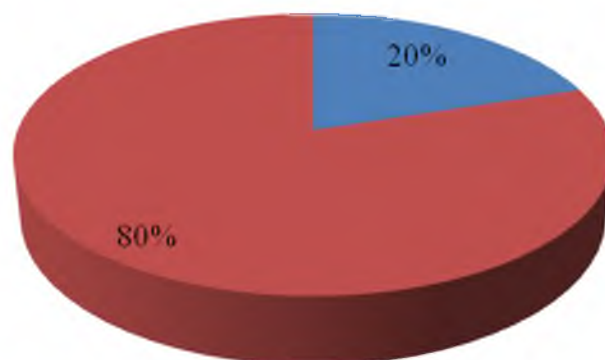
Обращались ли вы к следователю с ходатайством о назначении экспертизы?

- Обращались
- Не обращались

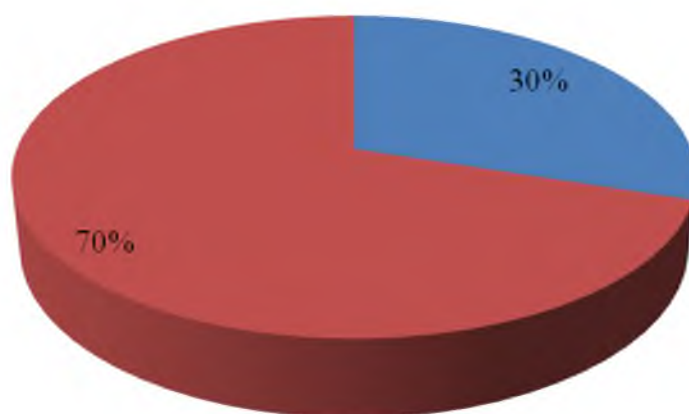
Если экспертиза проводилась по вашему ходатайству, присутствовали ли Вы при ее производстве?

■ Присутствовали ■ Нет

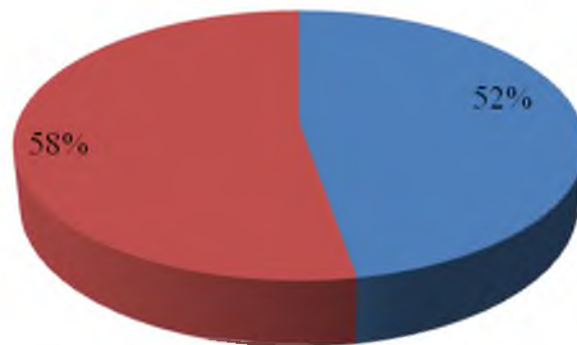
Обращались ли вы к следователю с предложением включить в постановление о назначении экспертизы дополнительные вопросы?

■ Предлагали ■ Нет

Обращались ли вы в негосударственные экспертные учреждения или к частному эксперту для проведения экспертизы?

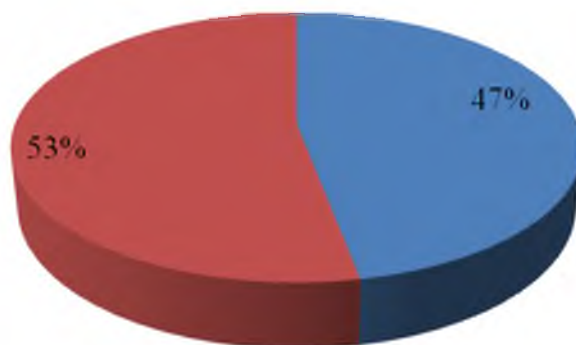
■ Обращались ■ Нет

Обращались ли вы к следователю о приобщении к материалам уголовного дела заключение эксперта, выполненного по вашей инициативе в негосударственном экспертном учреждении или частным экспертом? Если да, то каково было решение следователя?

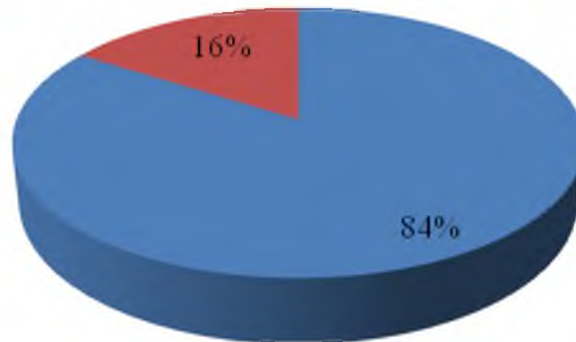
■ Удовлетворил ходатайство

■ Отказ в удовлетворении ходатайства

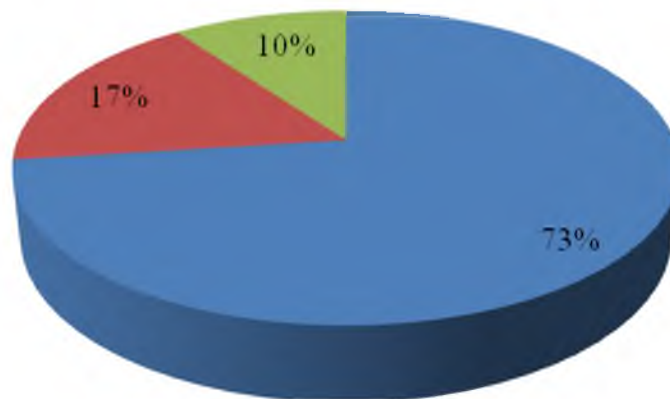
Привлекали ли вы специалиста для ознакомления с материалами уголовного дела?

■ Привлекали ■ Нет

Кто, по вашему мнению, должен оценивать компетенцию специалиста, приглашенного в суд одной из сторон?

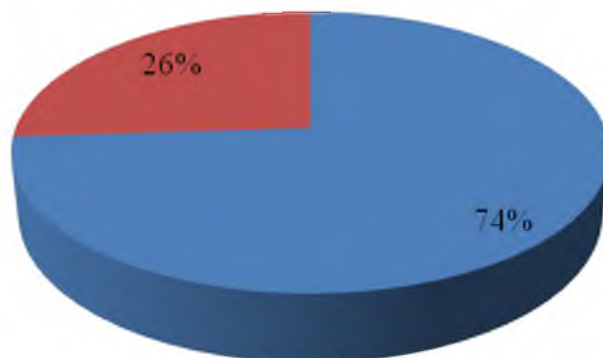
■ Пригласившая сторона ■ Обе стороны ■ Суд

**Считаете ли Вы заключение специалиста
альтернативным судебной экспертизе?**

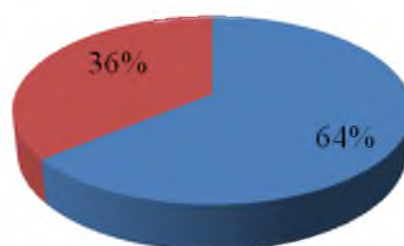
■ Считают ■ Не считают

Результаты анкетирования судей

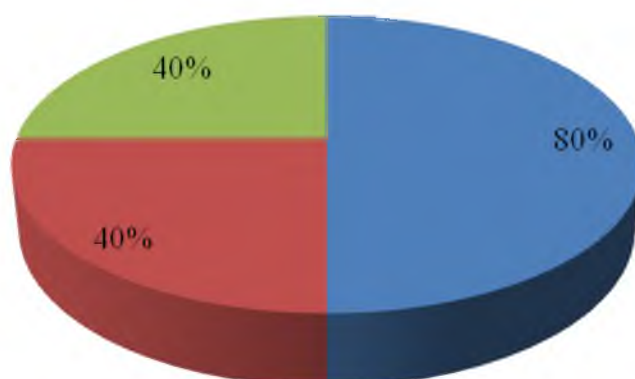
Под специальными знаниями понимают

- Знания в области науки, техники, искусства, ремесла
- Знания, которыми сами опрошенные не обладают

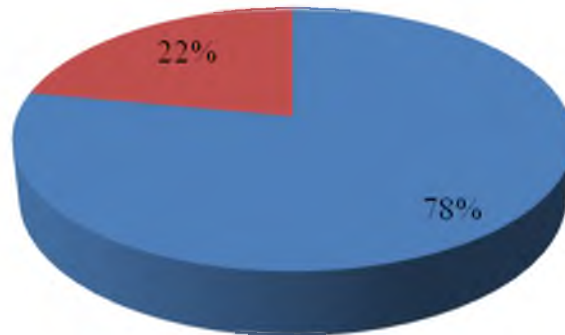
По каким критериям Вы оцениваете компетенцию специалиста, при рассмотрении уголовного дела с участием несовершеннолетних ?

- Наличие диплома о специальном образовании
- Наличие практического опыта
- Обращают внимание на то, чем в настоящее время занимается приглашенный специалист (место работы, занимаемая должность), т.к. если лицо не работает по специальности, он может потерять квалификацию, приобретенные навыки и т.д.

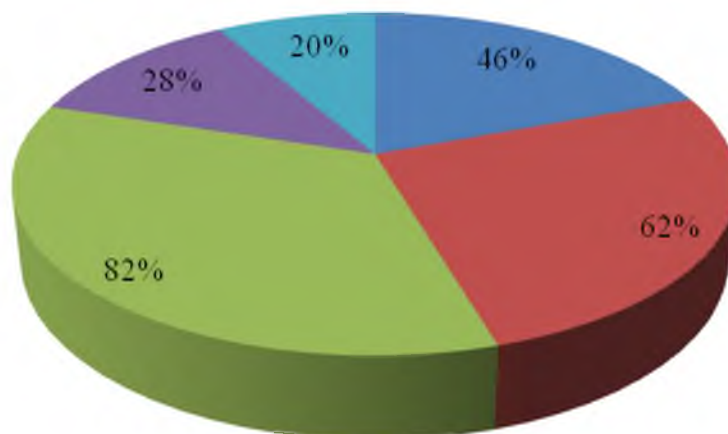

Кто должен оценивать компетенцию специалиста?

■ Суд ■ Обе стороны

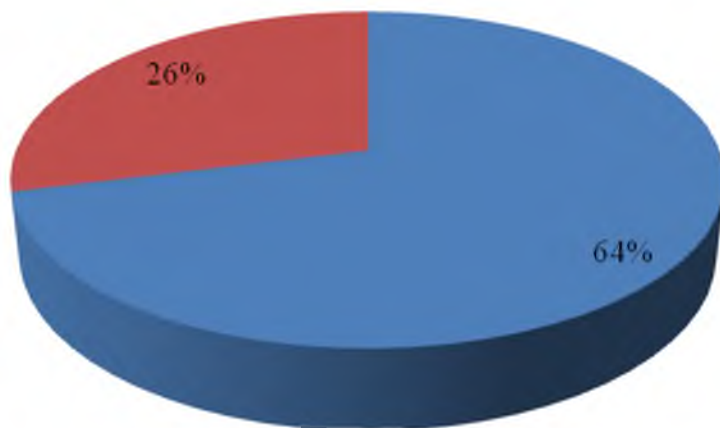
Каким образом вы оцениваете достоверность сведений специалиста?

- Оценивается уровень профессиональной подготовки специалиста
- Учитывается стаж работы специалиста
- Изучается обоснованность сделанных выводов
- Достаточное количество ссылок на научную литературу
- Использование авторитетной методики исследования

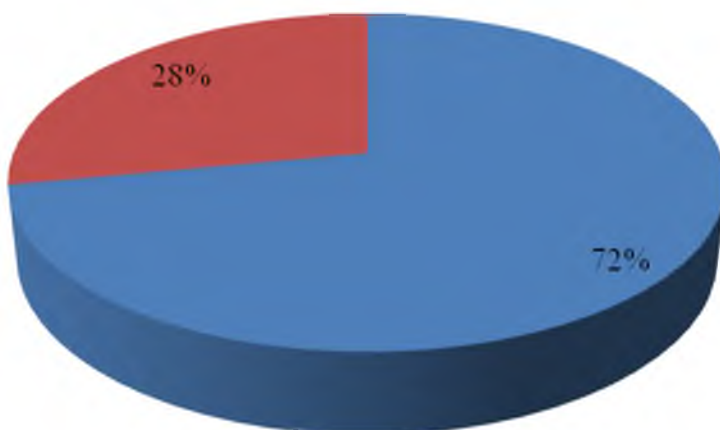
Представляла ли сторона защиты заключения специалистов?

■ Да ■ Нет

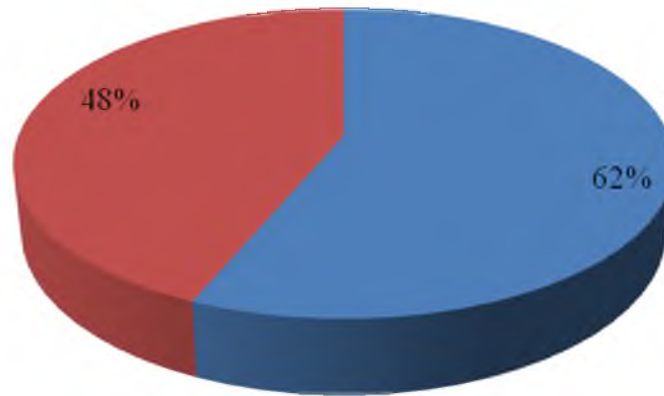
Специалисты были допрошены

■ Допрошены по правилам допроса свидетеля
■ Допрошены по правилам допроса эксперта

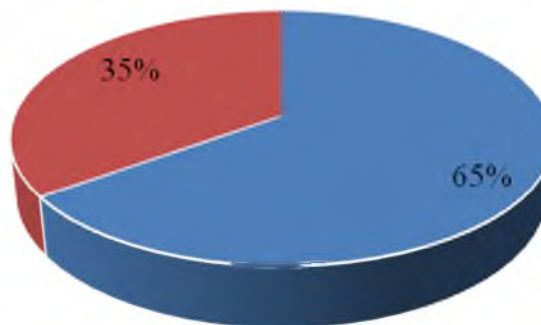

**Считается ли заключение специалиста
альтернативой заключению эксперта**

- Считают, что заключение специалиста не может быть альтернативой заключению эксперта
- Считают, что заключение специалиста может быть альтернативой заключению эксперта

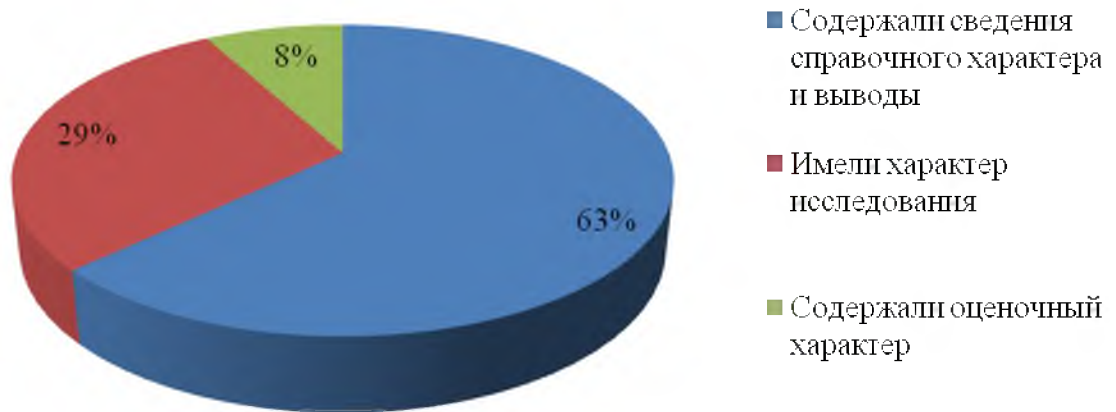

**Приговор обоснован ссылкой на источник
доказательств в виде заключений специалиста**

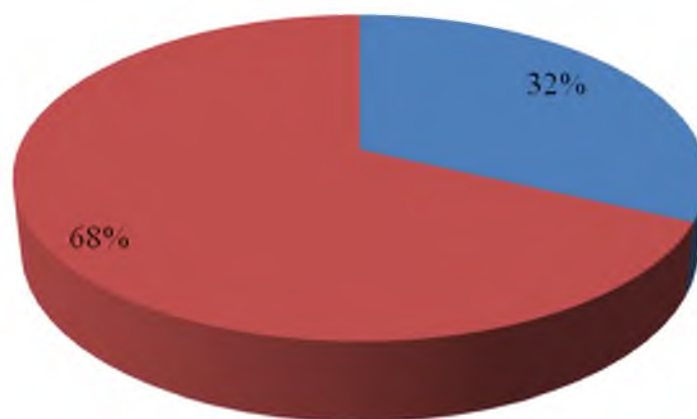
- Опрошенные ответили отрицательно
- Опрошенные ответили положительно

**Сведения какого характера содержались в
заключениях специалиста**

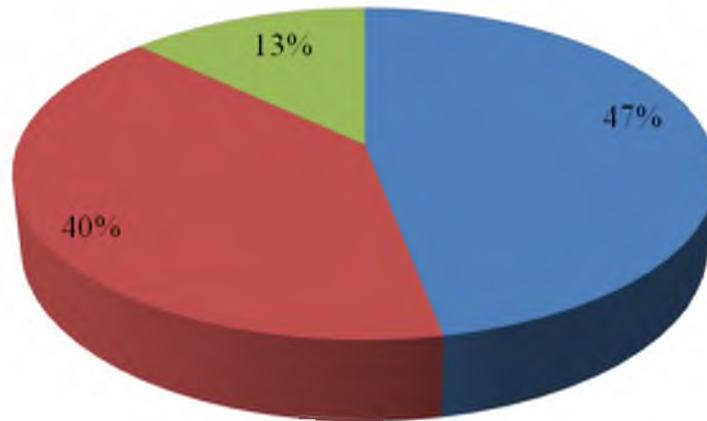
**Считаете ли Вы заключение специалиста
альтернативным судебной экспертизе**

■ Да ■ Нет

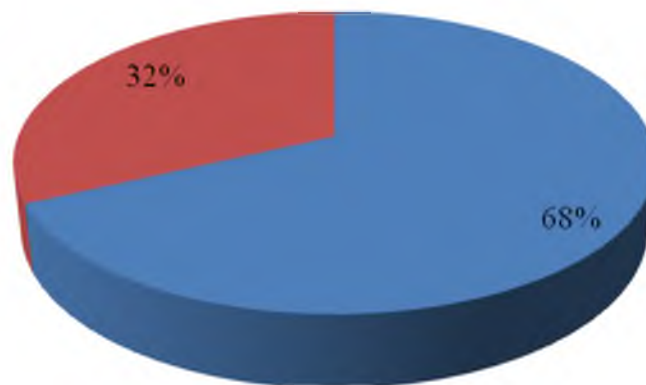

С какой целью вы вызываете на допрос эксперта

■ С целью разъяснения ■ С целью уточнения ■ С целью дополнения

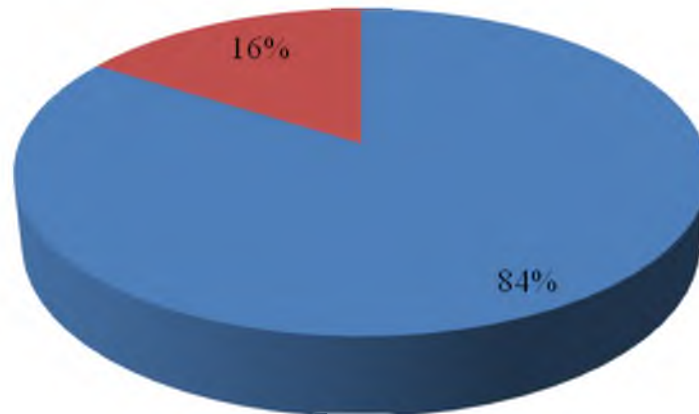
Изучаете ли Вы исследовательскую часть заключения эксперта

■ Судьи не изучают исследовательскую часть экспертного заключения, а интересуются выводами
■ Изучают исследовательскую часть

Как вы оцениваете заключение эксперта, содержащее вывод в вероятной форме

- Заключение эксперта, содержащее вывод в вероятной форме, не может быть доказательством по делу
- Заключение эксперта содержащие выводы учитывается при вынесении приговора в случае, если оно согласуется с другими доказательствами

Считаете ли Вы, что должен быть создан государственный реестр судебных экспертов

■ Да ■ Нет

